МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«КУБАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(ФГБОУ ВО «КубГУ»)

На правах рукописи

Смирнов Алексей Викторович

ОБРАЗЫ ОРДЫНСКОГО ВЛАДЫЧЕСТВА В ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ XVIII – НАЧАЛА XXI В.

Специальность 5.6.1. – Отечественная история

**Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук**

Научный руководитель:
Минц Светлана Самуиловна
доктор исторических наук,
профессор

Краснодар
2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ……... 3

1. ОБРАЗЫ ОРДЫНСКОГО ВЛАДЫЧЕСТВА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ XVIII – НАЧАЛА XX В. …….. 28
   1.1. Ордынское владычество в светской и духовной интеллектуальной истории XVIII – начала XX в. …… 28
   1.2. Представления о русско-ордынских отношениях в учебном и художественно-публицистическом дискурсе XVIII – начала XX в. ……. 54
2. РУССКО-ОРДЫНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ 1920–1980-Х ГГ. ……. 82
   2.1. Образы ордынского владычества в историко-общественной мысли СССР и русской эмиграции……... 82
   2.2. Ордынская тематика в учебниках, кинематографе и художественной литературе 1920–1980-х гг. …… 111
3. ОБРАЗЫ ОРДЫНСКОЙ ЗАВИСИМОСТИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ И МАССОВОМ ОТЕЧЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ ПОСЛЕ 1991 Г. …….. 142
   3.1. Русско-ордынские связи в пространстве современного российского исторического сознании……. 142
   3.2. Современное массовое сознание в России об отношении к ордынскому владычеству……. 170

ЗАКЛЮЧЕНИЕ…… 203

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ 207

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Историческая наука уделяет большое внимание изучению истории интеллектуальной сферы прошлого и настоящего, в частности, образов истории, отразившихся в общественном сознании. Их анализ позволяет увидеть, как формируются и воспринимаются образы исторических событий разными типами сознания на разных этапах процесса развития общества, государства и культуры.

Знания об истории как системообразующий фактор социокультурной и политической идентичности связаны с историей общественно-политической мысли через различные формы репрезентации истории. Современная ситуация подчеркивает огромное значение образов прошлого как инструмента влияния на умонастроение всего населения и его отдельных групп. В настоящее время, когда происходят серьезные трансформации в мировой геополитике, научное осмысление ордынского владычества в исторической памяти россиян представляется актуальной задачей.

Ордынское владычество для отечественного общественного сознания является одной из базовых категорий ее исторической памяти. Данный период вызывал и до сих пор вызывает широкий интерес как в профессиональном историческом, так и в массовом обыденном сознании и используется для построения различных общественно-политических и социокультурных конструктов, выбора векторов дальнейшего развития истории.

В связи с укреплением в сегодняшних реалиях контактов России с Востоком история взаимодействия двух этих миров вызывает все больший интерес. Особое внимание уделяется русско-ордынским отношениям как начальному и весьма продолжительному этапу этих контактов. Данная проблематика активно политизируется, становится полем столкновения различных мнений, идей и идеологий, акторов социокультурных и политических процессов, которые пытаются создать и внедрить в российское общественное сознание определенный образ ордынского владычества на Руси.

Изучение формирования и развития этих образов помогает разобраться в широком комплексе вопросов, связанных с историей и культурой России.

Объектом исследования является российское общественное сознание XVIII – начала XXI в. Общественное сознание – это пространственно-временной континуум, в котором профессиональные и массовые представления об истории превращаются во взаимоотношения идеологии и общественного мнения.

Предмет исследования – историческая динамика и характеристика образов ордынского владычества, отразившихся в общественном сознании России на его профессиональном и массовом уровнях в течение XVIII – начала XXI в.

Хронологические рамки диссертации охватывают период XVIII–XXI вв. В отечественном массовом сознании политический нарратив и беллетристический миф об ордынском владычестве складываются в достаточно четко сформулированные концепции в понятиях эстетики романтизма (конец XVIII – первая треть XIX в.). Их конструированию предшествовало длительное рациональное осмысление исторической и общественно-политической мысли в России на протяжении всего XVIII в. Поэтому нижней границей хронологических рамок работы выбран XVIII в.

Верхней границей исследования является 2024 г., поскольку образы ордынского владычества продолжают меняться и развиваться под воздействием текущих общественно-политических событий как в России, так и за ее пределами.

В **географические рамки исследования** входят территории Российской империи, СССР и Российской Федерации. Долгое время центральную роль в развитии образов, связанных с русско-ордынскими отношениями, играли столичные центры – Москва и Санкт-Петербург (в советское время – Ленинград). Со второй половины XX в. эти образы актуализируются в национальных регионах РФ, которые постепенно становятся центрами особого внимания внешних и внутренних сил,

мечтающих о возрождении Великого Турана. Эти дискурсивные тенденции влияют и на общее состояние общественного сознания современной России.

Степень научной разработанности темы. Интерес к изучению общественного сознания возник на базе историософии Просвещения ещё в начале XVIII в. На рубеже XIX–XX вв. проблемы общественного сознания привлекали внимание отечественных исследователей с точки зрения его влияния на политические настроения масс. Историческая мысль современности практически отказалась от такого подхода к истории общественного сознания в силу ряда глубинных причин. Их разбор выходит далеко за рамки поставленной темы и является объектом другого исследования. Современная историческая наука в феномене общественного сознания выделила более конкретный компонент – «историческая память». Он стал привлекать к себе пристальное внимание ученых и политтехнологов как механизм техногенного управления массовым сознанием. Теоретические основы изучения исторической памяти заложены трудами зарубежных исследователей М. Хальбвакса[1], Ж. Ле Гоффа[2], П. Рикера[3], Б. Андерсона[4], Я. Ассмана[5], Й. Рюзена[6], П. Хаттона[7], Д. Лоуэнталя[8], Х. Уайта[9] и многих других.

Обширная отечественная историография, связанная с изучением исторической памяти, представлена работами ученых как советского, так и постсоветского времени. Российская историография общественного сознания и исторической памяти традиционно сильна ориентацией на применение

---

[1] Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М., 2007.

[2] Ле Гофф Ж. Рождение Европы. СПб., 2007.

[3] Рикер П. Память, история, забвение. М., 2004.

[4] Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М., 2001.

[5] Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004.

[6] Рюзен Й. Утрачивая последовательность истории: (некоторые аспекты исторической науки на перекрестке модернизма, постмодернизма и дискуссии о памяти) // Диалог со временем. 2001. Вып. 7. С. 8–26.

[7] Хаттон П. История как искусство памяти. СПб., 2003.

[8] Лоуэнталь Д. Прошлое – чужая страна. СПб., 2004.

[9] Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург, 2002.

системного метода. Мы видим ее в работах ученых старшего поколения, созданных в советскую эпоху (М.А. Барга[1], Ю.М. Лотмана[2], А.Л. Шапиро[3] и др.), и в многочисленных трудах современных авторов (Л.П. Репиной[4], Л.Н. Мазур[5], В. Шмида[6], И.М. Савельевой, А.В. Полетаева[7], Л.Р. Хут[8], М.И. Лысковой[9] и т.д.).

М.Ф. Румянцева рассматривает соотношение истории как науки и исторической памяти на разных этапах развития профессионального сознания. По ее мнению, разделение истории и памяти происходит в неклассической науке, позже идет разрыв этих элементов и попытки вновь их совместить в научном дискурсе. Неклассическая модель науки не работает при конструировании исторической памяти, но «она может – и должна – выполнять важную, экспертную функцию – вскрывать механизм формирования социальной памяти» [10].

Изучение образа ордынского владычества, сложившегося у его современников, ведется давно и весьма плодотворно[11]. Образ же в

---

[1] Барг М.А. Эпохи и идеи. Становление историзма. М., 1987.

[2] Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб., 2010.

[3] Шапиро А.Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 г. 2-е изд. СПб., 1993.

[4] Репина Л.П. «Мост из прошлого в грядущее», или Вновь о метафоре памяти // Диалог со временем. 2012. Вып. 41. С. 181–190; Она же. Память о прошлом в пространстве культуры // Диалог со временем. 2013. Вып. 43. С. 190–198; Леонтьева О.Б., Репина Л.П. Образы прошлого, мемориальная парадигма и «историография памяти» в современной России // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2015. Т. 6, Вып. 9 (42). URL: https://history.jes.su/s207987840001259-3-1 (дата обращения: 02.04.2024).

[5] Мазур Л.Н. Образ прошлого: формирование исторической памяти // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. Екатеринбург, 2013. № 3 (117). С. 243–256.

[6] Шмид В. Нарратология. М., 2003.

[7] Савельева И.М., Полетаев А.В. Знание о прошлом: теория и история: в 2 т. Т. 1: Конструирование прошлого. СПб., 2003. Т. 2: Образы прошлого. СПб., 2006.

[8] Хут Л.Р. Теоретико-методологические проблемы изучения истории Нового времени в отечественной историографии рубежа XX–XXI вв. М., 2010.

[9] Лыскова М.И. Мировоззренческие истоки современного массового исторического сознания: Социально-философский анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Красноярск, 2006.

[10] Румянцева М.Ф. Проблема коммеморации метанарратив – места памяти – ренарративизация // Диалог со временем. 2016. Вып. 54. С. 16–31.

[11] Рудаков В.Н. Ордынские нашествия в русской исторической памяти середины XIII–XVIII в. М., 2025. См. также работы М.В. Шахматова, И.У. Будовница, А.А. Горского,

общественном сознании более позднего времени, XVIII–XXI вв., вызывает пока меньше интереса. Примером анализа образов исторических событий в общественном сознании XIX–XX вв. является работа О.Б. Леонтьевой[1]. В ней разобраны как теоретические основы подобных исследований, так и их конкретно-историческое применение. В одном из параграфов О.Б. Леонтьева разбирает образ ордынского владычества в отечественной общественной мысли XIX – начала XX в., обращая особое внимание на противопоставление Золотой Орды как Другого, через которого пытались объяснить наличие в русском развитии азиатских черт.

Ряд работ (О.Т. Лойко, Н.А. Вакуриной[2], Е.А. Ерохиной[3], В.Н. Сырова[4]) содержит более подробную характеристику основных терминов и понятий коммеморации. Проблемы исторической памяти разбираются в ряде диссертаций, защищенных в недавнее время (работы Д.А. Сосницкого[5], В.В. Ткаченко[6], А.С. Новолодского[7], Л.Е. Стребковой[8]). Немецкий учёный Ф.Б. Шенк оценивает образ Александра Невского в российской исторической памяти XIII–XX вв.[9]

И.Н. Данилевского.

[1] Леонтьева О.Б. Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX – начала XX вв. Самара, 2011.

[2] Лойко О.Т., Вакурина Н.А. Социальная память в контексте историзма // Вестник Томского государственного университета. Сер.: История. 2011. № 1 (13). С. 158–161.

[3] Ерохина Е.А. Историческая память этнической общности в динамике социокультурных трансформаций // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2008. Т.6, № 1. С. 92–97.

[4] Сыров В.Н. В каком историческом сознании мы нуждаемся: к методологии подхода и практике использования // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 1 (21). С. 183–190.

[5] Сосницкий Д.А. Историческая память о допетровской Руси в России второй половины XIX – начала XXI вв.: автореф. дис. … канд. ист. наук. СПб., 2015.

[6] Ткаченко В.В. Допетровская Русь в исторической памяти XVIII века: автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2020.

[7] Новолодский А.С. Войны времени царствования Ивана Грозного в русской исторической памяти второй половины XVI – начала XX в.: автореф. дис. … канд. ист. наук. Ростов н/Д, 2020.

[8] Стребкова Л.И. Куликовская битва в коммеморативных практиках Российской империи второй половины XIX – начала XX веков: автореф. дис. … канд. ист. наук. Курск, 2024.

[9] Шенк Ф.Б. Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263–2000) / пер. с нем. Е. Земсковой, М. Лавринович. М., 2007.

Учебники как объект исторической памяти рассматривают в отечественной историографии А.Н. Фукс[1], И.С. Огоновская[2], в зарубежной – М. Ферро[3]. М. Ферро также изучает кинематограф как исторический источник[4].

В советской научной литературе исторические взгляды классиков русской литературы исследовал Л.В. Черепнин[5]. Он рассматривал мнения об ордынском владычестве и связанным с ним событиям у А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского. В.В. Мароши проводит анализ отражения монгольской темы в русской литературе XX в.[6] Образ Евпатия Коловрата, одного из центральных героев, связанных в массовом сознании с ордынским владычеством, в русской литературе рассматривают Л.Я. Бобрицких[7], С.Ф. Вититнев и А.В. Шмелева[8].

Проблему влияния художественной литературы на массовое сознание исслдует М.И. Лыскова[9]. Немало работ специалистов посвящено произведениям художественной литературы как исторического источника[10].

---

[1] Фукс А.Н. Школьные учебники по отечественной истории как историографический феномен (конец XVII в. – вторая половина 1930-х гг.). 2-е изд. М., 2017.

[2] Огоновская И.С. Школьный учебник отечественной истории. Учебные издания как исторический источник // Документ. Архив. История. Современность. 2011. Вып. 12. С. 264–286.

[3] Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М., 2010.

[4] Ферро М. Кино и история // Вопросы истории. 1993. № 2. С. 47–57.

[5] Черепнин Л.В. Исторические взгляды классиков русской литературы. М., 1968.

[6] Мароши В.В. «Монгольский миф» в русской литературе XX века // Вестник ТГПУ. 2003. Вып. 1 (33). С. 48–54.

[7] Бобрицких Л.Я. Евпатий Коловрат в истории русской поэзии (Н. Языков «Евпатий», Л. Мей «Песня про боярина Евпатия Коловрата», С. Есенин «Песнь о Евпатии Коловрате») // Вестник Воронежского гос. ун-та. Сер.: Филология. Журналистика. 2015. № 2. С. 14–18.

[8] Вититнев С.Ф., Шмелева А.В. Евпатий Коловрат: художественное воплощение исторического образа // Ученые записки Новгород. гос. ун-та. 2020. № 3 (28). С. 1–6.

[9] Лыскова М.И. Влияние художественной литературы на формирование массового исторического сознания // Современные научные исследования. 2013. Вып. 1: Концепт. URL: http://e–koncept.ru/article/990/ (дата обращения: 13.02.2025).

[10] Каргалов В.В. Древняя Русь в советской художественной литературе: достоверность исторического романа. М., 1968; Тубылевич Р.Е. Древнерусское историческое повествование как источник исторических романов 40–60-х гг. XX в. (С.П. Бородин «Дмитрий Донской», В.Г. Ян «Батый», М.А. Рапов «Зори над Русью», М.Д. Каратеев «Богатыри проснулись») // Вестник Сыктывкарского университета. Сер. гуманитарных наук. 2019. № 3 (11). С. 25–42; Дубин Б.В. Семантика, риторика и

Историография российского евразийства обширна. Череду работ последних лет открывает исследование М.Г. Вандалковской[1]. За ней, как правило, в региональных научных центрах появляется ряд других исследований[2]. Отдельно как концептуальную попытку научного оформления современного евразийства стоит выделить работу «Евразийский мир: ценности, константы, самоорганизация»[3].

В Дальневосточном отделении РАН основной вектор исторических исследований по Средневековью сосредоточен на единой Монгольской империи и её степной компоненте, а не на Золотой Орде. Одним из ведущих исследователей здесь является Н.Н. Крадин[4].

В диссертационных исследованиях Ф.Ф. Мухаметова[5], В.В. Трубкина[6], В.В. Политова[7] разбираются различные аспекты отечественной историографии XVIII – начала XXI в., посвященной ордынскому владычеству. Они стали основой для выбора тех работ, которые современная историческая наука считает основополагающими по данной проблематике.

В начале 2000-х гг. отечественные специалисты по исторической памяти и историографии часто обращались к работам Э. Саида, изучавшего

социальные функции «прошлого»: к социологии советского и постсоветского исторического романа. М., 2003.

[1] Вандалковская М.Г. Историческая наука российской эмиграции: «евразийский соблазн». М., 1997.

[2] Например: Лушников О.В. Предпосылки, формирование и развитие евразийской идеи: история и современность: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2008; Евразийство: философия, история, политика / под ред. О.Т. Кирсанова. Ростов н/Д, 2006.

[3] Евразийский мир: ценности, константы, самоорганизация / под ред. Ю.В. Попкова. Новосибирск, 2010.

[4] Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. Империя Чингис-хана. М., 2006; См. также: Кочевые империи Евразии: особенности исторической динамики / отв. ред. Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин. М., 2019.

[5] Мухаметов Ф.Ф. Отечественная историография монгольского завоевания Руси: автореф. дис. … д-ра ист. наук. М., 2007.

[6] Трубкин В.В. Отечественная историческая литература о русско-ордынских и русско-литовских отношениях в середине XIII – XV вв.: автореф. дис. … канд. ист. наук. Омск, 2007.

[7] Политов В.В. Отечественная историография влияния монголо-татарского ига на социально-политические институты княжеств Северо-Восточной Руси: автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2017.

восприятие Востока в западной интеллектуальной мысли[1]. Для характеристики сложившегося на Западе образа Востока он предлагал использовать термин «ориентализм». Одной из основных идей автора стал тезис о том, что образ Востока, созданный европейским ориентализмом, является конструктом, по которому Европа познает его и формирует к нему свое отношение, через эту дихотомию осознавая и себя. На наш взгляд, данную теорию вполне можно применить и к анализу образа ордынского владычества, поскольку Золотая Орда до конца XX в. российским сознанием по большей части воспринималась как иная, совершенно отличная от России азиатская страна.

Цель работы – охарактеризовать образы ордынского владычества, существовавшие в общественной мысли и идеологии России XVIII–XXI вв., и охарактеризовать этапы их эволюции в интеллектуальной истории России.

Для достижения обозначенной цели были выделены следующие **задачи**:

1) определить образы ордынского владычества, которые используются в системообразующих дискурсивных полях отечественного общественного сознания XVIII – начала XXI в.;

2) раскрыть эволюцию образов ордынского владычества в российском общественном сознании XVIII – начала XXI в.;

3) выявить характерные черты образов ордынского владычества в общественном сознании России XVIII – начала XX в.;

4) осмыслить образы ордынского владычества, сложившиеся в общественном сознании СССР и русской эмиграции 1920–1980-х гг.;

5) определить изменения образов ордынского владычества в профессиональном и массовом сознании России в условиях серьезных общественно-политических и социокультурных изменений после 1991 г.;

6) установить особенности сочетания образов ордынского владычества, сложившихся в различных дискурсивных полях общественного сознания

[1] Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока / пер. с англ. А.В. Говорунова. СПб., 2006.

XVIII – начала XXI в., их взаимодействие и взаимовлияние, механизмы формирования.

Теоретико-методологическая основа исследования базируется на трех фундаментальных принципах исторической науки – объективности, историзма и системности.

При изучении темы основным специально-научным методом стал историко-системный метод. Навыки выбора конкретных стратегий и практик системного моделирования исторических явлений, процессов и состояний стали достижением отечественной исторической науки эпохи позднего Модерна[1]. Введение в предметное поле исторической науки таких системных отраслей исторического знания, как социально-экономическая история, история культуры, интеллектуальная история и имагология, сложившихся в поле междисциплинарного синтеза, сделало возможным применение конкретных приемов системного моделирования к изучению эволюции образов ордынского владычества в пространственно-временном континууме общественного сознания XVIII – начала XXI в.

Системный метод базируется на выявлении компонентов структуры общественного сознания как изучаемого объекта, функций ее элементов и подсистем в системе российской истории. Единичные исторические факты (элементы), необходимые для системного анализа, содержатся в различных продуктах интеллектуального производства изучаемого времени (исторических трудах, публицистике, учебниках, энциклопедиях и словарях, мультфильмах, кинолентах, художественной литературе). Их взаимодействие прослеживается в дискурсивных полях различного масштаба, функционирующих в разные периоды существования общественного сознания.

Для выявления и определения механизмов взаимодействия элементов и

[1] Подробнее об этом см.: Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 1987; Минц С.С. Теория и методология истории: тексты лекций и программа курса. Краснодар, 2007; Минц С.С., Черемушникова И. К. Человек и пространство культуры. Волгоград, 2018.

подсистем общественного сознания России XVIII – начала XXI в. применялся историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический и историко-структурный методы. Поле междисциплинарного синтеза расширяет их возможности при изучении конкретных фаз взаимодействия элементов внутри дискурсивных полей разного уровня.

Системой в данном исследовании является российское общественное сознание XXIII – начала XXI в. Система состоит из разнонаправленных дискурсивных полей. Это подсистемы первого порядка. Каждое из дискурсивных полей состоит из совокупностей большого числа отдельных элементов – конкретных образов ордынского владычества. Это подсистемы второго порядка. Образы разной степени сложности и сформулированности – единичные факты, извлеченные из изученных источников. Результатом применения приемов системного моделирования стала модель эволюции образов ордынского владычества в общественном сознании XVIII – начала XXI в.

Хорошим примером применения системного метода в исторических исследованиях являются работы С.С. Минц. В одной из них[1] системный метод применяется для изучения мемуаров российского дворянства XVIII–XIX вв. как источника, позволяющего выявить социально-психологические особенности этого сословия, их эволюцию и место в общественном сознании того времени. Ценными в методологическом плане представляются рассуждения автора о необходимости использования в историческом исследовании разных уровней логического обобщения и использовании моделей среднего уровня[2]. Системный метод С.С. Минц применяет и при изучении культуры[3].

Важной в методологическом плане является работа Л.П. Репиной[4], где

[1] Минц С.С. Мемуары и российское дворянство: Источниковедческий аспект историко-психологического исследования. СПб., 1998.

[2] Там же. С. 195.

[3] Минц С.С. Культура и самосознание: лекции по культурологии. Краснодар, 2008.

[4] Репина Л.П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). М., 2003.

разбираются многие понятия, связанные с образами истории в общественном сознании и исторической памяти. Автор обращает внимание на взаимодействие ученых знаний и коллективных представлений о прошлом, переход в исторической науке от изучения самого события прошлого к анализу его образа, который сложился у современников и потомков данного события, обосновывает использование различных источников для работы с этими образами[1]. Л.П. Репина полагает неверным «сводить историческое сознание к исторической памяти, столь же неправомерно без всяких оговорок ставить знак равенства между историческим и общественным сознанием, поскольку первое – лишь измерение, срез второго»[2]. В настоящей диссертации автор целиком придерживается подхода к интеллектуальной истории и имагологии, который в своих работах подробно обосновывает Л.П. Репина.

В методологическую базу междисциплинарного синтеза данной работы вошли также результаты исследований из областей социологии, исторической и социальной психологии, литературоведения и достижения интеллектуальной истории.

Любое историческое знание многослойно. Каждый факт может рассматриваться в разных исторических масштабах. Переход на более крупный масштаб исторического пространства и времени изучение образов этих событий помогает лучше понять общие тенденции развития российского общественного сознания XIX – начала XXI в.

Источниковая база исследования. Охватить все многообразие источников, в которых отразился образ ордынского владычества в отечественном общественном сознании, невозможно в рамках одного диссертационного исследования, поэтому в данной работе рассматриваются лишь несколько дискурсивных системообразующих полей. Для профессионального исторического сознания источниками стали фундаментальные обобщающие работы по истории России; для

[1] Репина Л.П. Культурная память и проблемы историописания… С. 5–10.
[2] Там же. С. 26.

характеристики массового сознания – художественная литература и кинематограф как наиболее популярные средства трансляции исторических образов. Связующим звеном между образами прошлого в профессиональном и массовом сознании служат учебники по истории, энциклопедии и публицистика. Важность того или иного источника определялась по оценке его значимости последующими поколениями историков для поля профессионального сознания и наиболее популярными объектами культуры и искусства для массового сознания российского общества. Каждый из этих источников создан в определенной социокультурной среде и одновременно выступает ее производным, компонентом и частью канала трансформации общественного сознания.

В рамках профессионального дискурса для анализа были выбраны наиболее известные и популярные исторические работы, а также те, в которых тема ордынского владычества является основной. Профессиональная историческая наука в России ведет свою историю с рубежа XVII–XVIII вв. Русско-ордынские отношения лишь затрагивались в работах В.Н. Татищева[1], М.В. Ломоносова[2], М.М. Щербатова[3], И.Н. Болтина[4]. Ситуация меняется в XIX – начале XX в., когда выходит большое число известных фундаментальных работ по истории России, среди которых труды Н.М. Карамзина[5], Н.А. Полевого[6], С.М. Соловьева[7], Н.И. Костомарова[8], В.О. Ключевского[9],

[1] Татищев В.Н. История Российская. Ч. 2 // Собрание сочинений: в 8 т. М., 1994. (Репринт. изд. М., 1963–1964).

[2] Ломоносов М.В. Краткий российской летописец с родословием. СПб., 1760.

[3] Щербатов М.М. История Российская от древнейших времен. Т. 3. СПб., 1774; Т. 4. СПб., 1781.

[4] Болтин И.Н. Примечания на историю древния и нынешния России г. Леклерка. [СПб.], 1788. Т. 2.

[5] Карамзин Н.М. История государства Российского: в 12 т. М., 1991. Т. 4.; М., 1993. Т. 5.

[6] Полевой Н.А. История русского народа. М., 1833. Т. 4.

[7] Соловьев С.М. Сочинения: в 18 кн. / отв. ред. И.Д. Ковальченко, С.С. Дмитриев. М., 1988. Кн. 1, т. 1–2; Кн. 2, т. 3–4.

[8] Костомаров Н.И. Начало единодержавия в Древней Руси // Вестник Европы. 1870. № 12. С. 495–563.

[9] Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т. Т. 2, ч. 2: Курс русской истории. М., 1987.

С.Ф. Платонова[1], А.Е. Преснякова[2], М.К. Любавского[3] и др. Появляются и монографии, посвященные отдельным аспектам истории Золотой Орды (П.А. Наумов[4], А.Ф. Рихтер[5], В.В. Григорьев[6], И.Н. Березин[7] и др.).

В советской историографии концептуальную роль по русско-ордынским отношениям и истории средневековой Руси сыграли труды А.Н. Насонова[8], Б.Д. Грекова и А.Ю. Якубовского[9], В.Т. Пашуто[10], Б.А. Рыбакова[11], М.Н. Тихомирова[12], Л.В. Черепнина[13], В.В. Каргалова[14], В.А. Кучкина[15], Г.А. Федорова-Давыдова[16], В.Л. Егорова[17], Я.С. Лурье[18] и др. Среди авторов региональных научных школ необходимо назвать М.Г. Сафаргалиева[19].

В исторической науке постсоветского времени концептуализирующее влияние, связанное с образами ордынского владычества, имеют работы

[1] Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. В 2-х частях. Ч. 1. М., 1994.

[2] Пресняков А.Е. Образование Великорусского государства: очерки по истории XIII–XV столетий. Пг., 1918.

[3] Любавский М.К. Лекции по древней русской истории до конца XVI века. 4-е изд. СПб., 2000.

[4] Наумов П. Об отношениях российских князей к монгольским и татарским ханам от 1224 по 1480 год. СПб., 1823.

[5] Рихтер А. Исследования о влиянии монголо-татар на Россию // Отечественные записки. СПб., 1825.

[6] Григорьев В.В. О местоположении столицы Золотой Орды – Сарая. СПб., 1845.

[7] Березин И.Н. Очерк внутреннего устройства улуса Джучиева. СПб., 1863.

[8] Насонов А.Н. Монголы и Русь. История татарской политики на Руси. М.; Л., 1940.

[9] Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950.

[10] Пашуто В.Т. Героическая борьба русского народа за независимость. М., 1956.

[11] Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. [М]., 1948.

[12] Тихомиров М.Н. Средневековая Москва. М., 1997.

[13] Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М., 1960.

[14] Каргалов В.В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. Феодальная Русь и кочевники. М., 1967.

[15] Кучкин В.А. Русь под игом: как это было? М., 1991.

[16] Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973.

[17] Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. 3-е изд. М., 2010.

[18] Лурье Я.С. Россия древняя и Россия новая (избранное). М., 1997.

[19] Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960.

А.А. Горского[1], Н.С. Борисова[2], Ю.В. Кривошеева[3], И.Н. Данилевского[4], В.В. Трепавлова[5], Р.Ю. Почекаева[6], В.Н. Рудакова[7], Ю.В. Селезнева[8], и др. Увеличивается количество трудов региональных авторов, занимающихся историей ордынского владычества (Р.С. Хакимов[9], И.Л. Измайлов и Д.М. Исхаков[10], Т.Р. Галимов[11], Е.В. Нолев[12], Б.Р. Рахимзянов[13] и др.). Эти авторы посвятили теме русско-ордынских отношений огромное количество работ, исследовать их целиком в рамках одного исследования, разумеется, невозможно, да и не нужно. Для анализа были взяты наиболее концептуальные труды, играющие системообразующую роль в современном историческом сознании.

Особую категорию исторических работ составляют труды по церковной истории, в которых присутствует тема ордынского владычества. Их авторы – митрополит Платон (Левшин)[14], архиепископ Филарет (Гумилевский)[15],

---

[1] Горский А.А. Москва и Орда. М., 2016.

[2] Борисов Н.С. Политика Московских князей (конец XIII – первая половина XIV в.). М., 1999.

[3] Кривошеев Ю.В. Русь и монголы: Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII–XIV вв. 3-е изд. СПб., 2015.

[4] Данилевский И.Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.): курс лекций. М., 2001.

[5] Трепавлов В.В. Золотая Орда в XIV столетии. М., 2010.

[6] Почекаев Р.Ю. Право Золотой Орды. Казань, 2009.

[7] Рудаков В.Н. Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII–XV в. 2-е изд. М., 2014.

[8] Селезнев Ю.В. Русские князья в политической системе Джучиева Улуса (Орды): дис. ... д-ра ист. наук. Воронеж, 2014.

[9] Хакимов Р.С. Золотая Орда как вершина тюрко-татарской цивилизации // Золотоордынская цивилизация: сб. ст. / ред. И.М. Миргалеев. Казань, 2008. Вып. 1. С. 14–21.

[10] А было ли иго? // Родина. 1997. № 8. С. 85–92.

[11] Галимов Т.Р. Киевские митрополиты между Русью и Ордой (вторая половина XIII в.). Казань, 2019.

[12] Нолев Е.В. Современная историография взаимоотношений Руси и Золотой Орды (Улуса Джучи): дис. ... канд ист. наук. Улан-Удэ, 2013.

[13] Рахимзянов Б.Р. Москва и татарский мир: сотрудничество и противостояние в эпоху перемен, XV–XVI вв. СПб., 2016.

[14] Платон (Левшин). Краткая церковная российская история, сочиненная преосвященным Платоном, Митрополитом Московским в Вифании. М., 1805.

[15] Филарет (Гумилевский). История Русской Церкви. Период второй, монгольский. От опустошения России монголами до разделения митрополии. 1236–1410 г. 2-е изд. М., 1850.

митрополит Макарий (Булгаков)[1], Е.Е. Голубинский[2], А.В. Карташев[3] и др. В данном исследовании изучены работы по церковной истории только до 1917 г., а также написанные авторами в эмиграции, поскольку влияние церковного дискурса на общественное сознание было наиболее велико в имперский период и литературе русской зарубежной диаспоры. Наибольшим авторитетом в церковном дискурсе по-прежнему пользуются труды авторов XIX – начала XX в. Образы ордынского владычества, которые транслировались церковной историей, играли и вновь начинают играть важную роль в исторической памяти широких масс населения России. Наиболее восприимчивы к ним оказались его образованные круги. Историки, как и авторы иных исследуемых источников, в своих работах не свободны от влияния внешней среды: воспитания, мировоззренческой позиции, общественно-политической ситуации, государственного заказа и т.д. Всего в рамках изучения дискурсивного поля профессиональной исторической науки исследовано 161 источник.

В данном диссертационном исследовании не рассматриваются отдельной темой работы иностранных авторов по ордынскому владычеству в России, так как они создавались в совершенно иной социокультурной ситуации, чем отечественные труды. Их изучение позволит выявить скорее особенности общественного сознания родных этим авторам стран. Издание переводов подобных работ на русский язык, однако, может свидетельствовать об интересе отечественной мысли именно к ним и заложенным в них идеям среди всей остальной массы зарубежной научной литературы.

Важным источником для изучения массовых представлений об истории является художественная литература. Историческая наука давно обратила внимание на важнейшую роль художественной литературы в формировании

[1] Макарий (Булгаков). История Русской Церкви. Т. 4: В период монгольский. СПб., 1866. Кн. 1.

[2] Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. Период второй, Московский. Т. 2: От нашествия монголов до митрополита Макария включительно. Первая половина тома. М., 1900.

[3] Карташев А.В. Очерки по истории Русской Церкви: в 2 т. М.; Берлин, 2020. Т. I.

исторических образов в массовой и профессиональной сферах общественного сознания[1]. Среди авторов, в произведениях которых образы ордынского владычества занимали видное место, можно выделить С.Н. Глинку, В.А. Озерова, В.Г. Яна, С.П. Бородина, А.К. Югова, М.А. Рапова, М.Д. Каратеева, Б.Е. Тумасова, Д.М. Балашова, И.К. Калашникова, В.В. Каргалова и др. Как видим, ряд авторов художественных произведений, касающихся ордынской тематики, были не только профессиональными писателями, но и профессиональными историками. Художественная литература дает возможность сделать образы исторического повествования объемнее, доступнее массовому читателю. Всего в рамках изучения дискурсивного поля художественной литературы исследовано 45 источников.

Энциклопедические издания являются источниками компактного и легко усваиваемого знания для довольно широких слоев населения. В них в сжатом формате предлагаются концепции и основные взгляды, актуальные в профессиональной исторической среде на момент публикации. Энциклопедии можно рассматривать как регламентирующую литературу, хотя в серьезных научных исследованиях на них ссылаются не слишком часто. Основные достоинства энциклопедий как объекта анализа массового сознания заключаются в их способности привлекать более широкую аудиторию читателей. В работе анализируются статьи об ордынском владычестве в крупнейших отечественных энциклопедических изданиях: Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, Энциклопедический словарь Гранат, Большая советская энциклопедия, Советская историческая энциклопедия, Большая российская энциклопедия.

В сфере публицистики происходит пересечение взглядов профессионального и массового исторического сознания. Специфика публицистики как исторического источника видится в том, что она фиксирует пути и особенности формирования исторических образов в процессе обмена

[1] Шмидт С.О. Памятники художественной литературы как источник исторических знаний // Отечественная история. 2002. № 1. С. 40–41 и др.

мнениями одной социальной группы с другой по общественно значимым проблемам. В рамках изучения и функционирования образов ордынского владычества статус публицистических источников можно придать полемическим выступлениям таких разных авторов, как А.С. Пушкин, Н.Г. Чернышевский, А.И. Герцен, Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий, Л.Н. Гумилев, О.О. Сулейменов, В.А. Чивилихин, В.В. Кожинов, А.И. Фурсов, Е.Ю. Спицын и других, а также произведениям жанра фолк-хистори. Всего в рамках изучения дискурсивного поля публицистики исследовано 38 источников.

Еще одним видом источника, оказывающим системообразующее влияние на образы ордынского владычества в отечественном общественном сознании, является кинематограф. К нему как разновидность можно отнести и мультипликацию. Каждый фильм является отражением своего времени и места возникновения. Даже если действие на экране разворачивается в далеком прошлом, затрагиваемые в нем темы и вопросы остаются важными для создателей и их современников. Яркое проявление связи с проблемами массовой исторической идентичности отличает кино как вид искусства в эпохи позднего модерна и постмодерна. Кинематограф объединяет характерные черты различных сфер культуры, таких как живопись, музыка, литература и театр. Это одна из главных причин его мощного эмоционального воздействия на зрителя, широкой аудитории и значительной роли в формировании общественного мнения о прошлом и настоящем.

Кинематограф оказывает огромное влияние на представления людей и общества в целом об истории. Этот вид источника сравнительно недавно попал в поле зрения историков[1]. Образы, представленные кинематографом,

[1] См.: Волков Е.В., Пономарева Е.В. Игровое кино как источник для изучения культурной памяти // Вестник Южно-Уральского гос. ун-та. Сер.: Социально-гуманитарные науки. 2012. № 10 (269). С. 22–26; Лотман Ю.М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики // Об искусстве. СПб., 1998. С. 288–372; Ферро М. Кино и история // Вопросы истории. 1993. № 2. С. 47–57; Горбачев О.В. Советский художественный кинематограф как исторический документ: особенности анализа и интерпретации // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург, 2015. Вып. 15. С. 126–136.

оказывают большое влияние и на массовое, и на профессиональное сознание. Кинематограф – более распространенный канал трансляции исторических знаний, нежели научные работы.

В работе были изучены следующие кинопроизведения, в которых нашла отражение тема ордынского владычества: «Александр Невский» (1938 г., реж. С.М. Эйзенштейн), «Андрей Рублев» (1966 г., реж. А.А. Тарковский), «Захар Беркут» (1971 г., реж. Л.М. Осыка), «Даниил – князь Галицкий» (1987 г., реж. Я.В. Лупий), «Житие Александра Невского» (1991 г., реж. Г.М. Кузнецов), «Тайна Чингис Хаана» (2009 г., реж. А.В. Борисов), «Орда» (2012 г., реж. А.А. Прошкин), «Легенда о Коловрате» (2017 г., реж. Д.Х. Файзиев), «Золотая Орда» (сериал, 2018 г., реж. Т.А. Алпатов), «Злой город» (2025 г., реж. К.В. Буслов).

В рамках кинематографии рассмотрены только художественные фильмы как средство конструирования образа ордынского владычества. В последние десятилетия выходит много документальных фильмов, в которых освещена данная эпоха, например, проекты Star Media «Рюриковичи», «История государства Российского» и т.п. Документалистика строится по несколько другим приемам, нежели игровое кино, поэтому данный вопрос целесообразно исследовать в отдельной работе.

Мультфильм «формирует в детском сознании первые исторические представления, дает первую картину прошлого»[1]. Мультипликация, в отличие от других видов искусства, отличается предельной условностью. Это открывает перед ней безграничные возможности для выражения иносказаний, юмора и иронии. Благодаря этому мультфильмы способны затрагивать темы, которые в игровом кино были бы сложны или даже невозможны для прямого изображения. Кроме того, мультфильмы эффективно используются для популяризации новых образов и идей, привлекая к ним широкую аудиторию. Автором проанализированы работы режиссеров-мультипликаторов:

1 Капорина Ю.В. Мультфильм как источник первичных исторических знаний // Евразийский союз ученых. 2017. № 3 (36). С. 6.

Р.В. Давыдова, К.Э. Бронзита, С.А. Подивилова, С.В. Гордеева и др. Всего в рамках дискурсивного поля кинематографии и мультипликации изучено 18 источников.

Учебники по истории – еще один важный источник для исследования общественного сознания. А.Н. Фукс верно отмечает, что «в школьном преподавании наиболее рельефно обнаруживается связь между историей и современностью»[1], причем данная ситуация типична для любого периода развития исторического образования в России. Главной функцией в школьном историческом образовании является воспитательная, а не познавательная. Знания в них – лишь материал, из которого лепится образ, соответствующий социальным заказам государства, общества или отдельных групп. Учебники создают массовые стереотипы длительного пользования. При определённых условиях они могут быть весьма устойчивыми.

Для анализа выбраны выходившие массовыми тиражами, наиболее распространенные или официально утвержденные государством в разные исторические периоды учебники Н.Г. Устрялова, Д.И. Иловайского, М.Я. Острогорского, И.И. Беллярминова, В.О. Ключевского, С.Ф. Платонова, М.Н. Покровского, А.В. Шестакова, А.М. Панкратовой, М.В. Нечкиной, Б.А. Рыбакова, А.А. Данилова, Л.А. Кацвы и А.Л. Юрганова, А.Н. Сахарова, А.В. Торкунова, Е.В. Пчелова, Л.В. Милова, Б.Н. Флори и других. Всего в рамках изучения дискурсивного поля учебной литературы по истории исследовано 38 источников.

За рамками диссертации оказались памятники изобразительного искусства, музыки, архитектуры и многие другие, в которых так или иначе отразилась образы ордынского владычества. Отдельной темой для исследования может стать отражение этих образов в народных представлениях широких масс российского населения XVIII–XXI вв. Тут можно задействовать фольклор, устное народное творчество и т.п. Инструментарий для работы с различными группами источников предложен в

[1] Фукс А.Н. Указ. соч. С. 21.

данной диссертации.

Источниковая база исследования включает в себя письменные и визуальные источники разных видов и разновидностей. Она репрезентативна для поставленной исследовательской цели и позволяет проследить появление, способы концептуализации, функционирование и эволюцию образов ордынского владычества в российском общественном сознании.

Научная новизна исследования состоит в следующем:

1. На широком источниковом материале выявлены и рассмотрены образы ордынского владычества в различных областях общественной мысли России XVIII – начала XXI в.: профессиональной и любительской исторической науке, учебной и энциклопедической литературе, поэзии и прозе, публицистике, кино и мультипликации.

2. Выделены системообразующие дискурсивные поля в общественном сознании XVIII – начала XXI в., связанные с представлениями об ордынском владычестве (историческое, публицистическое, религиозное, социально-политическое, социокультурное и художественное), показаны механизмы распространения и воздействия на профессиональное и массовое сознание исторически сложившихся стереотипов ордынского владычества, их зависимость от общественных мнений и настроений: образы ордынского владычества в главах рассмотрены в хронологическом порядке, группировка и пересечение обозначенных дискурсивных полей становится результатом анализа выявленных тенденций и дается в конце каждого параграфа и главы.

3. Установлены характерные черты образов ордынского владычества в российском общественном сознании XVIII – начала XX в., влияние на них религиозного компонента, европейских взглядов на степь и Золотую Орду, вопросов, связанных с определением особого места России между Западом и Востоком, азиатского влияния на неё.

4. Выявлены образы ордынского владычества, сложившиеся в отечественном общественном сознании в 1920–1980-х гг. как в СССР, так и

среди русской эмиграции; показано влияние на них политических интересов в различных областях социокультурной жизни.

5. Выделены особенности эволюции образов ордынского владычества в общественном сознании России после 1991 г., воздействие на них интересов региональных элит и разных групп населения, новых концепций исторического знания; выявлена связь этих образов с геополитическими интересами и задачами построения новой гражданской нации.

6. Определены периоды и этапы эволюции образов ордынского владычества в пространственно-временном континууме общественного сознания России XVIII – начала XXI в.; на основе выявления пересечения различных дискурсивных полей построена динамическая системная модель истории образов ордынского владычества, влиявших на политическую и социокультурную активность россиян; показана история образов ордынского владычества от их религиозной трактовки «наказания за грехи» к превращению в инструмент последовательной борьбы за обладание геополитическим и историческим капиталом Золотой Орды и империи Чингисхана.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Образы ордынского владычества рождаются и функционируют в различных сферах общественного сознания. Структурируются они, как правило, в дискурсивных полях с достаточно высокой степенью профессионализации представлений о нормах, ценностях и идеалах. Это поля исторического, религиозного, социально-политического, социокультурного и художественного дискурсов. При этом доля профессионализированных представлений не является в каждом из них доминирующей. Например, образы ордынского владычества, рожденные в поле профессионального или любительского исторического дискурса, имеют в своем составе, кроме представлений о технологии построения научных понятий, черты политической или религиозной идеологизации, смыслового содержания мифа, этических или эстетических идей. Принадлежность образа к тому или иному

дискурсивному полю определяется по доминирующему компоненту в его структуре. Доминанты рождаются в точках пересечения дискурсивных полей.

2. Системная динамическая модель истории образов ордынского владычества может быть построена с опорой на представления о том, что общественное сознание – это объемный многомерный пространственно-временной континуум (в науке последних лет такие системы называют 3D-моделями). Роль подсистем в нем выполняют дискурсивные потоки разной направленности и интенсивности. Механизмы взаимодействия этих потоков наиболее интенсивно проявляются в дискурсивном поле публицистики, а общественные функции образов становятся заметнее в точках пересечения дискурсивных полей разной специализации и направленности.

3. На формирование и функционирование образов ордынского владычества в XVIII – начале XX в. большое влияние оказывали религиозная концепция власти Орды как наказания за грехи и поиск национальных особенностей России, в том числе связанных с Востоком. Общественное сознание довольно долго воспринимало влияние Орды как внешнее, чужеродное для русской истории, несмотря на то, что в привилегированных сословиях Российской империи было немало выходцев из Золотой Орды. Концептуализация образов идет под влиянием идей Просвещения и эстетики романтизма. Со второй половины XIX в. ордынское владычество начинает связываться с национально-освободительной борьбой русского народа и противостоянием леса и степи.

4. История образов ордынского владычества в дискурсивном поле материалистических представлений отечественного сознания 1920–1980-х гг. подчинялась социально-политическим задачам, стоявшим перед советским государством, и потребностям формирования политической идентичности разных групп населения многонациональной страны. В 1920-е гг. происходит раскол общественного сознания на эмигрантское и оставшееся внутри страны, образы ордынского владычества в этих частях развиваются параллельно, но с 1970-х гг. все больше сходятся на основе интереса к идеям евразийцев.

5. С 1991 г. образы ордынского владычества превращаются в инструмент для утверждения национальной идентичности отдельных регионов России. На федеральном уровне в русско-ордынских отношениях ищут основание для новых геополитических идей и положения России в современном мире как наследницы евразийских тенденций Золотой Орды и империи Чингисхана. Продолжается использование этих образов как средства для сплочения нации в борьбе с иноземными завоевателями. Эти две линии постепенно вступают друг с другом во все большие противоречия, возможность их совмещения в дальнейшем может помочь в преодолении кризиса и раздробленности российского общественного сознания.

6. Степень однородности общественного сознания как пространственно-временного континуума меняется от периода к периоду и определяется по способам концептуализации образов ордынского владычества и функциям, которые они выполняют в подсистемах (дискурсивных полях). В истории общественного сознания XVIII – начала XXI в. выделены три основных периода эволюции образов ордынского владычества: XVIII – начало XX в. – имперский период формирования и взаимодействия образов ордынского владычества; 1920–1980-е гг. – господство в политическом дискурсе материалистических представлений об образах ордынского владычества; 1990-е – первая половина 2020-х гг. – трактовка образов ордынского владычества в сложных поисках новых форм российской идентичности.

Соответствие диссертационного исследования паспорту научной специальности. Диссертационное исследование выполнено в рамках специальности 5.6.1. – Отечественная история и соответствует следующим направлениям исследований: 9. История общественной мысли. Интеллектуальная история. Историческая имагология. История образования и образовательных институтов; 12. История развития культуры, науки и образования России, ее регионов и народов; 24. История государственной и общественной идеологии, общественных настроений и общественного мнения.

Теоретическая значимость исследования заключается в системном анализе отражения проблематики ордынского владычества в истории отечественной общественной мысли. Рассмотрены образы ордынского владычества в профессиональном и массовом общественном сознании и дискурсивные поля их взаимодействий. Впервые предложена системная динамическая модель эволюции образов ордынского владычества в российском общественном сознании XVIII – начала XXI в.

Практическая значимость исследования. Исследование представляет интерес для изучения истории России в контексте интеллектуальной истории, истории идей и общественных настроений XVIII–XXI вв. Его результаты могут быть использованы в учебных курсах по истории России, культуре, политической мысли, а также в специализированных дисциплинах, посвященных интеллектуальной истории и имагологии. Приемы и методы изучения общественного сознания, использованные в работе, представляют интерес для современного источниковедения и методологии истории.

Апробация темы исследования. Основные положения исследования апробированы в ходе участия в следующих конференциях: III Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) «Региональные культурные стратегии в современном мире» (г. Пермь, 11–12 мая 2023 г.), 74-й конференции ФИСМО в рамках Молодежной недели науки КубГУ (г. Краснодар, 22–26 апреля 2024 г.), IV Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) «Региональные культурные стратегии в современном мире» (г. Пермь, 16–17 мая 2024 г.), IX Всероссийском молодёжном научном форуме «Наука будущего – наука молодых» (г. Самара, 29 октября – 1 ноября 2024 г.), 75-й конференции ФИСМО в рамках Молодежной недели науки КубГУ (г. Краснодар, 21–25 апреля 2025 г.), XIII Международной научно-практической школе-конференции молодых ученых (г. Москва, 21–24 октября 2025 г.).

Результаты диссертации нашли отражение в 9 научных публикациях, из них 3 в ведущих рецензируемых научных изданиях, входящих в

рекомендованный перечень ВАК при Минобрнауки России, отнесенных к квартилю 2. Общий объем опубликованных работ составляет 5,13 п.л.

Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры истории России ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (г. Краснодар).

Структура диссертации отвечает поставленным цели и задачам. Диссертация состоит из введения, трех глав, состоящих из 6 параграфов, заключения и списка использованных источников и литературы.

1 ОБРАЗЫ ОРДЫНСКОГО ВЛАДЫЧЕСТВА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ XVIII – НАЧАЛА XX В.

1.1 Ордынское владычество в светской и духовной интеллектуальной истории XVIII – начала XX в.

В России XVIII век ознаменовался становлением истории как самостоятельной научной дисциплины, обладающей собственным предметом изучения и методологией. Зависимость от Орды занимала русских историописателей с начала появления профессиональной исторической науки в России. Труд А.И. Лызлова (ок. 1655 – не ранее 1697) «Скифская история» – одна из первых специально-исторических работ в отечественной исторической мысли, посвященная взаимоотношениям Руси со степью, особенно с Золотой Ордой. По времени создания (1692 г.) «Скифская история» несколько выходит за хронологические рамки исследования, но данную работу целесообразно рассмотреть как начало перехода в восприятии образов ордынского владычества от летописного к рациональному взгляду.

У А.И. Лызлова преобладал религиозный взгляд на причины зависимости Руси от Орды. Он противопоставлял цели Руси и степных завоевателей во время нашествия Батыя: «Погании бишася славы и богатств обрести хотяще. Христиане же хотяще оборонити любимое Отечество...»[1]. В противостоянии степнякам христианская вера объединяла для А.И. Лызлова все исповедующие ее народы – много места в его труде занимает описание похода Батыя на Польшу и Венгрию. Внимание к разорению монголами других европейских стран, а не только Руси будет присуще всей отечественной исторической мысли до начала XX в.

Первую светскую обобщающую работу по истории России с древнейших времен написал А.И. Манкиев (?–1723). Хотя само понятие «иго» было знакомо на Руси, его никогда не применяли для описания отношений с

[1] Лызлов А.И. Скифская история / отв. ред. Е.В. Чистякова. М., 1990. С. 23.

ордынскими ханами. Первым, кто начал использовать это слово в таком контексте, был польский хронист Я. Длугош в конце XV в. В России термин «иго» применительно к ордынскому владычеству впервые появился в «Синопсисе», изданном во второй половине XVII в.[1] Манкиев считал, что суть зависимости Руси от Орды заключалась в ограничении власти русских князей, которые больше не могли полноправно распоряжаться своими землями. Единственной причиной завоевания Руси Батыем он называл междоусобные войны между русскими князьями[2].

В.Н. Татищев (1686–1750) первым в отечественной исторической науке Нового времени, кто комплексно исследовал древнюю Русь. Разделение его «Истории Российской» на периоды в соответствии с нашествием Батыя подчеркивает ключевую роль ордынской темы в его работе. Ордынцев В.Н. Татищев характеризовал как коварных и жестоких людей. Автор подчеркивал важность религиозного влияния. Одной из причин, побудивших рязанского князя к борьбе с татаро-монголами, было его нежелание «христиан предать в руки беззаконных и поругать веру христианскую»[3]. В.Н. Татищев приводил слова Олега Муромского, которые князь сказал перед вторжением монголов в Рязанскую землю. Олег спрашивает других князей, не лучше ли им покориться такой огромной силе: «Я ведаю, что поддаться и рабами себя учинить есть поносно и горестно, но противно тому самим погибнуть, жен, детей и всю землю в погибель и крайнее разорение привести есть несравненно тяжчае того»[4]. Это одно из уникальных известий В.Н. Татищева. Историк оставил открытым вопрос о том, было ли верным решение русских князей не сдаваться Батыю. Показательна сама постановка вопроса о возможности подчинения неведомому врагу как лучшего варианта, нежели сопротивления

[1] Рудаков В.Н. Концепция ордынского «Ига» и отношения с Ордой в русском общественном сознании второй половины XIII–XVI веков // Вестник МГИМО–Университета. 2012. № 4 (25). С. 24.

[2] [Манкиев А.И.] Ядро Российской истории. М., 1770. С. 165.

[3] Татищев В.Н. История Российская. Ч. 2 // Собрание сочинений: в 8 т. М., 1994. (Репринт. изд. М., 1963–1964). Т. 3. С. 231. Здесь и далее сохранены орфография и пунктуация оригиналов.

[4] Там же. С. 232.

ему. Здесь на Татищева, вероятно, повлияли религиозные воззрения летописцев на зависимость от Орды как божью кару, противостоять которой бесполезно.

У М.В. Ломоносова (1711–1765) в его завершенных исторических произведениях нет сформулированных образов ордынского владычества. Некоторое представление о них могут дать «Идеи для живописных картин из Российской истории», где из 25 сюжетов истории России X – начала XVII в., которые можно использовать для написания картин, к периоду ордынского владычества относятся лишь три: обручение ярославского князя Федора Чермного в Орде, Куликовская битва и свержение власти Орды Иваном III[1]. В замечаниях на диссертацию Г.Ф. Миллера Ломоносов написал: «Татара хотя никогда в российских городах столицы не имели… но токмо посылали баскак или сборщиков, однако и поныне имеем мы в своем языке великое множество слов татарских»[2]. Таким образом, он первым в отечественной общественной мысли связал появление монголов с их долгосрочным влиянием на русскую культуру.

В работе крупнейшего российского историографа второй половины XVIII в. М.М. Щербатова (1733–1790) «История Российская от древнейших времен» автор анализировал отечественную историю, включая русско-ордынские отношения, с позиции секуляризма. Он стремился найти объяснения для упоминаний о божественных силах в исторических текстах с помощью рациональных аргументов. Тем не менее, он не являлся атеистом и признавал возможность Божьего Провидения и чудес, влияющих на развитие событий, «но видим, что часто Бог оныя естественными причинами производит»[3]. Другой характерной чертой образа ордынского владычества

[1] Ломоносов М.В. Идеи для живописных картин из Российской истории // Ломоносов М.В. Избранная проза. М., 1980. С. 259.

[2] Ломоносов М.В. Замечания на диссертацию Г.-Ф. Миллера «Происхождение имени и народа российского» // Ломоносов М.В. Избранная проза. М., 1980. С. 208–209.

[3] Щербатов М.М. История Российская от древнейших времен. Т. 4: От начала царствования великого Князя Димитрия Иоанновича, проименованного Донской, до царствования Царя Иоанна Васильевича. Ч. 1: От начала царствования великого Князя Димитрия Иоанновича, проименованного Донской, до царствования великого Князя

М.М. Щербатов считал политические причины успешного завоевания и последующую долгую зависимость, связанную с усобицами русских князей как составной части победы пришельцев. После установления ордынской власти над Русью князья также имели «попечение показывать усердие свое к Татарам»[1] и находили пользу в сохранении власти Орды, чтобы с ее помощью закрепить княжения за собой. М.М. Щербатов заложил основу понимания политической роли ордынского завоевания в истории русских княжеств. Позже С.М. Соловьев и представители государственной школы в русской исторической науке превратят эти замечания в развернутую концепцию роли монголов в истории русского самодержавия.

И.Н. Болтин (1735–1792) также видел одной из главных причин покорения Руси монголами раздоры среди русских князей. Эти усобицы причинили стране куда больше вреда, чем все внешние вторжения[2]. Автор здесь выступал родоначальником идеи, что на историю России большее влияние оказали не внешние войны и завоевания, а внутренние процессы. По его мнению, кроме некоторых перемен в обрядах и нескольких слов, заимствованных из татарского языка, никаких новшеств ордынцы на русские земли не привнесли. И.Н. Болтин сравнивал установление ордынского владычества с Великим переселением народов на территорию Европы. Он делал вывод, что покорение Европы пришлыми племенами принесло куда больше изменений в ее систему управления, законы, образ жизни, чем монгольское завоевание оказало на Русь.

Как видим, историки XVIII в. внесли немалый вклад в рассмотрение темы русско-ордынских отношений. Одной из главных причин установления зависимости Руси от Орды авторы XVIII в. считали княжеские междоусобицы, которые не позволили дать отпор Батыю и его преемникам. Ордынское

Иоанна Васильевича. СПб., 1781. С. 275.

[1] Щербатов М.М. История Российская от древнейших времен. Т. 3: От покорения России Татарами до великого Князя Димитрия Иоанновича Донского. СПб., 1774. С. 142.

[2] Болтин И.Н. Примечания на историю древния и нынешния России г. Леклерка. [СПб.], 1788. Т. 2. С. 113.

владычество и сами ордынцы оценивались через нравственное начало. Отношения с ними Руси описывались как противостояние «диких, кровожадных варваров» и «благородных русских». Авторы конца XVII – первой половины XVIII в. большое значение в образе ордынского владычества отводили роли православной веры. Страдания, понесенные Русской землей от степняков, объясняются божьим наказанием за грехи ее населения. Во второй половине XVIII столетия события начинают анализироваться с рациональной точки зрения, им пытаются найти естественные причины, хотя влияние Бога не отрицается. В данное время за системой ордынского владычества закрепляется понятие «иго», которое на долгое время стало господствующим в поле профессиональной исторической науки и учебной литературы.

Православная религия оказала важное влияние на российское общественное сознание XIX–XXI вв. Образы исторических событий, в том числе и ордынского владычества, которые транслировались церковными историками, играли важную роль в формировании исторической памяти населения России. Религиозное историческое сознание можно разделить на профессиональное и массовое. В данном параграфе образ ордынского владычества анализируется только на первом из указанных уровней путем исследования основополагающих трудов специалистов, изучавших русскую церковную историю. Сочинения церковных авторов рассматриваются в хронологической последовательности совместно с работами светских ученых, так как тенденции развития образов ордынского владычества в этих двух полях общественного сознания схожи между собой, особенно со второй половины XIX в., когда происходит постепенная секуляризация взгляда на историю русской церкви.

Начало профессиональному изучению истории русской церкви положил митрополит Платон (Левшин) (1737–1812). Автор считал ордынское нашествие и «иго» божьим наказанием, в первую очередь за междоусобицы князей. Источником несчастья послужила раздробленность Руси, отсутствие

единой политической власти[1]. Взгляд на роль самодержавной власти в деле освобождения Руси от власти Золотой Орды роднит сочинение митрополита Платона с «Историей государства Российского» Н.М. Карамзина, причем в церковном дискурсе эта идея появилась раньше (работа митрополита вышла в свет в 1805 г., а Карамзина – в 1818 г.). Ордынское владычество нужно им, чтобы подчеркнуть необходимость сильной централизованной власти в России, которая одна может спасти страну от подобных проблем и в прошлом, и в настоящем.

Уважение к русской церкви ордынцы испытывали из-за своего язычества. Только после принятия Ордой ислама, который, по мнению митрополита, был куда менее терпим к другим религиям, завоеватели стали оказывать на русскую веру гонения[2]. Так, именно из-за приверженности мусульманству ордынцы в 1270 г. зверски расправились с князем Романом Рязанским[3]. Здесь митрополит приписывал Орде более раннее принятие ислама, чем остальные исследователи. Официально мусульманство стало государственной религией Улуса Джучи при хане Узбеке, в первой половине XIV в. Автор, на наш взгляд, пока не в силах был сопоставить веротерпимость ордынцев и случаи их расправы над князьями, поэтому относил гибель мучеников в Орде к влиянию ислама.

Н.М. Карамзин (1766–1826) описывал ордынское завоевание как «нашествие» и «иго». Он считал татаро-монголов степными варварами, которым чужды понятия о чести[4]. Они коварны, жестоки и корыстолюбивы. Для автора одной из главных исторических категорий анализа являлась нравственность, мораль народа и его правителей. Он подчеркивал, что во время долгой зависимости от монголов нравственные качества населения России ухудшились.

---

[1] Платон (Левшин). Краткая церковная российская история, сочиненная преосвященным Платоном, Митрополитом Московским в Вифании. М., 1805. С. 121–122.

[2] Там же. С. 157.

[3] Там же. С. 144.

[4] Карамзин Н.М. История государства Российского: в 12 т. М., 1991. Т. 4. С. 11–12.

Н.М. Карамзин много внимания уделял потере свободы Российским государством и его правителями, это для него является одним из самых негативных последствий установления «ига». Большим бедствием для России является то, что нашествие Батыя закрыло ее от Европы, в которой в это время нравы постепенно смягчались и зарождалось просвещение. «В сие же время Россия, терзаемая моголами, напрягала силы свои единственно для того, чтобы не исчезнуть: нам было не до просвещения!». Больше всего зависимость от Орды, по Карамзину, повлияла на характер русских: «Забыв гордость народную, мы выучились низким хитростям рабства... обманывая татар, более обманывали и друг друга»[1]. Некоторые следы этого влияния, сетовал автор, и поныне сохраняются в русском характере.

Н.М. Карамзин спорил с М.М. Щербатовым о роли православной церкви в период господства ордынцев. Он полагал, что вера никак не мешала противостоять захватчикам, наоборот, она сохраняла в русских остатки хороших нравственных качеств. В период владычества Орды, по мнению историка, повышается значимость духовенства, но оно не злоупотребляло своей новой властью. Церковь подчинялась князьям и благословляла их на борьбу с «игом», несмотря на все милости, получаемые от ханов.

Положительной чертой ордынского владычества Н.М. Карамзин считал его влияние на установление в России самодержавия. Благодаря монголам, писал историк, умолкли веча, народ потерял свои права, власть и влияние аристократии снизились. Все это было необходимо для дальнейшего исторического развития, так как только самодержавие смогло освободить Россию от «ига» и направить ее на путь процветания[2]. Как видим, Н.М. Карамзин выстраивал свои образы золотоордынского владычества художественными средствами и оставался при этом в рамках понимания задач и представлений об истории, созданных сентиментализмом и романтизмом.

П.А. Наумов (1763–?) рассматривал зависимость Руси от Орды сходно с

[1] Карамзин Н.М. История государства Российского: в 12-ти т. М., 1993. Т. 5. С. 202.
[2] Там же. С. 205.

Н.М. Карамзиным. Ханы забрали у князей политическую независимость, но взамен увеличили их власть в отношении подчиненного населения. Автор первым в отечественной исторической мысли объединил монголов и татар в единое понятие, использовав эпитет «монголо-татарский»[1].

У населения России, по мнению П.А. Наумова, «долго еще оставались следы Татарскаго над ним владычества: восточныя обыкновения исказили чистоту Российских нравов, изменили обряды, одеяние, увеселения»[2]. Не имея «ни законов», «ни просвещения», народы-завоеватели, к которым автор причислял ордынцев, с течением времени должны подчиниться соседней державе, у которой есть «правильное» политическое устройство. Как видим, и в текстах П.А. Наумова образы ордынского владычества строятся не средствами научного конструирования, а художественными обобщениями.

Российские историки второй половины XVIII – первой половины XIX в. подробно останавливались на вопросе заимствований Россией ордынских особенностей. Они трактовались как оказавшие отрицательное влияние на русское развитие. Постановка вопроса как заимствования показывала отличие, разность культур России, считавшейся европейской страной, и Золотой Орды, причислявшейся к азиатским.

Отдельную статью вопросам влияния Орды на Русь посвятил в 1825 г. А.Ф. Рихтер (1794–1826). По мнению автора, заимствования от завоевателей шли постепенно и незаметно, без давления со стороны Орды. Влияние степняков отразилось на народном характере: исчезла «доблесть народа», стали усиливаться пороки, «Русские, униженные деспотизмом, терпеливо переносили свое иго», все вокруг «ожесточилось или раболепствовало»[3]. В культурном плане влияние Орды не было слишком значительным и сказалось на финансовой и военной сферах, некоторых элементах быта. От

[1] Наумов П. Об отношениях российских князей к монгольским и татарским ханам от 1224 по 1480 год. СПб., 1823. С. 10, 11.

[2] Там же. С. 80.

[3] Рихтер А. Исследования о влиянии монголо-татар на Россию // Отечественные записки. СПб., 1825. С. 367.

плохих заимствований Россия в новый, просвещенный век избавилась, более того, автор задавался вопросом, «не предоставлено ли России уничтожить некогда в Азии те варварские законы... под которыми подобные нам люди изнемогают»[1]. В этом можно усмотреть намек на призыв к более активной политике Российской империи в отношении Средней Азии.

М.С. Гастев (1801–1883) одной из причин, замедливших общественное развитие Русского государства, считал ордынское владычество. Монголы обратили русский народ в рабство, которое долгое время унижало население Руси, ожесточило его нравы, привело к потере храбрости и понятий о чести. Из-за постоянной внешней угрозы русским было не до «развития образованности». Зависимость от Орды не принесла Руси никакой пользы, в том числе в плане появления самодержавия[2]. Как видим, интерес к изучению влияния ордынского владычества на Русь не ослабевает и в 1830-е гг.

Показателем этого интереса в 1820–1830-е гг. может служить организация Академией наук сразу двух конкурсов, посвященных этой проблематике. Задача первого, объявленного в 1826 г., ставилась в изучении последствий власти Орды на политическую систему и народный быт русских земель[3]. Программа второго конкурса, составленная известным востоковедом, академиком Х.Д. Френом (1782–1851), предлагала написать обстоятельную историю Золотой Орды в соответствии с доступным в то время корпусом источников[4]. На оба конкурса было прислано по одной работе, которые не сочли удовлетворительными для вручения премии. Ордынское владычество начинает всё больше интересовать профессиональное сознание, но долгое время это не способствовало глубокому изучению данной темы.

Н.А. Полевой (1796–1846) пытался осмыслить причины извечного противостояния Европы и Азии. Он считал, что Европа меньше Азии по

[1] Рихтер А. Исследования о влиянии… С. 356.

[2] Гастев М. Рассуждение о причинах, замедливших гражданскую образованность в русском государстве до Петра Великого. М., 1832.

[3] Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884. С. 554.

[4] Там же. С. 557.

размеру и силе, зато превосходит ее в умственном и физическом отношении[1]. Особенность России в том, что в результате ордынского владычества она стала развиваться отдельно от других европейских стран, заняла обширное пространство между Европой и Азией, которое служило разделительной чертой этих двух миров. Борьбу Руси с Ордой автор сравнивал с крестовыми походами. Азиатское влияние в лице Орды не принесло России ничего положительного, но эти контакты были необходимы, чтобы из удельной раздробленности образовалось единое и сильное Российское государство[2]. С Н.А. Полевого ордынское владычество в общественной мысли начинает рассматриваться в контексте взаимоотношений европейской и азиатской цивилизаций.

Н.И. Костомаров (1817–1885) подчеркивал дихотомию русских и ордынцев. Он считал экспансию католичества с Запада в XIII в. не меньшей опасностью, чем ордынские нашествия, и всецело поддерживал решение Александра Ярославича бороться с этими угрозами по-разному. Одним из главных последствий ордынской зависимости Н.И. Костомаров считал изменения в политическом устройстве России. Особенности характера завоевателей в данном плане совсем не важны: «Кто бы ни завоевал Русь – для нея важно было именно то, что она была завоевана»[3]. Новый политический строй заключался в уничтожении всякого элемента народовластия и сильном усилении власти князей. Ханы, по мысли автора, стали безраздельными собственниками Русской земли, которую отдавали князьям в их полную власть для лучшего управления покоренными. Князья теперь должны были исполнять волю только властителей Орды и могли не договариваться с «землей». У Н.И. Костомарова образ ордынского владычества стал связываться с понятием феодализма – зависимость от ханов была схожа с западными образцами, но не идентична им. Из-за ослабления Орды

[1] Полевой Н.А. История русского народа. М., 1833. Т. 4. С. 151–154.

[2] Там же. С. 9.

[3] Костомаров Н.И. Начало единодержавия в Древней Руси // Вестник Европы. СПб., 1870. № 12. С. 495.

постепенно падал и феодальный строй, уступая место монархии.

В целом Н.И. Костомаров оценивал установившийся на Руси во время «ига» строй так: «Исчезло чувство свободы, чести, сознания личнаго достоинства: раболепство пред высшими, деспотизм над низшими – стали качествами русской души»[1]. Автор видел в ордынском владычестве истоки не только абсолютизма, но и крепостничества.

В работах Н.С. Арцыбашева[2] (1773–1841) и Н.В. Савельева-Ростиславича[3] (1815–1854) подчеркивалась важность православия как средства сохранения русским народом своих национальных особенностей под властью ордынских завоевателей. Благом авторы считали то, что ордынцы не стали селиться на Руси, поэтому их влияние было несколько ограничено. Для светских исторических трудов первой половины XIX в. религиозное противостояние ислама и христианства, как видим, оставалось важным моментом при рассмотрении образа ордынского владычества.

У отечественных историков XIX в. появляется интерес к изучению внутренней истории Золотой Орды. В.В. Григорьев (1816–1881) в 1845 г. посвятил свою книгу выяснению вопроса о местоположении Сарая – столицы этого государства. Автор сетовал на то, что история Золотой Орды «есть одна из наиболее обиженных временем и обстоятельствами», от нее осталось мало и письменных, и вещественных источников[4]. Востоковеды XIX в. попытались несколько компенсировать пробел в данной теме. В качестве примера можно отметить работы И.Н. Березина[5] (1818–1896), Н.И. Веселовского[6] (1848–1918), В.В. Бартольда[7] (1869–1930). В них, однако, практически не рассматривался

[1] Костомаров Н.И. Указ. соч. С. 502.

[2] Арцыбашев Н.С. Повествование о России. М., 1838. Т. 2, кн. 3–4. С. 218.

[3] Савельев-Ростиславич Н.В. Димитрий Иоаннович Донской, первоначальник русской славы. М., 1837.

[4] Григорьев В.В. О местоположении столицы Золотой Орды – Сарая. СПб., 1845. С. 2.

[5] Березин И.Н. Очерк внутреннего устройства улуса Джучиева. СПб., 1863.

[6] Веселовский Н.И. Труды по истории Золотой Орды / под ред. И.М. Миргалеева. Казань, 2010.

[7] Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Собрание сочинений: в 9 т. М., 1963. Т. 1.

образ ордынского владычества, Золотая Орда изучалась сама по себе, отдельно от русской истории.

Н.Г. Устрялов (1805–1870) характеризовал монголов как диких и жестоких варваров[1]. Русь, по мнению историка, не способна была противостоять их натиску из-за ослабления своих сил и отсутствия единства и не могла своими силами уничтожить Орду, пока та сама не начала слабеть изнутри. Автор мало внимания уделял описанию борьбы Руси против захватчиков, у него отсутствует героическая патетика при рассказе о Куликовской битве, которая описана кратко. Как и Н.И. Костомаров, Н.Г. Устрялов одним из первых стал связывать подчинение Руси Орде с началом активного натиска католичества. Папы римские «в особенности спешили воспользоваться злополучием Руси, сокрушенной монголами... и мы, громимые с востока фанатизмом воинственным, в то самое время на западе должны были бороться с религиозным, не менее сильным и опасным»[2]. Здесь еще нет речи об использовании ордынской помощи против агрессии с Запада, обе силы равно опасны для русской истории. Монголы были менее развиты в гражданском плане, по уровню образованности, чем покоренная Русь, к тому же не вмешивались в ее внутреннее управление, повелевая издалека[3].

Одним из непосредственных следствий монгольского завоевания, по Устрялову, стало разделение Руси на Западную и Восточную, судьбы которых оказались различны. Автор выделял различия в отношении Литвы и Москвы к зависимости от Орды: первая боролась с ней, вторая опиралась на Сарай и не выходила из подчинения ему. Это новая характеристика образа ордынского владычества. В дискурсивном поле профессиональной исторической науки начала XIX в. Русь мыслилась еще единой. Теперь же одним из последствий завоевания видится разделение по территориальному принципу, которое затем выльется в формирование разных народов.

---

[1] Устрялов Н.Г. Русская история до 1855 года, в двух частях. Петрозаводск, 1997. С. 125.

[2] Там же. С. 140.

[3] Там же. С. 132–133, 199.

Видной вехой в церковном историческом дискурсе XIX в. стали труды архиепископа Филарета (Гумилевского) (1805–1866), особенно его «История Русской Церкви». Нашествие Батыя и власть Орды Филарет считал суровыми испытаниями, посланными Богом на русский народ и князей за их грехи[1]. Долгая зависимость, по его мнению, пробудила в народе чувство покаяния, русские стали верить в превосходство своей веры, дорожить ей.

Филарет, хотя и отмечал веротерпимость монголов, подчеркивал, что церковь, несмотря на дарованные ей завоевателями льготы, страдала от «ига» одинаково с остальной Русью. «Корысть» и «властолюбие» монголов испытывало на себе и духовенство. Больше всего от власти Орды страдали князья, их покорностью «определялась не только участь их самих, но участь всего народа... это было для них уроком – дорожить счастием народа... когда для спокойствия христианской земли своей они жертвовали и деньгами, и здоровьем, и самою жизнию»[2].

Ордынская зависимость для русской церкви, по мнению автора, стала куда более опасной и тяжелой, когда в Золотой Орде приняли мусульманство. Эпоха ордынского владычества позволила Филарету ввести в свой труд весьма сильную критику ислама. Он первым попытался разделить русскую церковную историю на периоды, один из которых начинался с вторжения Батыя на Русь. В последующих обобщающих трудах историков церкви начало средневекового периода русской церковной истории всеми исследователями будет связываться с нашествием завоевателей в 1230-е гг. Итак, Филарет считал ордынское владычество для Руси суровым испытанием на ее твердость в православной вере.

Важную роль в церковном дискурсе всегда играли святые, прославленные церковью. Они служили примером для подражания, через их образы духовенство транслировало понимание того времени, в котором жили

[1] Филарет (Гумилевский). История Русской Церкви. Период второй, монгольский. От опустошения России монголами до разделения митрополии. 1236–1410 г. 2-е изд. М., 1850. С. 5.

[2] Там же. С. 13.

эти святые. Герои эпохи ордынского владычества были канонизированы куда раньше XVIII–XIX вв., Новому времени достались готовые описания их подвигов в житиях. Но каждый церковный автор сам выбирал, как именно рассматривать того или иного святого, на что в его образе обратить особое внимание.

В «Словаре историческом о святых»[1] Д.А. Эристова (1797–1858) представлено несколько основных типажей святых, связанных с ордынской политикой. Это или те, кто вступил с захватчиками в прямой конфликт, как вооруженный (Юрий Всеволодович, Меркурий Смоленский, Даниил Московский), так и моральный (Михаил Черниговский, Роман Рязанский, Михаил Тверской), почти всегда оканчивавшийся смертью героя, или те, кто имел с ними мирные контакты (Александр Невский, Федор Чермный, ордынский царевич Петр, митрополиты Петр, Феогност, Алексий). Можно выделить две основные линии поведения русских святых по отношению к Орде: полное неприятие и противостояние, с одной стороны, и стремление договориться, сохранить мир с ханами – с другой. Д.А. Эристов не отдавал преимущества какой-либо из них и оставался нейтральным в данном плане.

Архиепископ Филарет рассматривал русских святых с церковной точки зрения[2]. Каких-либо недостатков в их действиях автор не отмечал, для него одинаково почтенны и те, кто гибнет от рук ордынцев, не подчиняясь им, и те, кто принимает власть захватчиков и ей не противостоит. Церковный историк не видел ничего предосудительного в политическом подчинении власти хана. Очень высоко он оценивал политику Александра Невского по отношению к Орде. Благодаря ей Русь, пусть и вынуждена была платить дань, но сохранила свои веру, язык, законы и внутреннее управление. Отрицательными

[1] [Эристов Д.А.] Словарь исторический о святых, прославленных в Российской церкви, и о некоторых подвижниках благочестия, местно чтимых. СПб., 1836.

[2] Филарет (Гумилевский). Русские святые, чтимые всей Церковью или местно: Опыт описания жизни их. Январь, февраль, март, апрель. 3-е изд., доп. СПб., 1882; он же. Русские святые, чтимые всей Церковью или местно: Опыт описания жизни их. Май, июнь, июль, август. 3-е изд., доп. СПб., 1882; он же. Русские святые, чтимые всей Церковью или местно: Опыт описания жизни их. Сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь. 3-е изд., доп. СПб., 1882.

персонажами автор считал тех, кто противостоит деятельности святых, даже если она ведет к полному исполнению воли кочевников. По Филарету, пока ордынская власть не трогает веру, она опасности для существования Руси не представляет.

В трактовке С.М. Соловьева (1820–1879), Орда – это лишь один из моментов в долгом процессе противостояния леса со степью, оседлой Европы и кочевой Азии. Ученый отмечал незначительность влияния ордынской власти на переход родовых отношений в государственные: «Историк не имеет права с половины XIII века прерывать естественную нить событий… и вставлять татарский период, выдвигать на первый план татар, татарские отношения»[1]. Разделение Руси на две отдельных части, подчеркивал историк, никак не зависело от ордынцев и началось раньше появления кочевников в русских пределах, на грубость русских нравов монголы также влияния не оказали. Ордынское владычество, по мнению С.М. Соловьева, ничем не отличается от русско-половецких войн XI – начала XIII в.

Единственным событием, связанным с ордынским владычеством, которому С.М. Соловьев отводил значимую роль, была Куликовская битва. С его точки зрения, она имела всемирно-историческое значение и оказала значительное влияние на судьбу Восточной Европы. Русь с момента своего появления в IX в. служила оплотом Европы против Азии, и Куликовская битва, по мысли автора, стала центральной точкой, после которой превосходство Европы стало неоспоримым. Победа над Мамаем предрешила конец давнего господства кочевых варваров на великой Восточно-Европейской равнине, которое перешло к России[2]. С.М. Соловьев здесь предстает ярким представителем западничества как направления исторической мысли. Русь он всегда считал частью Европы, её борьба с Азией и итоговая победа над ней изображаются важными для мировой истории явлениями.

---

[1] Соловьев С.М. Сочинения: в 18 кн. / отв. ред. И.Д. Ковальченко, С.С. Дмитриев. М., 1988. Кн. 1, т. 1–2. С. 53–54.

[2] Соловьев С.М. Сочинения: в 18 кн. / отв. ред. И.Д. Ковальченко, С.С. Дмитриев. М., 1988. Кн. 2, т. 3–4. С. 640.

К крупным трудам по истории русской церкви, написанным в XIX в., принадлежит одноименная работа митрополита Макария (Булгакова)[1] (1816–1882). Он отмечал, что ордынское владычество не привело к изменениям во внутреннем устройстве государства и русской церкви, но имело пагубное влияние на поступательное развитие этих сфер. Как и светские историки, церковные авторы одним из главных результатов вторжения монголов считали разделение Руси, только не в территориальном и этническом, а в церковном плане.

Макарий в отношении влияния ордынского владычества на развитие русской церкви был более взвешен и менее эмоционален, чем Платон и Филарет. Он не пытался использовать его как пример давления на православие со стороны ислама. Наоборот, автор подчеркивал, что ханы весь период своего владычества над Русью были веротерпимы, подтверждали и защищали древние привилегии и права духовенства. В недостатке просвещения и грубости нравов также виноваты были не ордынцы – на это имелись внутренние причины. Мы видим, как скорее от богословского и проповеднического в первой половине XIX в. образ ордынского владычества в церковном дискурсе второй половины этого столетия переходит к научному.

К.Н. Бестужев-Рюмин (1829–1897) придерживался взвешенной точки зрения о степени ордынского влияния на Русь. Оно существенно сказалось на финансовой системе и военном устройстве Русского государства, на отставании в развитии просвещения и огрубении нравов[2]. Автор отмечал большое влияние Китая на административное и военное устройство монголо-татар. Это едва ли не единственный пример сводного труда по русской истории имперского периода, в котором обращалось внимание на китайское влияние, воспринятое кочевниками. Это делало их уже не столь отсталыми в развитии, как считали авторы первой половины XIX в.

[1] Макарий (Булгаков). История Русской Церкви. Т. 4: В период монгольский. СПб., 1866. Кн. 1.

[2] Бестужев-Рюмин К.Н. Русская история. До конца эпохи Ивана Грозного. М., 2019. С. 343.

Важнейшим последствием ордынского завоевания, по мысли историка, стало разделение Руси на Западную и Восточную, по словам автора, «при помощи татар возвышается княжество Московское»[1]. К.Н. Бестужев-Рюмин негативно характеризовал обычаи и нравы монголов, вместе с тем отмечал и их хорошие качества: они умеренны в жизни, менее коварны, чем другие азиаты, очень веротерпимы. Как видим, Бестужев-Рюмин видел в Золотой Орде немаловажный для русской истории фактор и оценивал это государство не только отрицательно.

С.Ф. Платонов (1860–1933) считал ордынскую власть случайностью в русской истории, она «недостаточно изучена для того, чтобы с уверенностью ясно и определенно указать степень исторического влияния татарского ига»[2]. Он соглашался с мнением С.М. Соловьева об отсутствии какого-либо влияния и рассматривал «внутреннюю жизнь русского общества в XIII в., не обращая внимания на факт татарского ига»[3]. Незаметно влияние владычества Орды на государственное и общественное устройство Руси. Единственным следствием ордынского господства историк считал то, что оно способствовало окончательному разделению Руси на северо-восточную и юго-западную части.

В.О. Ключевский (1841–1911) рассматривал влияние ордынского владычества на Русь в политическом плане. Он полагал, что ордынцы оказали важное воздействие на процесс усиления Московского княжества, но не повлияли на новый порядок княжеского владения в Суздальской Руси. Власть Сарая «давала хотя призрак единства мельчавшим и взаимно отчуждавшимся вотчинным углам русских князей». Князья теперь в случае начала вражды сначала идут на ханский суд, а не пытаются решить спор междоусобной войной. «Власть хана была грубым татарским ножом, разрезавшим узлы, в какие умели потомки Всеволода III запутывать дела своей земли»[4].

В.О. Ключевский видел историческую роль России в Средние века в

[1] Бестужев-Рюмин К.Н. Русская история… С. 337.
[2] Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. В 2-х ч. Ч. 1. М., 1994. С. 117.
[3] Там же. С. 120.
[4] Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т. Т. 2, ч. 2: Курс русской истории. М., 1987. С. 41.

защите Западной Европы от напора кочевников. Благодаря этой упорной борьбе со степняками, на которую Русь тратила огромное количество сил, Западная Европа стремительно развивалась и осваивала новые земли за океаном. Таким образом, для Ключевского ордынское владычество представало в образе инструмента для получения власти, которым успешнее всего воспользовались московские князья. Власть Орды была внешней для Руси силой, не поменяла ее внутреннее развитие и не привнесла в него новшеств, но дала преимущество западным странам для развития политической системы, экономики и просвещения.

Д.И. Иловайский (1832–1920) в своих обобщающих работах по русской истории одним из первых стал уделять русско-ордынским отношениям большое внимание при описании событий XIII–XV вв. Никто из дореволюционных историков не освещал так подробно данную тематику. Иловайский отводил власти Орды значимую роль в русской истории в качестве сдерживающего фактора для развития Русского государства.

Историк начал обращать внимание и на религиозное противостояние с момента принятия ордынцами ислама. Мусульманство как религия «более чем какая-либо соответствовала их дикому состоянию и хищным инстинктам»[1]. Русь, по мнению автора, боролась не только за национальную независимость, но и против распространения ислама. Д.И. Иловайский обращал внимание на тяжелые последствия ордынской зависимости для народа, тогда как князья получили кое-какую выгоду от него и смиряли свою гордость легче, чем широкие слои населения. Важную роль Орда сыграла в усилении Москвы[2]. Негативным, по мнению Иловайского, было ордынское влияние на характер русского населения, оно нанесло также сильный удар по уровню русской культуры и просвещения. Важнейшую историческую роль он отводил Куликовской битве, которой посвятил отдельное произведение, написанное в

[1] Иловайский Д.И. История России. Т. 1, ч. 2: Владимирский период. М., 1880. С. 428.

[2] Иловайский Д.И. История России. Т. 2. Московско-литовский период или Собиратели Руси. 2-е изд. М., 1896. С. 356–357.

героическо-возвышенном тоне и целиком основанное на известиях из «Сказания о Мамаевом побоище» и «Задонщины»[1].

Б.Н. Чичерин[2] (1828–1904) сравнивал развитие России только с Европой и не упоминал про влияние Орды и Востока на него. По господствующим в XIX в. представлениям, кочевники стояли на более низкой ступени государственного развития, нежели оседлое население, и не могли сообщить этому населению никаких новшеств.

К.А. Неволин (1806–1855) выдвинул мнение о том, что после монгольского завоевания верховным собственником всех русских земель стал сарайский хан, а прочие бывшие хозяева – просто владельцами. «По началам Монгольскаго государственнаго права вся вообще земля, находившаяся в пределах владычества хана, была его собственностью; подданные хана могли быть только простыми владельцами земли»[3]. В.И. Сергеевич (1832–1910) одной из причин усиления царской власти московских государей называл ордынское влияние и ставил его на четвертое место в списке из пяти причин[4].

К.Д. Кавелин (1818–1885) полагал, что никакого влияния ордынские завоеватели на Русь оказать не могли, так как не стали селиться в покоренной стране. Значение ордынского владычества состояло в том, что оно ускорило изменения в политическом строе Руси. Орда вопреки своим интересам усиливала единство и централизацию русских земель[5]. Н.П. Павлов-Сильванский (1869–1908) соглашался с С.М. Соловьевым в отрицании влияния монголов на ход русского исторического процесса, оно «не составляет основного явления нашего исторического развития»[6]. По мнению

---

[1] Иловайский Д.И. Куликовская победа Димитрия Ивановича Донского. М., 1880.

[2] Чичерин Б.Н. Областные учреждения России в XVII веке. М., 1856.

[3] Неволин К.А. Полное собрание сочинений. Т. 4. История российских гражданских законов. Ч. 2: Книга вторая об имуществах. Раздел первый об имуществах вообще и раздел второй о правах на вещи. СПб., 1857. С. 136.

[4] Сергеевич В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права. 4-е изд. СПб., 1910. С. 157.

[5] Кавелин К.Д. Собрание сочинений. Т. 1: монографии по русской истории. СПб., 1897. Стб. 41–42.

[6] Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в России / отв. ред. С.О. Шмидт. М., 1988. С. 147.

А.В. Экземплярского (1846–1900), ордынцы оказывали негативное влияние на развитие Руси: их вторжения всегда сопровождались грабежами, пожарами и избиением мирных жителей[1].

Среди исследователей государственной школы отечественной исторической мысли и историков Русского государства и права, как видим, не было единства во взглядах на роль ордынского владычества в русской истории. Кто-то его полностью отрицал, кто-то считал важным при создании русской государственности.

Некоторые исследователи XIX в. даже в названиях своих работ подчеркивали важность зависимости от Орды, выделяя ее начало как основание для разделения русской истории по периодам. Данной позиции придерживались И.Д. Беляев (1810–1873) в работе «Города на Руси до монголов»[2] и М.П. Погодин (1800–1875) в «Древней русской истории до монгольского ига»[3]. И.Е. Забелин (1820–1909) отмечал ордынское владычество как причину слабой развитости русской культуры первой половины XIV в.[4]

Работы М.С. Грушевского (1866–1934) являются примером попытки регионального влияния на образ ордынского владычества в имперском дискурсе. Историк полагал, «что монгольское нашествие вовсе не было таким чрезвычайно-губительным и не изменило столь решительным образом судьбы Киевской земли»[5]. Автор считал влияние ордынского владычества положительным для Киевского княжества: оно позволило этой земле освободиться от княжеской власти, ее политический строй стал демократичным. По мнению ученого, ордынцы действовали в интересах простого населения, помогли ему избавиться от гнета князей и боярства. Как

[1] Экземплярский А.В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. Т. 1: Великие князья Владимирские и Владимиро-Московские. СПб., 1889. С. 60.

[2] Беляев И.Д. Города на Руси до монголов. СПб., 1848.

[3] Погодин М.П. Древняя русская история до монгольского ига: в 2 т. М., 1999.

[4] Забелин И.Е. История города Москвы. М., 1990. С. 79–80.

[5] Грушевский М.С. Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия. Киев, 1891. С. 428.

видим, региональная историческая мысль России с момента своего зарождения рассматривала образ ордынского владычества несколько иначе, чем столичная. Этим она, видимо, желала подчеркнуть своё своеобразие и заявить права на иной путь развития.

Во второй половине XIX – начале XX в. одними из самых популярных пособий по русской церковной истории были книги П.В. Знаменского и А.П. Доброклонского, преподавателей духовных учебных заведений России того времени[1].

П.В. Знаменский (1836–1917) обращал внимание на роль ордынского владычества в перенесении кафедры русского митрополита из Киева на север. Это в дальнейшем привело к разделению русской церкви. Веротерпимости завоевателей не противоречили разорения и жестокости в отношении православия, совершаемые монголами в ходе нашествия Батыя, так как они вытекали «из обычной азиатской манеры вести войну»[2]. Плохо ордынское владычество сказалось на русском народном характере.

А.П. Доброклонский[3] (1856–1937) в целом повторял основные тезисы об ордынском владычестве, которые мы видели у П.В. Знаменского. Насилия монголов над православием, по его мнению, не были следствием религиозного фанатизма завоевателей, в том числе и после принятия в Орде ислама. Это означает, что образ зависимости Руси от Орды к концу XIX в. устоялся и дальше выводов митрополита Макария не шел.

Снижение критики влияния ислама на отношение Орды к православной церкви в работах второй половины XIX в., возможно, связано с общим изменением взгляда на эту религию в России того времени. С середины XIX в. начинается все более широкое проникновение России в Среднюю Азию, которое заканчивается присоединением большей ее части к владениям «белого

[1] Карташев А.В. Очерки по истории Русской Церкви: в 2 т. М.; Берлин, 2020. Т. I. С. 21, 26.

[2] Знаменский П.В. Руководство к русской церковной истории. 3-е изд. Казань, 1880. С. 62.

[3] Доброклонский А.П. Руководство по истории Русской Церкви. М., 2001.

царя». В стране появлялось все больше подданных, исповедовавших ислам, и его критика, в том числе при трактовке образа ордынского владычества, становилась нецелесообразной.

В начале XX в. был по-прежнему распространен взгляд на азиатские народы, к которым причисляли и ордынцев, как на угрозу европейской культуре. Это можно увидеть в одном из популярных в то время сборников статей по русской истории. Россия долгое время представлялась образованной публике барьером, защищающим Запад от ударов с Востока[1]. Авторы отмечали как данность огрубение нравов и прекращение контактов с Западом в эпоху ордынского владычества, в культурном и нравственном отношении завоеватели стояли на низшей ступени развития. Эта позиция является обобщением господствовавших весь XIX в. взглядов профессиональной науки на ордынское владычество.

Отношение П.Н. Милюкова (1859–1943) к ордынскому владычеству в течение его научной деятельности развивались в сторону большего интереса к зоне степи и ее обитателям. Историк выдвинул интересную идею: пока Золотая Орда была сильна, она являлась для Руси спокойным соседом, позволяла ее населению селиться все дальше в степь. С ослаблением же единой Орды ее преемники всё сильнее беспокоили пограничные рубежи и вынуждали Северо-Восточную Русь тратить больше ресурсов на оборону от кочевников[2].

П.Н. Милюков не соглашался с объединением евразийцами в единое понятие месторазвития[3] Европы и Азии и выведением ими Российской империи из государственного образования азиатских кочевников Средневековья. Но он считал степь одним из трех месторазвитий европейской части России наряду с лесом и речным бассейном северной тайги[4]. Ордынское

---

[1] Русская история в очерках и статьях / под ред. М.В. Довнар-Запольского. М., 1904. Т. 1. С. 564.

[2] Милюков П.Н. Очерки истории русской культуры: в 3 т. М., 1993. Т. 1. С. 460.

3 Этот термин, означающий влияние географической среды на историко-культурное развитие проживающего в ней населения, П.Н. Милюков заимствовал у евразийцев.

[4] Милюков П.Н. Указ. соч. С. 333.

владычество, по мнению ученого, повлияло на формирование определенного типа русской государственности, но в культурной области никакого влияния монголы на Русь не оказали.

А.Е. Пресняков (1870–1929) к главным последствиям нашествия Батыя и ордынской зависимости относил прекращение колонизационного движения Руси на восток на очень долгий период. Он писал, что власть Орды использовалась разными русскими князьями в деле как усиления, так и ослабления великокняжеской власти. Для южной Руси ордынское владычество «завершило атрофию политической и культурной жизни»[1]. Возраставшее с запада литовское давление на Русь способствовало укреплению ее связей с Ордой, которой не нравилась атака на подчинённый ей улус[2]. А.Е. Пресняков считал, что союз Москвы и Орды сошел на нет из-за начала великой замятни и ослабления степного государства. Теперь на ослабевшую Орду стало невозможно опираться в борьбе с Литвой.

Мы видим, что в начале XX в. историки все больше внимания уделяли факту, что Литва всегда была противником Орды и этим привлекала в себе страдавшие от «ига» русские земли, тогда как Москва пользовалась дружбой с Сараем для своей защиты и усиления власти на Руси. Интересна смена взгляда в профессиональном историческом сознании на последствия замятни в Орде для Северо-Восточной Руси. Если исследователи XVIII – первой половины XIX в. трактовали ее положительно, как фактор, ослаблявший степное государство и этим приближавший Русь к избавлению от зависимости, то ученые начала XX в. отмечали негативные последствия ослабления Золотой Орды и ее распада.

Е.Е. Голубинский (1834–1912) – один из крупнейших исследователей истории русской церкви. Если судить по переизданию его трудов и

[1] Пресняков А.Е. Лекции по русской истории. Т. 2, вып. 1. Западная Русь и Литовско-русское государство. М., 1939. С. 18.

[2] Пресняков А.Е. Образование Великорусского государства: очерки по истории XIII–XV столетий. Пг., 1918. С. 142.

обращению к ним начиная с 1990-х гг.[1], интерес к его научному наследию сохраняется и сейчас. Особенность Е.Е. Голубинского заключается в том, что он критиковал поведение русских князей и духовенства в ходе нашествия Батыя. Епископы никак не воодушевляли князей и народ на сопротивление врагу, они лишь гибли вместе со всеми или спасались в безопасных местах[2]. Историк был едва ли не первым, кто в работах о русской средневековой церкви поднял не очень удобные и героические страницы её прошлого. Некоторые льготы и права русской церкви Орда могла расширить в ущерб и своим, и княжеским интересам. Автор подходил к выводу, что влияние ордынской зависимости на церковь принесло ей некоторые выгоды.

Разорение Киева монголами в ходе нашествия, по Голубинскому, способствовало переселению главы русской церкви ближе к великому князю, на север, хотя данный процесс постепенно бы происходил и при отсутствии внешнего вторжения. Взгляд Е.Е. Голубинского на влияние Золотой Орды и ее владычества на русскую церковь несколько отличается от мнения других церковных авторов XIX в. в плане наличия критики роли князей в защите Руси от кочевых захватчиков, в частности, канонизированного Юрия Всеволодовича.

М.К. Любавский (1860–1936) оценивал ордынское нашествие как большую беду, тяжелее всех прежних, которые переживала Русь. Ордынское владычество повлияло на установление удельного порядка княжеского владения, усилило процессы оседания князей на землю[3]. В социально-экономическом плане, как считал автор, зависимость от Орды привела к сильному замедлению экономического развития русских земель, увеличению класса зависимых земледельцев без собственной земли, которые вынуждены были идти в услужение к более зажиточным людям, ускорению падение роли

[1] Голубинский Е.Е. Щит или меч? // Родина. 1997. № 3–4. С. 77–84.

[2] Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. Период второй, Московский. Т. 2: От нашествия монголов до митрополита Макария включительно. Первая половина тома. М., 1900. С. 14–15.

[3] Любавский М.К. Лекции по древней русской истории до конца XVI века. 4-е изд. СПб., 2000. С. 245.

веча. Благодаря всем этим новым явлениям, отмечал историк, строй Руси стал очень напоминать феодальный: та же иерархия государей, от наивысшего – ордынского царя, до более низких – великих и удельных князей и т.д., то же соединение государственной власти и землевладения при господстве натурального хозяйства[1].

Своеобразным явлением в исторической мысли начала XX в. стал труд А.Д. Нечволодова (1864–1938) «Сказание о Русской земле». По мнению автора, Русь выдержала суровые испытания ордынского владычества благодаря православной вере, которые также доказали необходимость для блага России сильной единодержавной власти. Высоко оценивается значение Куликовской битвы, это «торжество Европы над Азией. Русский народ, волею Всевышняго поставленный в сторожах всех Европейских народов для защиты их от вторжения Азиатских полчищ, блистательно выполнил на Куликовом поле свое великое назначение»[2]. Позиция А.Д. Нечволодова полностью соответствует официальной трактовке истории в имперской России, что и предопределило её популярность в данных кругах, в частности, среди представителей императорской фамилии.

Е.Ф. Шмурло (1853–1934) был одним из видных историков, оказавшихся после 1917 г. в эмиграции, однако его взгляды выработались еще в имперскую эпоху. По его мнению, «Европа являлась символом общечеловеческой культуры, символом развития, движения; Азия же – символом застоя и варварства»[3]. Все движение России на Восток – это самозащита, стремление подальше отбросить врага, от которого не было естественной географической преграды. Защита Западной Европы от «варварского натиска» была первой исторической миссией России, а второй – передача Востоку плодов «европейско-христианской цивилизации»[4]. Движение России на Восток он

[1] Любавский М.К. Лекции по древней русской истории… С. 277–279.

[2] Нечволодов А.Д. Сказание о Русской земле. Ч. 2. 3-е изд. СПб., 1913. С. 451.

[3] Шмурло Е.Ф. Курс русской истории. Т. 1: Возникновение и образование Русского государства (862–1462). 2-е изд. СПб., 1999. С. 43.

[4] Шмурло Е.Ф. Введение в русскую историю. Прага, 1924. С. 138.

считал победой цивилизации над варварством, в данном плане Е.Ф. Шмурло рассматривал и русско-ордынские отношения. Только христианство помогло Руси в эпоху испытаний ордынской зависимости сохранить духовный облик и выдержать натиск «монгольства», не оторваться насовсем от европейской общности. Повлияло давление степняков и на огрубение нравов, утрату стремления к свободе и самоуважения, укоренение привычки к произволу и презрения к закону[1]. У автора мы находим один из самых ярко выраженных европоцентричных взглядов на ордынское владычество во всей отечественной профессиональной исторической мысли.

Ордынское владычество с момента зарождения профессиональной исторической науки в России упоминается авторами и постепенно перемещается в центр представлений об особенностях развития русской истории. В первой половине XVIII столетия в исторической мысли зависимость от Орды была связана с религиозными категориями. Во второй половине XVIII в. данная тема секуляризируется и начинает изучаться с рациональной точки зрения. Золотая Орда историками XVIII–XIX вв. оценивалась с позиций европеизма, преобладавшего в общественном сознании того времени, и представлялась «диким», «варварским» государством, которое в нравственном и культурном отношении оказало на Русь негативное влияние. Иной взгляд сложился во второй половине XIX в. у ученых государственной школы, которые рассматривали ордынскую зависимость как инструмент, использовавшийся для развития русской политической власти.

В работах историков церкви эпоха подчинения Орде призвана была подчеркнуть значимую роль православной веры и ее первосвятителей. Большинство церковных авторов вслед за представителями религиозного сознания XIII–XV вв. рассматривали ордынское владычество как божье наказание, предназначенное для исправления заблудших душ. Поэтому его последствия вовсе не виделись им только отрицательными, наоборот, это испытание лишь закалило Россию и дало ярчайшие примеры святой жизни,

[1] Шмурло Е.Ф. История России. 862–1917. 2-е изд. Н. Новгород, 2016. С. 114.

величия и силы православной веры, её торжества над всеми трудностями. На церковное образование не оказала сильного влияния марксистская идеология в советские годы, поэтому слом прежнего взгляда не произошел – в современную эпоху в церковном дискурсе продолжают господствовать тезисы работ XIX в. об ордынском «иге».

1.2 Представления о русско-ордынских отношениях в учебном и художественно-публицистическом дискурсе XVIII – начала XX в.

В учебной литературе XVIII – начала XX в. не было четкого разделения между учебниками, учебными пособиями и книгами для чтения. Поэтому для анализа образа ордынского владычества были выбраны наиболее популярные и распространенные произведения всех этих жанров. Долгое время учёные полагали, что первым учебным пособием по истории России является «Синопсис», впервые изданный в Киеве в 1674 г. Недавно В.В. Ткаченко оспорила это мнение. Она считает использование «Синопсиса» в преподавании истории России в XVIII в. историографическим мифом. Как известно, подобный предмет до конца этого столетия в учебных заведениях России не изучался. «Синопсис» при издании был адресован широкой публике, его структура не похожа на учебник. По мнению автора, популярность книги и её массовое переиздание в XVIII в. связаны с широким интересом образованных людей к русской истории[1].

В.В. Ткаченко, на наш взгляд, слишком формализовано подходит к понятию «учебник». Отсутствие официального преподавания отечественной истории в учебных заведениях России XVIII в. вовсе не предполагает, что этот предмет был недоступен при обучении, например, домашнем. Для этого необходимо было какое-либо пособие. А.Н. Фукс, один из ведущих

[1] Ткаченко В.В. Синопсис и преподавание истории России в XVIII в.: об одном историографическом мифе // История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды: сб. ст. участников V Всерос. науч.-практ. школы-конф. молодых учёных (9 ноября 2017 г.). М., 2018. С. 41–47.

специалистов по изучению школьного исторического образования, считает «Синопсис» основной учебной книгой по русской истории в XVIII в.[1] Это произведение легло в основу беллетристических сочинений, рассказывающих о Куликовской битве и широко распространенных в народной среде XVIII–XIX вв.[2] Все это дает полное основание рассматривать «Синопсис» как труд, оказавший немалое влияние на общественное сознание конца XVII – XVIII вв.

Монгольские завоеватели и Батый характеризовались в «Синопсисе» отрицательно. Много места в книге отводилось Куликовской битве, связанным с ней событиям посвящено 29 из 116 глав, почти четверть от общего объема сочинения. «Синопсис» составлялся представителями духовенства, это обусловило религиозную трактовку причин исторических явлений и действий героев прошлого.

Одной из главных идейных основ «Синопсиса» была мысль о необходимости славянского единства под руководством Москвы для борьбы с турецко-татарской угрозой. Поэтому Дмитрий Иванович так опечален, когда узнает, что Олег Рязанский и Ольгерд поддержали Мамая, а приходу в русский стан отрядов братьев Андрея и Дмитрия Ольгердовичей посвящена отдельная глава, причем этой «нечаемой помощи» радуются все в Москве[3]. Основной материал о Куликовской битве авторы «Синопсиса» взяли из «Сказания о Мамаевом побоище». Возможно, начиная с «Синопсиса» нарратив «Сказания» становится преобладающим взглядом на Куликовскую битву в российской мысли.

В «Синопсисе» впервые в крупном российском труде, описывающем ордынское владычество, к этому явлению применено понятие «иго», с эпитетом «татарское»[4]. Если учитывать последующую популярность данной

[1] Фукс А.Н. Указ. соч. С. 47; 55.

[2] Пушкарев Л.Н., Сидорова Л.П. Повести о Куликовской битве в русской лубочной картинке и книжке XIX – начала XX века // Куликовская битва в литературе и искусстве. М., 1980. С. 129.

[3] Мечта о русском единстве. Киевский синопсис (1674) / предисл. и подгот. текста О.Я. Сапожников, И.Ю. Сапожникова. М., 2006. С. 171–172.

[4] Там же. С. 151.

книги, именно с нее нужно отсчитывать закрепление в отечественном общественном сознании за эпохой зависимости Руси от Орды этого определения. На это повлияли широкая доступность «Синопсиса» и его ясное изложение при отсутствии почти весь XVIII в. иных альтернатив трудов по отечественной истории, а также созвучность его идей о славянском единстве настроениям читателей того периода.

По мнению исследователей, роль основного учебника по русской истории во второй половине XVIII в. переходит от «Синопсиса» к «Краткому Российскому летописцу» М.В. Ломоносова[1]. Автор характеризовал нашествие Батыя как «свирепое», после которого Русь была «порабощена»[2]. При описании XIV в. особо указывается на утверждение русских князей на великом княжении в Орде, от хана.

XIX в. ознаменовался дальнейшим развитием предмета «русская история» в учебных заведениях России. С конца 1830-х по 1860 г., по мнению А.Н. Фукса, основным учебным руководством по истории отечества в школе была книга Н.Г. Устрялова «Начертание русской истории для средних учебных заведений»[3]. С высокой эмоциональностью в ней описывалось нашествие Батыя и установление ордынского владычества: «Величайшее бедствие постигло Русскую землю; на неё из глубины Азии нашла туча варваров, искоренила целыя поколения, разрушила до основания города и села... Сокрушенная тяжкими ударами, она признала над собою господство дикой, степной Орды, которая долго терзала ее, как жертву беззащитную»[4]. Русь сохранила свое внутреннее устройство, законы, веру, язык, свободу внешней политики «и в то же время испытала все ужасы рабства»[5].

После походов Батыя русские князья, как и народ, потеряли надежду на

---

[1] Бущик Л.П. Очерк развития школьного исторического образования в СССР. М., 1961. С. 7–8; Фукс А.Н. Указ. соч. С. 55.

[2] Ломоносов М.В. Краткий российской летописец с родословием. СПб., 1760. С. 13.

[3] Фукс А.Н. Указ. соч. С. 60.

[4] Устрялов Н.Г. Начертание русской истории для средних учебных заведений. 4-е изд. СПб., 1842. С. 25.

[5] Там же. С. 28.

сопротивление. Александра Невского, по мнению Н.Г. Устрялова, унижаться перед монголами заставляла не трусость, а любовь к Отечеству – подобной политикой он спас Русь от окончательного порабощения, введения в ней монгольских порядков и замены князей баскаками. Одним из главных последствий ордынского владычества для автора было разделение Руси на две части, западную и восточную. Юго-западные земли Руси охотно переходили под власть литовских князей, так как они могли защитить эти территории от ордынцев. Москва умело добивалась расположения хана «угодничеством и смирением» своих князей, увеличивая с помощью этого свою власть в русских землях.

Описанию Куликовской битвы Н.Г. Устрялов уделял немного места, однако отмечал ее важное значение для развития Руси. Эта победа, на его взгляд, возвысила значение Москвы и ее князей, лишила ордынцев ореола непобедимости и пробудила в людях стремление к свободе. Как видим, образ ордынского владычества в учебнике предстает двояко: как фактор, замедливший развитие Руси и одновременно повлиявший на складывание нового государства с центром в Москве.

Одной из самых популярных книг по русской истории для младших возрастов в XIX в. была «История России в рассказах для детей». По распространённости её можно считать учебником. Ордынцы А.О. Ишимовой (1804–1881) описываются как жестокие и дикие варвары. Большим подвигом князей XIII в., в частности, Александра Невского, автор считал их подчинение Орде. Правители Руси шли на неимоверные унижения в ставке хана, чтобы спасти народ от расправ завоевателей[1]. Главная роль в сохранении Руси под тяжкой властью иноземцев отведена православию: «Как должны мы благодарить Бога за то, что Он помог добрым предкам нашим перенесть столько бед и горя!»[2] В описании ордынского владычества А.О. Ишимова показывала важность для истории России монархической власти и

[1] Ишимова А.О. История России в рассказах для детей. СПб., 1837. Ч. 1. С. 231.
[2] Там же. Ч. 2. С. 175.

православной веры.

Главным пособием по русской истории во второй половине XIX – начале XX в. были, по мнению ряда исследователей, учебники Д.И. Иловайского[1]. Эти книги выдержали несколько десятков изданий. Для анализа взглядов автора на сущность ордынского владычества можно использовать любое, так как содержание этих учебников за все время их переиздания практически не менялось, а взгляды Иловайского, выраженные в учебной литературе, не эволюционировали[2]. В данном параграфе рассмотрено два основных учебника Д.И. Иловайского – для средней и старшей школы. Монголы описывались автором как дикий и свирепый народ. Южная Русь подверглась более «страшному опустошению» со стороны завоевателей, чем Северная. Зависимость Руси от Орды выражалась главным образом в выплате огромной дани. В политической сфере выделялась необходимость князьям терпеть в ханской ставке унизительные обряды[3]. Престиж русских правителей для Д.И. Иловайского имел в русской истории первостепенное значение.

Высоко оценивал автор деятельность Александра Невского по отношению к Золотой Орде. Князь понимал, что разоренная Русь не в силах бороться с «игом». «Сделавшись великим князем, Александр особенно старался внушить русскому народу терпение и покорность в отношении к завоевателям»[4] и этим спасал страну от новых набегов степняков. После нашествия Батыя, как считал автор, северо-восток и юго-запад Руси отделяются друг от друга окончательно и дальше их развитие идет разными путями. Русские земли охотно подчинялись Литве, так как это давало им освобождение от ордынского гнета. Одобрял Д.И. Иловайский политику Ивана Калиты, который, оказывая полную покорность Сараю, «самих Татар

[1] Абрамкин О.С. Проблемы отечественной истории в школьной литературе XVIII – начала XX в. // Российский гуманитарный журнал. 2015. № 6. С. 498–499; Бущик Л.П. Указ. соч. С. 39.

[2] Фукс А.Н. Указ. соч. С. 66.

[3] Иловайский Д.И. Краткие очерки русской истории. Курс старшего возраста. 9-е изд. М., 1868. С. 54; Иловайский Д.И. Руководство к русской истории. Средний курс. 40-е изд. М., 1901. С. 34–35.

[4] Иловайский Д.И. Краткие очерки русской истории… С. 56.

сделал орудием для усиления Москвы»[1]. Своей помощью Москве ордынские ханы подготовили себе опасных врагов.

Много внимания Д.И. Иловайский уделял Куликовской битве, в каждом из его учебников описанию этого события отведено несколько страниц – куда больше, чем, к примеру, описанию нашествия Батыя. Основным источником, который использовал Иловайский для освещения битвы в учебниках, является позднее, но сохранившее в себе наибольшее количество ярких деталей «Сказание о Мамаевом побоище». Начиная с работ Д.И. Иловайского, на наш взгляд, в учебной литературе по русской истории закрепляются такие моменты, как благословение Сергием Радонежским князя Дмитрия Ивановича перед боем, рассказ о подвигах иноков Пересвета и Осляби, значение засадного полка, обмен Дмитрия доспехами с боярином Бренком, участие московского князя непосредственно в сражении простым воином и т.д. Эти факты, заимствованные из «Сказания», в большей или меньшей степени будут присутствовать во всех последующих учебниках, формируя в общественном сознании определенный образ Куликовской битвы. То же относится и к Стоянию на Угре 1480 г., при описании которого Иловайский приводил легенду о том, что Иван III растоптал ханскую басму.

Последствия ордынского владычества для последующего развития России Д.И. Иловайский характеризовал так: «Во время татарскаго ига сношения Русских с Европейцами почти прекратились, и Русские невольно переняли многие обычаи у своих завоевателей татар»[2]. «Вредные следы ига» еще долго жили в русском народе, долговременная зависимость привела к «порче народнаго характера, угнетению низших классов и распространению в России многих обычаев, свойственных деспотическим, азиатским государствам»[3].

Д.И. Иловайский выдвинул стройную и простую концепцию

[1] Иловайский Д.И. Краткие очерки русской истории… С. 91.
[2] Иловайский Д.И. Руководство к русской истории… С. 55.
[3] Иловайский Д.И. Краткие очерки русской истории… С. 115.

ордынского владычества, которая несколько десятилетий господствовала в российском образовании XIX – начала XX в. Она оказала влияние на многие последующие учебники советского и постсоветского времени. Не зря учебные книги Иловайского широко переиздавались после 1991 г.

Исследователи российской учебной литературы по отечественной истории, изданной в XIX – начале XX в., делят весь массив учебников на две группы по господствующим в них взглядам и концепциям: официально-охранительную и либеральную[1]. В рамках первого направления господствовали труды Д.И. Иловайского, но существовали и другие популярные учебники, представлявшие государственно-патриотическую позицию. В начале XX в. одним из таких пособий был учебник М.Я. Острогорского. Много переизданий выдержала учебная книга И.И. Беллярминова – их было больше тридцати, как и у Острогорского, причем от издания к изданию материал в них практически не менялся[2].

М.Я. Острогорский (1854–1921) негативно оценивал племена монгольских завоевателей даже на физическом и бытовом уровне: их наружность была очень некрасива, они не заботились о гигиене[3]. В бою кочевники старались побеждать не доблестью, а коварством и хитростью. В походах Чингисхана погибло огромное количество людей, однако автор также показывал, что в созданной завоевателем империи царил строгий порядок, справедливое правосудие и веротерпимость.

Александр Невский понимал, что Русь ещё слаба для борьбы с завоевателями, «и что одною только покорностью можно спасти Родину от окончательнаго порабощения... Но народ не всегда так благоразумно поступал, как Александр» и восставал против баскаков. Лишь с помощью многочисленных унижений князю удалось отвратить от Руси ханское

[1] Фукс А.Н. Указ. соч. С. 364–365; Абрамкин О.С. Концепции русской истории по материалам школьных учебников дореволюционной России // История и педагогика естествознания. 2015. № 4. С. 22.

[2] Фукс А.Н. Указ. соч. С. 103.

[3] Острогорский М.Я. Учебник русской истории. Элементарный курс. Для средних учебных заведений и городских училищ. Таллинн, 1992 (Репринт. изд. СПб., 1913). С. 31.

наказание[1]. Здесь мы видим своеобразное осуждение народной борьбы против монголов – за ней следовали только карательные походы ордынцев. Князья лучше знают, как обращаться с Ордой, и простому люду, по мнению автора, в эти отношения вмешиваться не следовало.

Долговременное господство ордынцев, как считал Острогорский, плохо сказалось на развитии Руси: она значительно отстала в уровне развития просвещения по сравнению с домонгольским временем, ожесточились нравы, распространилось сквернословие и суровые телесные наказания. Русь оказалась заперта в своих границах и уже не могла вести сношения с более просвещенной Западной Европой и Византией. «Окруженная необразованными Татарами, Русь сама стала дичать»[2]. В период владычества Орды, полагал автор, усилилась власть русских князей, которые утверждались по воле хана и в случае неповиновения могли призвать на помощь ордынские отряды. Таким образов, деспотическая модель русской власти выводилась дореволюционными учебниками из влияния Орды.

В учебнике И.И. Беллярминова (1837–1917) схема изложения событий ордынского периода во многом повторяет работы Д.И. Иловайского. Монголы и татары были дикими кочевниками, а Чингисхан – жестоким правителем[3]. Вследствие нашествия Батыя Русь разделяется на две части, северо-восточную и юго-западную. Александр Невский был прозорлив и покорностью ханам облегчал для России зависимость от Орды. Такой политикой на Руси многие были недовольны. После восстания против ордынских чиновников в 1262 г. Александр с опасностью для жизни поехал в Сарай, чтобы спасти русские земли от нового ордынского погрома[4].

Чуть больше внимания, чем другие авторы государственно-охранительного направления, И.И. Беллярминов уделял отношениям Орды с

[1] Острогорский М.Я. Учебник русской истории… С. 37.
[2] Там же. С. 47.
[3] Беллярминов И.И. Элементарный курс всеобщей и русской истории. 38-е изд. СПб., 1910. С. 160.
[4] Там же. С. 166.

русской церковью. Перед разорением Киева из города сбежали и князь, и митрополит. Все церковное имущество для монголов было неприкосновенно, и «к великому счастью для России, от дани было освобождено духовенство»[1]. С населения же откупщики брали дани больше, чем следует, но для автора в этом плане превалировало экономическое благополучие церкви, а не народа Руси.

В учебной литературе консервативного направления часто упоминается гибель в осажденном Владимире в 1238 г. не только княжеской семьи, но и епископа Митрофана. Позднее он был прославлен Русской православной церковью. Этот момент показывает тесную связь духовного и светского образования в общественном сознании Российской империи по отношению к описанию образов ордынского владычества.

Видные русские историки XIX – начала XX в., такие как С.М. Соловьев, В.О. Ключевский, С.Ф. Платонов, также выпускали учебники по отечественной истории. Они относятся к либеральному направлению данного дискурсивного поля по классификации современных исследователей. Учебники этих авторов оказывали влияние в первую очередь на учителей, которые выбирали эти книги в качестве пособия, а через них и на самих учеников, поэтому их анализ важен для восстановления целостной картины образа ордынского владычества в учебной литературе того времени.

С.М. Соловьев в своей «Учебной книге» уделял связанным с ордынским владычеством событиям немного места. Очень кратко в ней рассказано о нашествии Батыя и Куликовской битве. Южная Русь, особенно Киевская земля, после монгольского разорения окончательно ослабевает и теряет значение, центр русской жизни отныне сосредоточивается на севере. Александр Невский «больше всего хлопотал о том, чтобы сдерживать своих подданных от возстаний против Татар, с которыми они не в силах бороться»[2]. Когда подобное восстание все же произошло в 1262 г. и ордынцы готовы были

[1] Беллярминов И.И. Указ. соч. С. 163.

[2] Соловьев С.М. Учебная книга русской истории. М., 1859. С. 52.

вновь разорить русские земли, Александр, по мнению автора, смог в Орде предотвратить наказание. Отношения Александра Ярославича с Ордой, направленные на принятие зависимости и исполнение обязательств перед ханами, оказались более расчетливыми и благоразумными, чем действия Даниила Галицкого по борьбе со степняками: неудача Даниила в свержении «ига» «служит лучшим оправданием поведения Александрова»[1].

Итак, в учебниках, написанных с либеральных позиций, народная борьба против зависимости от Орды не одобрялась. В ослаблении ордынского контроля за Русью их авторы видели заслугу только Александра Невского и его действий.

К концу XIII в., после удаления баскаков и численников князья полностью освободились от ордынского влияния на свои внутренние дела, хотя и в годы их присутствия это влияние, как писал С.М. Соловьёв, не было большим. Нравы русского народа в ордынский период стали гораздо грубее из-за прекращения контактов с христианами Европы и «постоянном сообщении только с азиятскими, нехристианскими народами, от которых нечего было заимствовать хорошаго»[2]. Как видим, в своём учебнике С.М. Соловьев уделял ордынскому владычеству несколько больше внимания, чем в «Истории России с древнейших времен», но лишь относительно эпохи Александра Невского. Общий взгляд автора на отсутствие важной роли ордынского владычества в истории России остается неизменным.

Ещё меньше места ордынской зависимости уделял в своем учебнике В.О. Ключевский. Он считал, что упадок Юго-Западной Руси начался задолго до нашествия монголов, которое лишь довершило опустошение данного региона. Ордынский разгром до конца XIII в. «поверг народное хозяйство северной Руси в страшный хаос», но с начала XIV в. оно стало постепенно восстанавливаться[3]. Тверские князья не могли понять истинное положение дел

[1] Соловьёв С.М. Учебная книга русской истории. С. 58.

[2] Там же. С. 113.

[3] Ключевский В.О. Краткое пособие по русской истории. М., 1992 (Репринт. изд. М., 1906). С. 65.

и считали возможной борьбу против Орды, тогда как московские правители действовали на Сарай деньгами и сделали ханов орудием своей политики. Это В.О. Ключевский считал одной из причин возвышения Москвы.

Учебник В.О. Ключевского был весьма популярен у московских учителей истории начала XX в.[1] Писали учебные пособия и многие историки «школы Ключевского». Все они относятся к либеральному направлению учебной литературы конца XIX – начала XX в. Их содержание проанализировал А.Н. Фукс, который сделал следующие выводы: авторы этих учебников не преувеличивали последствий ордынского владычества для социально-экономического развития Руси, так как уровень этого развития все равно был выше, чем у Золотой Орды. Основные последствия зависимости видятся в замедлении культурного развития России на столетия и упадке экономической жизни русских земель сразу после нашествия Батыя. Авторы не придавали зависимости от Орды решающего значения в возвышении Москвы, но и не игнорировали его, как С.М. Соловьёв[2].

Ещё одним популярным учебником по русской истории в начале XX в. была книга С.Ф. Платонова. По его мнению, ордынская власть, действия монгольских чиновников в русских землях и установленная дань были тяжелыми и унизительными для Руси, и князья с большим трудом предотвращали новые набеги кочевников и склоняли народ к повиновению Сараю. Ордынское завоевание привело к разобщению Северо-Восточной Руси с Новгородом и Юго-Западной Русью. Владимиро-Суздальская Русь не смогла уберечься от влияния ордынских порядков, поэтому в XIII–XIV вв. здесь «наблюдается некоторый культурный застой и отсталость и некоторый налет “татарщины”»[3]. Но преувеличивать это культурное влияние, как полагал С.Ф. Платонов, не стоит: в первые века владычества Золотой Орды русские ничего не могли перенять у ордынцев, находившихся тогда на очень низком

[1] Фукс А.Н. Указ. соч. С. 106.

[2] Там же. С. 142–143.

[3] Платонов С.Ф. Учебник русской истории для средней школы. Курс систематический: в 2 ч. 9-е изд. Пг., 1917. С. 88–89.

уровне культурного развития. Сближение произошло позднее, когда зависимость ослабла и татары сами начали служить русским князьям, перестав быть угнетателями.

С.Ф. Платонов впервые в учебной литературе выдвинул тезис о важной роли сопротивления Руси Батыю в спасении остальной Европы от монголов – русское население «многострадально заслонило собою от татарскаго насилия всю Европу»[1]. Возможно, именно отсюда эта идея попала позднее в советские учебники. Историк высоко оценивал восточную политику Александра Невского – в своих действиях князь был «заступником» за родную землю. Куликовская битва, отмечал автор, имела огромное значение для северной Руси и Москвы, она показала возможность победы над ордынцами и дала толчок к дальнейшему объединению русских земель под властью московских князей.

Итак, историки либерального направления, особенно С.Ф. Платонов, в своих учебниках отмечали более важное значение ордынского владычества для русской истории, чем в научных трудах. Это может свидетельствовать о том, что дидактическое значение образов ордынского владычества авторы учебной литературы всех жанров считали более важным, чем историческую достоверность дошедших до их времени рассказов. Связь с житийной литературой и статусом православной истории в исторической памяти россиян, возможно, тоже имела значение для подобного отношения к сюжетам, связанным с ордынским завоеванием.

В дореволюционных учебниках по отечественной истории сформировался единый образ ордынского владычества – «дикие и отсталые» ордынцы были куда менее развиты, чем завоеванная ими Русь. Авторы учебников вслед за исторической мыслью данного времени выводили все плохие, по их мнению, черты русского народа, его культурную отсталость из долговременных контактов с «варварской» Азией в лице Золотой Орды, в то время как важные для культурного развития связи с просвещенной Европой с

[1] Платонов С.Ф. Учебник русской истории… С. 88.

установлением зависимости, наоборот, прервались. Подобный взгляд присутствует в учебниках как либерального, так и государственно-охранительного направления.

Главная роль в борьбе с ордынским владычеством во всех учебниках отводится русским князьям, особенно Александру Невскому и Ивану Калите. С «Синопсиса» начинается, а благодаря учебникам Д.И. Иловайского закрепляется в отечественном историческом обучении подробное освещение событий Куликовской битвы и высокая оценка ее итогов. Авторы учебников подчеркивали, что ради этой высокой цели гордые правители готовы были претерпевать в Орде любые унижения, жертвуя честью во имя спасения Родины. На этих учебниках общественное сознание должно было воспитываться в уважении к сильной монархической власти. Образ ордынского владычества в дореволюционных учебниках был европоцентричным.

Далее проанализируем художественную литературу, в которой присутствовала тема ордынского владычества. До 1930-х гг. в отечественной художественной литературе событиям эпохи ордынского владычества не посвящалось крупных произведений. Куликовская битва играла важную роль в исторических представлениях авторов светской литературы еще с XVIII в. К примеру, действие трагедии М.В. Ломоносова «Тамира и Селим» (1750 г.) разворачивается на фоне Куликовской битвы.

В трагедии С.Н. Глинки (1776–1847) «Михаил, князь Черниговский» (1808 г.) главный герой, по имени которого она названа, вопреки историческим фактам представлен пылким юношей, который любит Родину и свою молодую жену Вельмиру. Хан Батый, согласно тексту, хочет уничтожить Русь, а затем захватить весь мир. Для этого он заставляет всех русских князей исполнять языческие обряды, что должно, по его мнению, погубить в них родную веру. Через падение правителей утратит веру и дух народ. Все князья подчиняются хану, кроме Михаила Черниговского, для которого смерть лучше подчинения завоевателю. С Михаилом поначалу соглашаются не все русские

князья. Борис Ростовский считает, что только Батый сможет предотвратить междоусобицы в русских землях. Михаил также полагает, что зависимость от Батыя является наказанием для Руси за непрекращающиеся княжеские раздоры.

Михаил приходит к Батыю, и хан сначала пытается склонить его к подчинению, обещая взамен власть над всей Русью, а после отказа приказывает выдать жену Михаила, Вельмиру, за Бориса. Самого Михаила заключают в темницу. Вельмира и верный друг Михаила, Федор, освобождают своего князя из заточения, к ним присоединяются остальные находящиеся в Орде русские князья, в том числе осознавший свою неправоту Борис. В бою Михаил убивает Батыя, а Борис гибнет во искупление вины. Как видим, у С.Н. Глинки своеобразно переплетены религиозные (нежелание изменять своей вере) и светские (борьба против тирании) мотивы в образе ордынского владычества. Последние все же преобладают – автор отходил от житийного изображения Михаила как мученика, покорно принимающего смерть.

Очень вольно с историческим материалом обращался В.А. Озеров (1769–1816) в трагедии «Дмитрий Донской» (1807 г.), действие которой происходит в пору Куликовской битвы. Все русские князья под предводительством Димитрия собрались для противостояния ордынцам. Московский властитель уверен, что кончилось время, когда в татарах видели божью кару, которой невозможно противостоять. Теперь уже русским невозможно покориться чужому ярму[1]. В единство князей, однако, вносит раздор любовь Димитрия к нижегородской княжне Ксении, которую отец Ксении хочет отдать замуж за князя Тверского, чтобы этим укрепить союз против Орды. Сама Ксения не желает этого брака и любит Димитрия, она готова уйти в монастырь, чтобы не вступать в брак с нелюбимым человеком. Князь Тверской оскорблен этим и после битвы хочет силой утвердить брак с Ксенией. Димитрий открыто заявляет, что не допустит этого. Князь Тверской

[1] Озеров В.А. Димитрий Донской. Трагедия // Поле Родины: сб., 1380–1980 / сост. Б. Примеров, Н. Кондакова. М., 1980. С. 52–53.

отказывается участвовать в сражении с татарами, его поддерживают другие князья, недовольные самоуправством Димитрия. Власть Москвы они начинают рассматривать как не лучшую альтернативу владычеству Орды и готовы покориться ордынцам[1]. Ксения ради спасения Димитрия соглашается на брак с Тверским, после чего все русские полки вновь соединяются и участвуют в сражении. В ходе него Димитрий совершает героические подвиги, побеждает ордынского богатыря Челубея и спасает русское войско от поражения. Восхищенный таким мужеством, князь Тверской после боя уступает Ксению Димитрию и мирится с ним. Итак, В.А. Озеров вслед за исторической мыслью XVIIIв. считал княжеские усобицы одной из главных бед средневековой Руси, мешающей, помимо прочего, избавлению от иноземной зависимости. Эта общая проблема показана на примере частного любовного сюжета, полностью придуманного автором.

Для писателей XVIII – начала XIX в. историческая достоверность не была важна, один из них, С.Н. Глинка, прямо утверждал, что автор художественного произведения не является историком, «следственно, от него нельзя требовать исторической точности»[2]. Реальные исторические события служили авторам антуражем для вымышленных действий героев. Драматургам начала XIX в. важнее было показать готовность России в лице ее князей противостоять иноземным захватчикам, не склонять головы даже перед очень сильным врагом. С.Н. Глинка в предисловии к своему произведению сравнивал намерения Батыя истребить веру и обычаи Руси с борьбой деятелей Французской революции против христианства[3]. Трагедию В.А. Озерова современники напрямую связывали с противостоянием Наполеону, это обеспечивало ей немалую популярность на сцене[4]. Необходимость

[1] Озеров В.А. Указ. соч. С. 69–71.

[2] Глинка С.Н. Михаил, князь Черниговский: трагедия в пяти действиях. М., 1808. С. 6.

[3] Там же. С. 3–4.

[4] Примеров Б.Т. Поле Родины. Вступительная статья // Поле Родины: сб., 1380–1980 / сост. Б. Примеров, Н. Кондакова. М., 1980. С. 11; Новоселова Е.А. «Димитрий Донской» В. А. Озерова как образец «патриотической» драматургии эпохи Наполеоновских войн // Дергачевские чтения–2011. Русская литература: национальное развитие и региональные

воодушевления русского народа в преддверии решающей битвы с Французской империей обусловила обращение этих авторов к страницам прошлого, связанного с ордынским владычеством. С самого первого относительно широкого появления в художественной литературе образ ордынского владычества связывается с темой патриотизма и героической борьбой русских за защиту своей Родины.

К образу Куликовской битвы обращались в 1820-е гг. поэты Н.М. Языков (1803–1847) и К.Ф. Рылеев (1795–1826). Главной целью для них было прославление борьбы за свободу. Особенно это заметно у Языкова, который посвятил свое стихотворение «Баян к русскому воину» воодушевлению воинов на бой за свободу. Стремление к ней и обличение тирании без привязки к сюжету Мамаева побоища наглядно видны в первой редакции стихотворения, которая не прошла цензуру. В последних трех строках сначала было написано: «Где нет рабов – там нет тиранов, / Ужасен наш мучитель был, / Но русский меч его убил!»[1], что при издании в 1824 г. заменено на «Конец владычеству тиранов: / Ужасен хан татарский был, / Но русский меч его убил!»[2]. В «Песни барда во время владычества татар в России» (1823 г.) Н.М. Языков сокрушался о потере прежней славы русских воинов под «игом завоевателей» и тяжкой зависимости Родины, которой не видно конца[3]. Другое стихотворение поэт посвятил Евпатию Коловрату[4]. В нем воспевается битва с врагами свободы. Месть за погубленное Отечество для героя является одним из благороднейших чувств.

В думе К.Ф. Рылеева «Димитрий Донской» (1822 г.) звучали общие призывы к сражению с «тираном» (этим эпитетом наделен Мамай) за свободу. В уста Димитрия автор вложил современные ему понятия: князь призывает биться за «Святую праотцев свободу / И древние права граждан... / За

особенности: материалы X Всерос. науч. конф. Екатеринбург, 2012. Т. 2. С. 269–273.

[1] Языков Н.М. Полное собрание стихотворений / вступ. ст., подгот. текста и примеч. К.К. Бухмейер. М.; Л., 1964. С. 588.

[2] Там же. С. 91.

[3] Там же. С. 89–90.

[4] Там же. С. 135–136.

вольность, правду и закон!»[1]. Сражаются воины, согласно тексту, не только за свободу, но и за православную веру, она в итоге помогает Димитрию победить. Таким образом, это стихотворение менее заострено на общей проблеме борьбы с тиранией, основная его часть посвящена описанию самой Куликовской битвы. Всё это позволило произведению Рылеева преодолеть цензуру в неизменном виде.

В стихотворении В.Н. Григорьева (1803–1876) «Нашествие Мамая»[2] (1825 г.) пафос борьбы против тирании прослеживается меньше, чем у предыдущих двух поэтов. Автор прославлял победу русских над «варварством» и обретение ими свободы, но слова его относятся непосредственно к Куликовской битве, без общих рассуждений о свободе и тиранах. Итак, молодые поэты 1820-х гг. уже не были обеспокоены серьезной внешней опасностью, грозящей России. В их описании событий эпохи ордынского владычества стала превалировать тема борьбы против тирании, не обязательно только со стороны иноземного врага. В образ Куликовской битвы они вносили мысль о необходимости сражения за народную свободу, возвращения былой славы, утраченной за время страдания русских в «рабской» зависимости под пятой деспотизма.

Поэма А.А. Орлова (ок. 1787–1840) «Димитрий Донской, или Начало российского величия» (1827 г.) знаменовала собой постепенный переход художественной литературы об ордынском владычестве от классицизма и романтизма к реализму. В основу поэмы положен текст «Сказания о Мамаевом побоище» без какой-либо исторической критики. Православной церкви в поэме отведена значительная роль в укреплении решимости сражаться с Мамаем. Димитрий объявляет послу хана, что Русь отныне не будет подчиняться Орде, над своей землей выше московской власти только божья

[1] Рылеев К.Ф. Полное собрание стихотворений / вступ. ст. В.Г. Базанова и А.В. Архиповой; подгот. текста А.В. Архиповой. Л., 1971. С. 133–134.

[2] Поле Родины: Сборник, 1380–1980 / сост. Б. Примеров, Н. Кондакова. М., 1980. С. 103.

воля, на которую князь и уповает[1].

Моральное превосходство русских над ордынцами А.А. Орлов показывал в эпизоде разговора Димитрия с разоблаченным вражеским лазутчиком Гассаном. Гассан признает свою вину и готов к казни, но Димитрий великодушно щадит его и отпускает к Мамаю, так как «коварство» и «лютость» свойственны ордынцам, но не русским. Татарский соглядатай поражен подобным милосердием, для ордынцев вовсе не привычным. При описании самого хода битвы автор подробно останавливался на подвигах отдельных знатных героев русского войска и не упоминал о действиях воинов из простонародья. Как видим, А.А. Орлов вслед за профессиональным сознанием своего времени при характеристике ордынского владычества обращал внимание на нравственные качества русских и ордынцев. Но писатель отрицал негативное влияние Орды на русский национальный характер, как минимум в отношении князей.

Ордынцы в произведениях русских литераторов первой половины XIX в. представлены отрицательными героями, причем подобное отношение переносится и на более ранние времена. В «Борисе Годунове» А.С. Пушкина (1799–1837) боярин Шуйский наделяет Бориса следующими негативными качествами: «Вчерашний раб, татарин, зять Малюты»[2], намекая на происхождение рода Годуновых от мурзы Чета. Но для реальных бояр конца XVI в. иметь в предках знатного татарина вовсе не считалось предосудительным. Род Глинских, к которому по материнской линии принадлежал Иван Грозный, вел свое происхождение от Мамая. Татарами были и основатели рода Н.М. Карамзина, которому Пушкин посвятил «Бориса Годунова». В тексте же происхождение от Орды избранного царя России осуждается. Это происходит потому, что средневековые ордынцы в начале XIX в. для образованной части общественного сознания считались жестокими

[1] Орлов А.А. Димитрий Донской, или Начало российского величия: героическая поэма. М., 1827. С. 26–27.

[2] Пушкин А.С. Борис Годунов // Полное собрание сочинений: в 17 т. Т. 7: Драматические произведения. М., 1994 (Репринт. изд. М.; Л., 1948). С. 7.

и малокультурными варварами, несмотря на происхождение многих аристократических родов от выходцев их Золотой Орды.

В 1864 г. в журнале «Эпоха», издаваемом братьями Достоевскими, была опубликована пьеса Д.В. Аверкиева (1836–1905) «Мамаево побоище». Вопреки названию, описанию самой Куликовской битвы в ней было уделено не очень много внимания, куда подробнее описываются предшествующие сражению события 1380 г. Одна из важнейших ролей в пьесе отведена рязанскому князю Олегу. Представлены его сомнения насчет того, кого ему следует поддержать в предстоящем сражении. Один из рязанских бояр, Иван, потомок татар, изначально пытается склонить князя к поддержке Мамая, причем другой боярин, придерживающийся промосковской ориентации, попрекает Ивана в потворстве своим бывшим родичам[1]. Незадолго до Куликовской битвы Олег все же переживает, что не стал помогать Дмитрию в его, как он теперь видит, справедливом деле борьбы за русскую землю и веру. Боярин Иван и жена князя убеждают его в правильности нейтралитета. Олег Рязанский в пьесе не выглядит изменником русскому делу, к уклонению от помощи русской рати на Куликовом поле его подталкивают другие люди, а сам князь беспокоится о судьбе Руси.

Автор подчеркивал, что с Мамаем русские сражаются в первую очередь за свою веру и православную церковь[2]. При описании Куликовской битвы Аверкиев выделял роль в ней народных масс. Во время благословения Дмитрия на битву Сергий Радонежский замечает князю: «Ты подумай, / Что не один ты меч войны подымешь, / С тобой пойдет и твой народ великий, / С тобою встанет русская земля. / Ты не смотри на них высокомерно, / Не обижай ты малых сил»[3]. В следующих сценах схоже описывается прощание князей с семьей и воинов из народа с родными, а затем разговоры простых

[1] Аверкиев Д.В. Мамаево побоище: Летописное сказание (картины русской жизни XIV века) в стихах // Эпоха: журнал литературный и политический, издаваемый семейством М. Достоевского. 1864. № 10. С. 10–11.

[2] Там же. С. 29; 95.

[3] Там же. С. 32.

ратников и знати в своем кругу в ночь накануне боя.

Князь Дмитрий при получении первых известий о походе Мамая весной 1380 г. впадает в смятение и только благодаря молитве отгоняет дурные мысли и укрепляется в необходимости борьбы с врагом. Для большинства советских исторических романов подобные сомнения и страхи у русского национального героя невозможны. Для писателей, придерживающихся православного мировоззрения (авторы до 1917 г., позднее – Д.М. Балашов), подобные сомнения ничуть не умаляют героизм воинов.

Главной целью автора, на наш взгляд, было не превознесение героизма русского войска (ведь и описанию сражения почти не уделено внимания), а показ сложных коллизий, связанных с битвой. Очень положительно в пьесе изображен боярин Федор Кошка – он всегда дает Дмитрию самые разумные и правильные советы, а после победы над Мамаем ловко улаживает споры Москвы с Рязанью дипломатическим путем. Возможно, такой образ связан с тем, что Кошка был предком Романовых, правящей в России на момент публикации пьесы. Таким образом, Д.В. Аверкиев одним из первых в художественной литературе обратил внимание на роль народа в борьбе с Ордой. Борьба за свои веру и землю начинает восприниматься как национальная и всенародная.

В известном стихотворении А.А. Блока (1880–1921) «На поле Куликовом» (1908 г.) нет ни слова про саму битву, оно все посвящено ее предчувствию и размышлениям о ее предстоящей великой и символичной роли для России[1]. В стихотворении И.А. Бунина (1870–1953) «После битвы» (1903 г.) описывается смерть русского воина[2]. Образ дан обобщенно, автор не приводил никакого пояснения, после какой именно битвы происходит данная ситуация, храбро ли в ней сражался погибший и т.п. А.Н. Толстой (1882–1945) также обобщенно описывал смерть перепелки от татарской стрелы («Трава»,

[1] Поле Родины: сб., 1380–1980... С. 116–117.
[2] Там же. С. 112.

1909 г.)[1]. В «Песне о Евпатии Коловрате» (1912 г.) С.А. Есенин (1895–1925) описывал подвиг былинного витязя в сниженных тонах. По строю его произведение напоминает русскую народную песню. Евпатий представлен не дружинником, как в исторической «Повести о разорении Рязани Батыем», а кузнецом, представителем народа. В конце стихотворения Батый приказывает сделать себе из черепа Евпатия чашу для питья и говорит: «А всего ты, сила русская, / На тыновье загодилася»[2].

В начале XX в. поэты Серебряного века перестают связывать ордынское владычество только с борьбой населения Руси за освобождение от иноземного владычества. Они начинают затрагивать темы бессмысленности и жестокости войны, акцентируя внимание на страданиях ее жертв. Идет размышление о роли зависимости от Орды в исторической судьбе России, взгляд на борьбу со степными завоевателями со стороны народа Руси, а не князей и воинской верхушки. Образ ордынского владычества теряет фактическое содержание и предстает сложным символом, включающим разные слои, в том числе предчувствие военных поражений Российской империи, кризисного состояния общественного сознания, ощущение приближения гражданской войны и многое другое.

Таким образом, изменения во взгляде на феномен ордынского владычества в художественной литературе до 1917 г. совпадают с изменениями в самой русской культуре изучаемого времени. Общественное сознание в лице поэтов и писателей выражало в художественных произведениях об ордынском владычестве те мысли и чаяния, которые считаются наиболее важными в каждый конкретный период.

Рассмотрим образ ордынского владычества в наиболее примечательных произведениях публицистики XIX – начала XX в. Отражение данной темы в публицистике 1830-х гг. можно изучить на примере полемики А.С. Пушкина и П.Я. Чаадаева (1794–1856). Данный материал тем более интересен, что с

[1] Поле Родины: сб., 1380–1980... С. 113.
[2] Там же. С. 122.

1930-х гг. высказанное Пушкиным мнение становится одним из базовых для характеристики эпохи зависимости Руси от Орды в отечественном историческом сознании, регулярно встречается в научной и учебной литературе. Цитируется зачастую письмо А.С. Пушкина П.Я. Чаадаеву от 19 октября 1836 г., где поэт говорил о значимой роли России в деле спасения христианской цивилизации от монгольского нашествия[1].

Это письмо Пушкин написал по поводу публикации в журнале «Телескоп» первого из «Философических писем» П.Я. Чаадаева, в котором автор рассуждал о причинах отсталости России от Европы в интеллектуальном развитии[2]. Пушкин читал эту работу еще в 1830 г.[3] и, судя по фразе «вы знаете, что я далеко не во всем согласен с вами»[4], он дискутировал с его автором еще до 1836 г. Письмо не было отправлено адресату и впервые опубликовано только в 1884 г.

Еще больше в общественном сознании распространены слова поэта из неоконченной статьи «О ничтожестве литературы русской»: «России определено было великое предначертание… Ее необозримые равнины поглотили силу монголов и остановили их нашествие на самом краю Европы… Образующееся просвещение было спасено растерзанной и издыхающей Россией… Татаре не походили на мавров. Они, завоевав Россию, не подарили ей ни алгебры, ни Аристотеля»[5]. Впервые отрывки из этой работы, посвященные ордынскому владычеству, увидели свет в 1855 г. Разногласия Пушкина и Чаадаева не стоит преувеличивать: оба они согласны с наличием в современной им российской действительности многих отрицательных черт, с отсталостью России от стран Европы в плане развития просвещения. Но А.С. Пушкин пытался объяснить все это, в том числе

[1] Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 17 т. Т. 16: Переписка 1835–1837. М., 1997 (Репринт. изд. М.; Л., 1949). С. 392–393.

[2] Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. М., 1991. Т. 1. С. 320–339.

[3] Там же. С. 690.

[4] Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 17 т. Т. 16. С. 392.

[5] Пушкин А.С. О ничтожестве литературы русской // Полное собрание сочинений: в 17 т. Т. 11: Критика и публицистика 1819–1834. М., 1996 (Репринт. изд. М.; Л., 1949). С. 268.

негативным влиянием зависимости Руси от Орды.

Не обошел вниманием тему ордынского владычества и Н.В. Гоголь (1809–1852). Он считал, что нашествие Батыя «наложило на Россию двухвековое рабство и скрыло ее от Европы»[1]. Вторжение завоевателей привело к сложению в Южной Руси нового народа, поскольку ее прежнее население после погрома степняков разбежалось. Оно также стало причиной полного разрыва связей между севером и югом Руси. Складывание украинского народа шло в постоянной борьбе с кочевниками, что во многом определило его характер. Казаки, возможно, одни сдержали натиск татар и турок на остальную Европу[2]. Этот тезис схож с мнением А.С. Пушкина, высказанным в то же время (первая половина 1830-х гг.) о важной роли Руси в спасении Европы от монголов. Только Гоголь использовал борьбу с Ордой для обоснования важной роли украинского народа в европейской истории. Он констатировал факт значимого влияния татар на население Украины в этническом плане, на его образ жизни, обычаи и одежду.

Образ ордынского владычества оставил след в творчестве писателей революционно-демократического направления. В.Г. Белинский (1811–1848) писал в 1834 г. о русском народе: «Оковы татарина связали крепкими узами его разъединенные части, рука ханов спаяла их его же кровию»[3]. Н.Г. Чернышевский (1828–1889) в письме родным от 30 августа 1846 г. сетовал на отсталость России в плане развития наук и знаний. Он утверждал: «Нет, не завоевателями и грабителями выступают в истории политической русские, как гунны и монголы, а спасителями – спасителями и от ига монголов, которое сдержали они на мощной вые своей, не допустив его до Европы, быв стеной ей, правда, подвергавшеюся всем выстрелам»[4]. А.И. Герцен (1812–

[1] Гоголь Н.В. Взгляд на составление Малороссии // Полное собрание сочинений: в 14 т. Т. 8: Статьи. М.; Л., 1952. С. 42.

[2] Там же. С. 46.

[3] Белинский В.Г. Литературные мечтания // Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 1: Статьи и рецензии. Художественные произведения 1829–1835. М., 1953. С. 37.

[4] Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений: в 15 т. Т. 14: Письма 1838–1876 годов. М., 1949. С. 48.

1870) в работе «О развитии революционных идей в России» (1851 г.) негативно оценивал влияние ордынского владычества на русскую историю: население страны было разорено, что в итоге определило отставание России от Европы[1]. Слова этих авторов, как видим, весьма близки к рассмотренному мнению А.С. Пушкина, хотя выдвинуты независимо от него. С 1930-х гг. утверждения Пушкина и революционных демократов об ордынском владычестве часто будут цитироваться в работах общественно-исторического дискурса СССР. В целом все эти идеи стояли на точке зрения о России как европейской державе, но отставшей в развитии науки и просвещения от других стран Европы из-за ордынского владычества. Борьба с монгольской угрозой все же позволяет, по мнению этих авторов, претендовать на законное место в европейской цивилизации.

Н.Я. Данилевский (1822–1885) в книге «Россия и Европа» (1871 г.) стал одним из основателей цивилизационного подхода к изучению истории. Помимо культурно-исторических типов, которые являются основными действующими лицами в мировой истории, автор выделял народы «бичи божьи», чья роль заключается в разрушении ставших «дряхлыми» цивилизаций[2]. К подобным народам ученый относил и монголов. Ордынское владычество он считал «очень легкой формой зависимости» – из-за разной степени развития завоеватели не могли оказать какое-либо влияние на русских. Но Москва смогла извлечь из власти Орды немалые преимущества. Ее правители, усиливая свою власть над народом, все равно оставались для него защитниками от прямого контакта с иноземной властью[3].

Г.В. Плеханов (1856–1918) указывал на важную роль борьбы с кочевниками для развития Руси. Нашествие монголо-татар привело к перенесению центра русской жизни с юго-запада на северо-восток, где были

[1] Герцен А.И. О развитии революционных идей в России // Герцен А.И. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 7: О развитии революционных идей в России. Произведения 1851–1852 годов. М., 1956. С. 158–159.

[2] Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 90.

[3] Там же. С. 257–258.

менее благоприятные условия для роста боярского влияния[1]. Кочевники замедляли экономическое развитие Руси, необходимость борьбы с ними вела к усилению княжеской власти. Чтобы победить кочевую Азию, Россия «сама сделалась Азией», уподобив свои общественно-политические отношения азиатским деспотиям[2]. Таким образом, самодержавие Г.В. Плеханов выводил из влияния внешней угрозы, в том числе и со стороны Золотой Орды.

В конце XVIII – первой половине XIX в. решающее влияние на складывание образов ордынского владычества в российском общественном сознании оказывал религиозный дискурс, согласно которому Русь в противостоянии с монголами являлась защитником православия. Профессиональное историческое сознание второй половины XVIII в. пытается раскрыть причины долгой зависимости русских земель от Орды с позиций рационализма, но использует для этого по-прежнему религиозные категории «кары за грехи», поскольку эта причина превалирует в тех источниках, которыми пользуются исследователи (русские летописные и религиозные тексты Средневековья и раннего Нового времени). Наказание это постигает в первую очередь князей за их междоусобицы и отсутствие единства.

В конце XVIII в. – 1840-е гг. концептуализация образов ордынского владычества происходит с помощью средств эстетики романтизма. Особую роль в складывании образа сыграла «История государства Российского» Н.М. Карамзина. Состав эстетической мысли в общественном сознании России того времени весьма сложен. Симпатии к народу в ходе нашествия Батыя и интерес к влиянию монголов на его быт относятся к сентиментализму, внимание к воздействию ордынского владычества на народный характер являются тенденцией романтизма. Золотая Орда рассматривается как связующее звено между Азией и Россией. Азия с позиций преобладающего в российской исторической науке того времени европеизма характеризуется более отсталой частью света, чем Европа. В соответствии с этим у России,

[1] Плеханов Г.В. История русской общественной мысли. М., 1914. Т. 1. С. 53.
[2] Там же. С. 98.

европейской страны, перенесшей долгий период азиатского господства, теперь есть цивилизаторская миссия по отношению к бывшим землям Золотой Орды. В публицистическом дискурсивном поле появляется идея о спасении Русью европейских стран от завоевания монголами. Это показывает постепенную смену приоритетов в общественном сознании с религиозных на светские – от спасения Русью православной веры к защите ею же цивилизации. Религиозные мотивы полностью не отбрасываются, роль православия теперь видится в сохранении русскими своей национальной самобытности под иноземной властью.

Освобождение Руси от ордынского владычества тоже рассматривается в религиозной категории «искупления грехов». Для этого русским землям нужна единая и сильная монархическая власть. Этот тезис появляется в религиозном дискурсивном поле, у митрополита Платона, раньше, чем в светском. Искупление этого греха приходится на долю московских князей, кульминация процесса – Куликовская битва.

С 1840-х гг., особенно в рамках государственной школы, возрастает интерес профессионального сознания к поиску закономерностей в историческом развитии России. Степень влияния Золотой Орды у каждого историка данного направления различна, но общим является рассмотрение этого фактора как внешнего, который действовал лишь как инструмент. Этим инструментом в XIV–XV вв. лучше всего сумела воспользоваться Москва. Больше внимания начинает уделяться истории народа – в рамках этого одним из главных последствий ордынского владычества для истории Руси считается разделение единого государства на две части – северо-восточную и юго-западную, развитие которых отныне пошло по разным путям. Иной вариант взаимоотношений с Золотой Ордой видится историками в Литве, которая обещала освобождение от иноземной зависимости и этим привлекала к себе русское население. Орда в данном плане, по мнению ученых, помогала Северо-Восточной Руси противостоять литовскому влиянию.

В церковном дискурсе этого периода мотивы противостояния ислама и

христианства, которые превалировали в образах ордынского владычества в первой половине XIX в., отходят на второй план. В нем одновременно существуют две линии, которые представляли различные канонизированные русские святые Средневековья – мученики, погибшие в Орде, и те, кто решился на сотрудничество с ханами. Подвиг последних не менее значим – им пришлось поступиться своей гордостью и достоинством ради спасения родной земли. Ордынское владычество стало суровой необходимостью, испытанием для Руси по воле Бога. В этом моменте поле церковной истории сходится со светскими исследователями во взгляде на сущность ордынского владычества.

Русско-ордынские отношения в общественном сознании России к концу XIX в. все больше детерминируются географически и видятся не столько противостоянием цивилизации и варварства (это мнение отходит на второй план), сколько борьбой леса и степи. Важнейшей точкой в нем по-прежнему остается Куликовская битва как символ победы светлых сил над темными. Образ ордынского владычества начинает связываться с национально-освободительной борьбой русского народа за независимость. Это уже более сложный образ, где представления о цивилизационном развитии присутствуют в снятом виде, уступая место представлениям об объективных факторах развития истории. Географический фактор осмысливается историческим сознанием как метафора и закрепляется общественным сознанием как политический миф.

На образы ордынского владычества в учебной литературе XVIII – начала XX в. решающее влияние оказывали господствующие тенденции в профессиональном историческом дискурсе, особенно периода 1780–1790-х – 1840-х гг. Особо выделяется политика Москвы как основа освобождения от Золотой Орды путем использования ее же помощи. Необходимость избавления от иноземной зависимости стала одной из причин появления в России сильной монархической власти. События периода ордынского владычества, особенно Куликовская битва, описываются в учебниках с опорой на тексты эпохи русского Средневековья, преимущественно религиозные.

Художественная литература имперского периода отчасти заимствует образы ордынского владычества из профессионального исторического дискурса, но изменяет их в соответствии с потребностями текущего времени. В произведениях XVIII – начала XIX в. тема зависимости Руси от Орды вводится, чтобы показать готовность героев русской истории защищать справедливость, правду и свободу и бороться против тирании в том смысле, который вкладывало в эти понятия общественное сознание рассматриваемого времени. Это обусловило метафоричность изложения образов ордынского владычества, они связываются с мотивами патриотизма. Из-за отсутствия ярких и крупных работ поэтов и писателей поле художественной литературы до 1930-х гг. не оказывало особого влияния на образы ордынского владычества в отечественном общественном сознании.

Преобладающее влияние на создание и концептуализацию образов ордынского владычества в имперский период их развития оказывало поле профессиональной исторической науки, в котором большую роль играли религиозные компоненты, особенно в XVIII – первой половине XIX в. Основным механизмом создания этих образов являлось изображение Золотой Орды диким и отсталым государством, что базировалось на использовании, в основном, европейских источников по ее истории, особенно записок католических монахов-миссионеров XIII в.

Рассмотренные образы ордынского владычества оказывали основное влияние на образованные слои населения России XVIII – начала XX в. и прочно отложились в сознании российской интеллигенции данного времени. Они совпадали с европоцентричными представлениями этих социальных групп о месте и роли России в Европе и Азии. Это место общественное сознание стремилось объяснить в том числе с помощью обращения к эпохе ордынского владычества.

2. РУССКО-ОРДЫНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ 1920–1980-Х ГГ.

2.1. Образы ордынского владычества в историко-общественной мысли СССР и русской эмиграции

Отечественная историческая мысль периода 1917–1991 гг. имеет ряд особенностей. Это разделение единого поля общественного сознания на разные части, лишь фрагментарно соприкасавшихся друг с другом – остававшееся внутри страны и зарубежной диаспоры. В СССР переосмысление образов ордынского владычества сначала шло по линии придания борьбе русского народа против завоевателей черт национально-освободительного характера, позже – через поиски региональной идентичности в рамках формирующейся политической идентичности советского народа. В советской и эмигрантской частях общественного сознания пользовались разными политическими и идеологическими доминантами построения образов ордынского владычества.

В первые годы существования советской исторической науки велись поиски нового общего взгляда на отечественную историю. Такими поисками можно назвать работы М.Н. Покровского (1868–1932) и Н.А. Рожкова (1868–1927). Исторические взгляды этих авторов сформировались еще до Октябрьской революции. Позднее (в 1930–1940-е гг.) их труды были раскритикованы, но в 1920-е гг. работы этих ученых задавали тон в отечественной исторической науке.

М.Н. Покровский считал, что никаких новых особенностей ордынское владычество в русскую историю не привнесло, но повлияло на уже действовавшие внутри нее закономерности. По его словам, нашествие Батыя разом завершило процесс разложения «городской» Руси, который возник и развивался задолго до появления степных завоевателей, в силу внутренних

экономических причин. Поэтому города оказывали ордынской власти наибольшее сопротивление, и ханы вступили в союз с князьями и боярами против «черни»[1].

Большое внимание М.Н. Покровский уделял взаимоотношениям Орды и русской церкви. Он считал, что чужеземное завоевание для церковной организации явилось благом. Русская церковь стала полностью независимой от князей и городских веч, никогда она еще не получала таких льгот и привилегий, какие устанавливались ханскими ярлыками[2]. После критики школы Покровского данная мысль, в отличие от большинства остальных, не была отброшена и продолжала рассматриваться в прежнем ключе. Итак, М.Н. Покровский в своих трудах не давал четкой оценки последствий ордынского владычества для русской истории. Для него оно было лишь катализатором процессов, которые шли на Руси и до появления завоевателей. В этом взгляд историка напоминает работы его учителя В.О. Ключевского и других представителей государственной школы XIX в.

Н.А. Рожков придерживался тенденции государственной школы в отрицании значимости ордынского владычества для русской истории. Основной целью автора был поиск общих законов социальной динамики и статики, ордынцам в этих законах места не нашлось. Владычество Орды не оказало влияния на внутренние социально-экономические процессы развития Руси. В политическом плане русские князья, по мнению историка, долгое время пренебрегали общественными интересами и использовали ордынскую силу для борьбы с личными соперниками. Зависимость от ханов никак не влияла на характер и действия правителей средневековой Руси [3]. Н.А. Рожков не выделял ни одного сколь-нибудь важного процесса или явления в отечественной истории, на которые повлияло бы ордынское завоевание.

Своеобразие воззрений Н.А. Рожкова и М.Н. Покровского, на наш

[1] Покровский М.Н. Русская история: в 3 т. СПб., 2002. Т. 1. С. 99.

[2] Там же. С. 134.

[3] Рожков Н.А. Русская история в сравнительно-историческом освещении (основы социальной динамики). Т. 3: Падение феодализма. 2-е изд. М.; Л., 1928. С. 53–54.

взгляд, заключается в переходном характере их трудов от одной эпохи развития исторической науки к другой. Они попытались проанализировать русскую историю с материалистической точки зрения, а факты для построения своих концепций брали у предшествующих историков. Эти два ученых стали одними из единственных в СССР специалистов по отечественной истории, которые попытались дать общую картину исторического развития с древности до текущего времени. Последующие поколения советских историков уже не будут замахиваться на написание трудов в духе С.М. Соловьёва и В.О. Ключевского, претендующих на объяснение всей русской истории. Они исследуют отдельные ее периоды и вопросы, а многотомные научные издания, обобщающие исторический материал, станут коллективным творчеством.

В 1920-е гг. в среде русской эмиграции возникает такое направление общественно-политической и философской мысли, как евразийство. Основателем и одним из активнейших теоретиков данного движения был Н.С. Трубецкой (1890–1938). Основополагающим тезисом евразийцев было различие путей развития России и Европы. Россия занимает единое в географическом отношении пространство между Европой и Азией – Евразию, она никогда не была и не должна стремиться стать частью европейской цивилизации. Для более резкого подчеркивания дихотомии России и Европы и своеобразия первой евразийские авторы обращали пристальное внимание на азиатские (туранские) черты в русской истории. Немаловажное место в этих построениях занимало ордынское владычество.

Главной заслугой Чингисхана Н.С. Трубецкой считал первую попытку объединения в рамках единого государства всего евразийского пространства. Россия в данном плане продолжила дело великого завоевателя, восприняла его имперскую идею[1]. «Русский царь явился наследником монгольского хана. “Свержение татарского ига” свелось к замене татарского хана православным

[1] Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока // История. Культура. Язык / сост. В.М. Живова. М., 1995. С. 215–216. Такого же мнения придерживался П.Н. Савицкий (1895–1968): Савицкий П.Н. Степь и оседлость // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн: антология. М., 1993. С. 125.

царем и к перенесению ханской ставки в Москву»[1]. Для осуществления этого объединения Россия заимствовала из Орды многочисленные элементы государственности, которые на русской почве под влиянием православия облагородились и превратились в национальные. Именно благодаря такому органичному перенесению и учету при этом духовных особенностей русского общества появилось Российское государство.

В целом тема ордынского владычества находилась на периферии дискурса евразийцев, остальные его последователи первой волны, за исключением Г.В. Вернадского (1887–1973), внесли мало новых идей к выдвинутым Н.С. Трубецким положениям о сущности данного периода для русской истории. Евразийство 1920-х гг. являлось острополитическим движением, которое пыталось ответить на насущные запросы времени. Обращение к русско-ордынским отношениям необходимо было его авторам для изменения привычного взгляда на роль азиатского фактора в русской истории и еще одного обоснования отличия исторических путей России и Европы. Саму концепцию «ига» евразийцы не отрицали, Россия не является и частью Азии, но пафос борьбы с «романо-германским игом»[2] заставил их как можно рельефнее подчеркнуть положительные черты данного явления. Неудивительно, что попытка евразийцев пересмотреть устоявшиеся оценки ордынского периода вызвала широкую критику как в СССР[3], так и среди русской эмиграции[4].

Примыкавший к евразийцам Э. Хара-Даван (1883–1941) посвятил работу «Чингис-хан как полководец и его наследие» изучению роли Чингисхана в мировой истории, которая рассматривается автором крайне комплиментарно. Монгольская империя была развитым, просвещённым

---

[1] Трубецкой Н.С. О туранском элементе в русской культуре // История. Культура. Язык / сост. В.М. Живова. М., 1995. С. 157.

[2] Там же. С. 161.

[3] См.: Мерперт Н.Я., Пашуто В.Т. Георг Вернадский. Монголы и Россия // Вопросы истории. 1955. № 8. С. 180–186; Каргалов В.В. Внешнеполитические факторы С. 234–246.

[4] См. статьи Г.В. Флоровского, А.А. Кизеветтера, Н.А. Бердяева и др. в: Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн: антология. М., 1993. С. 237–346.

государством, она дала Москве основные элементы ее государственности. Э. Хара-Даван был калмыком по происхождению, свой народ он считал частью монгольского. Автор сетовал, что в русских исторических трудах и учебниках, освещающих период ордынского владычества, практически не замечают монголов и говорят только о татарах, хотя Орда входила в состав Монгольской империи, которая и была «настоящим хозяином» Руси на протяжении почти трех веков[1]. Это один из первых примеров использования образа ордынского владычества для придания значимости отдельному народу из состава населения России.

Едва ли не единственным профессиональным историком среди евразийцев был Г.В. Вернадский. В своих ранних статьях, опубликованных в евразийских сборниках, он писал о том, что благодаря подчинению монголам северо-восток Руси смог сохранить свою самобытность и успешно противостоять натиску латинского Запада[2]. Монгольская держава была мировой империей, и Русь тоже к ней приобщилась, ее контакты с Востоком стали еще более тесными. Золотая Орда могла бы стать единым монголо-русским государством, а Сарай – новым центром русской земли, если бы только ханы приняли православие[3]. Г.В. Вернадский явился основоположником мнения о возможности союза и даже слияния Руси и Золотой Орды. В этом он пошел дальше остальных евразийцев, всё же настаивающих на несовместимости Руси и державы Чингисхана как азиатского государства.

В более поздних работах, выпущенных уже в США, Г.В. Вернадский несколько отходил от прежних взглядов. В книге «Монголы и Русь» (1953 г.) автор, хотя и солидарен со взглядами Н.С. Трубецкого на Русь как преемницу

---

[1] Хара-Даван Э. Чингис-хан как полководец и его наследие: Культурно-исторический очерк Монгольской империи XII–XIV вв. 2-е изд. Элиста, 1991. С. 192 (1-е изд. – Белград, 1929).

[2] Вернадский Г.В. Два подвига Св. Александра Невского // Евразийский временник. Берлин, 1925. Кн. 4. С. 327.

[3] Вернадский Г.В. Монгольское иго в русской истории // Евразийский временник. Париж, 1927. Кн. 5. С. 161.

имперской концепции Чингисхана в деле лидерства над монголо-татарской сферой[1], но куда более осторожен в выводах о монгольском влиянии на Русь. Вернадский видел следы монгольского влияния в системе управления и росте самодержавных тенденций в Московском государстве. Подобная оценка является отчасти возвращением к тезисам дореволюционной отечественной науки, однако значение Монгольской империи для мировой и российской истории является для автора важным и перестает быть однозначно отрицательным.

В русском зарубежье тема ордынского владычества чаще рассматривалась в связи с традициями религиозного наследия представлений об ордынцах и Орде. Историк-эмигрант М.В. Шахматов (1888–1943) отмечал крайне негативное отношение древнерусских книжников к ордынцам, которые описывались как варвары. Орда является незаконным царством, произошедшим от дьявола, единственно правильным отношением к нему считается борьба, явная или, если не позволяют обстоятельства, скрытая[2]. А.В. Карташев (1875–1960), один из главных специалистов по истории русской церкви в эмигрантской среде XX в., помимо повторения тезисов Е.Е. Голубинского первым в научном дискурсе об истории русской церкви выдвинул тезис о том, что власть Золотой Орды даровала церкви льгот больше, чем национальная[3]. Князья позднее активно пытались эти права ограничить.

Прежде чем рассматривать конкретные работы историков 1930–1980-х гг. внутри страны, кратко остановимся на главных политико-идеологических установках, которые оказывали значительное влияние на их построения. Их основой на протяжении 1930–1980-х гг. были слова К. Маркса (1818–1883) о «кровавом болоте монгольского рабства», которое «не только подавляло, но

[1] Вернадский Г.В. Монголы и Русь / пер. с англ. Е.П. Беренштейна и др. Тверь; М., 1997. С. 394–395.

[2] Шахматов М.В. Отношение древне-русских книжников к татарам // Труды IV Съезда русских академических организаций за границей. Белград, 1929. Ч. 1. С. 165–167.

[3] Карташев А.В. Указ. соч. С. 231.

оскорбляло и иссушало самую душу народа, ставшего его жертвой. Татаро-монголы установили режим систематического террора; опустошения и массовая резня стали непременной его принадлежностью»[1].

В 1930–1950-е гг. еще одним важным фактором формирования образа ордынского владычества в общественном сознании СССР было утверждение И.В. Сталина о том, что складывание централизованных государств в Восточной Европе происходило быстрее развития экономических предпосылок этого процесса из-за необходимости «обороны от нашествия турок, монголов и других народов Востока»[2]. Заметим, что данное утверждение отчасти базируется на исторической науке XIX в., в которой также рассматривалось влияние ордынского владычества на складывание Русского государства.

Основой построения образов ордынского владычества этого времени были не только отдельные высказывания классиков марксизма (к последним уже в 1930-х гг. стали относить и И.В. Сталина), но и директивные документы партии и правительства. В 1944 г. было принято постановление бюро обкома ВКП(б) «Об ошибках и недостатках в работе Татарского научно-исследовательского института языка, литературы и истории», в котором критиковалось слишком большое внимание и лояльное отношение к Золотой Орде и ее истории. Осуждалось отождествление истории татарского народа с Золотой Ордой и игнорирование ее сущности «как государства агрессивного, проводившего захватнические войны и разбойничьи походы на земли русского народа и его соседей»[3]. Данный документ, на наш взгляд, определил дальнейшую работу над образами Золотой Орды в официальной советской исторической науке на несколько десятилетий вперед.

---

[1] Маркс К. Разоблачения дипломатической истории XVIII века // Вопросы истории. 1989. № 4. С. 5. Эта работа Маркса, написанная в 1856–1857 гг., впервые была опубликована на русском языке в журнале «Вопросы истории» за 1989 г. № 1–4, до этого авторам приходилось цитировать Маркса по английскому изданию.

[2] Сталин И.В. Доклад об очередных задачах партии в национальном вопросе. 10 марта 1921 г. X съезд РКП(б) // Сочинения: в 13 т. Т. 5: 1921–1923. М., 1947. С. 34.

[3] «Идегеево побоище» ЦК ВКП(б): Постановление обкома ВКП(б) от 06.10.1944 г. / публ. и комм. И.Л. Измайлова // Родина. 1997. № 8. С. 116.

Важной вехой в изучении истории Монголии стал труд Б.Я. Владимирцова (1884–1931) «Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм»[1]. Он посвящен изучению внутреннего строя монгольских племен в Средние века. Автор полагал, что в XI–XVII вв. у них были феодальные отношения. Нойоны являлись феодалами, которым выделялись земли для кочевок на основе вассально-ленных отношений. Подобный тип феодализма автор называл «кочевым». Были в монгольском обществе крепостные (араты) и зависимый люд, присутствовало имущественное расслоение. Завоевательные походы Чингисхана, подчеркивал ученый, ничего положительного монгольскому народу не принесли.

Первым отечественным исследователем, который посвятил теме ордынской политики на Руси отдельную монографию, стал А.Н. Насонов (1898–1965). В 1930-е гг. ему доверили критику взглядов М.Н. Покровского в области вопросов ордынской зависимости. Главным их недостатком историк называл игнорирование сильного отрицательного влияния, которое зависимость от Орды оказала на все стороны русской жизни[2]. Вскоре после опубликования сборника с критикой взглядов М.Н. Покровского вышла книга А.Н. Насонова «Монголы и Русь», в которой выдвигалась новая концепция оценки влияния ордынского владычества на Русь. Автор описывал деятельную, целенаправленную политику ордынских завоевателей на Руси, которая заключалась в препятствовании объединению русских земель и усилению их раздробленности. Единое великорусское государство создавалось в процессе борьбы с ордынцами, а не при их содействии[3]. Монголы, отмечал ученый, использовали существовавшие в русских землях политические противоречия в своих интересах, опираясь при этом на князей против низших слоев населения. Главной целью ордынской политики на Руси

[1] Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934.

[2] Насонов А.Н. Татарское иго на Руси в освещении М.Н. Покровского // Против антимарксистской концепции М.Н. Покровского: сб. ст. М.; Л., 1940. Ч. 2. С. 59–90.

[3] Насонов А.Н. Монголы и Русь. История татарской политики на Руси. М.; Л., 1940. С. 5.

было изменение её внутриполитических отношений в интересах своего господства.

Работа А.Н. Насонова оказала большое влияние на образ ордынского владычества в последующей исторической мысли. Историки начали видеть в Золотой Орде действующего актора эпохи Средневековья со своими целями и интересами, который активно препятствовал объединению Руси. Немалую роль в изменении взгляда сыграло изучение завоеваний Чингисхана и политики его преемников на территории более обширной, чем Восточно-Европейская равнина. Плодотворно изучались советскими исследователями судьбы Монголии, Китая, Средней Азии, Закавказья и влияние на них монгольских походов и владычества кочевников. Это давало материал для более широких обобщений.

Б.А. Рыбаков (1908–2001) посвятил обширный труд изучению древнерусского ремесла. В нем он негативно оценивал значение кочевого завоевания и господства для развития как русского ремесла, так и остальных областей культуры. Ремесло подверглось особенно сильному удару, ведь монголы целенаправленно разоряли города и уводили мастеров в плен[1]. По мнению Рыбакова, ремесленное производство на Руси во второй половине XIII в. сильно огрубело и упростилось, многие сложные техники и приемы ремесла вовсе исчезли, некоторые из них так и не возродились. Данная работа, на наш взгляд, послужила одной из основ отрицательной оценки ордынского владычества для русской истории в общественном сознании следующих десятилетий.

Важной вехой в научном изучении ордынского владычества стала совместная монография Б.Д. Грекова (1882–1953) и А.Ю. Якубовского (1886–1953) «Золотая Орда и ее падение», которая подвела итог их многолетним исследованиям данной темы. Это первый в отечественной науке крупный труд по истории Золотой Орды как отдельного государства. Особое внимание ученые уделили социально-экономической истории Золотой Орды. Они

[1] Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. [М]., 1948. С. 525.

опровергали устоявшееся в исторических взглядах XIX в. представление о монголах как варварах, которые стояли на низком цивилизационном уровне. «Однако нельзя впадать и в другую крайность, нельзя ставить их на один уровень с окружавшими их земледельческими народами... особенно в области духовной культуры»[1]. Золотая Орда, на их взгляд, была «искусственным» государственным образованием, она могла существовать только за счет захватов и ограблений других народов. Важную роль при описании сопротивления «игу» в монографии играет классовая борьба: против владычества Орды боролись в первую очередь трудовые массы населения Руси, тогда как его верхние слои стремились сотрудничать с ханами[2].

С книги Б.Д. Грекова и А.Ю. Якубовского в советском историческом дискурсе начинается высокая оценка и постоянные ссылки на цитаты А.С. Пушкина и Н.Г. Чернышевского о «всемирно-исторической» роли России в спасении Европы от монголов. Авторы отмечали, что эти писатели справились с оценкой сущности владычества Орды над Русью и важности борьбы русского народа с ним куда лучше, чем профессиональные историки их времени[3]. Монография этих историков заложила методологические основы для дальнейшего изучения русско-ордынских отношений в категориях противостояния, решающую роль в котором играли действия народа. Многие выводы авторов стали устоявшимися в официальной советской исторической науке до конца 1980-х гг.

В.В. Мавродин (1908–1987) описывал ордынское владычество негативно – оно сильно разорило Русь, задержало ее историческое развитие. Больше всего от него пострадали низшие слои населения. Западная Европа, по мнению автора, была спасена от монгольского разгрома и упадка благодаря Руси. В XIV в. все «прогрессивные элементы» русского общества становятся на сторону великого князя, так как он стремился покончить с

[1] Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950. С. 161.
[2] Там же. С. 227–228.
[3] Там же. С. 255.

раздробленностью для более успешной борьбы с внешними врагами и развития государства. Против этого выступали только удельные князья, опасавшиеся потерять свое влияние[1]. Огромное значение для всемирной и отечественной истории представляла победа в Куликовской битве. Как видим, В.В. Мавродин в описании образа ордынского владычества не шёл дальше проанализированных работ 1930–1950-х гг.

К.В. Базилевич (1892–1950) посвятил свой последний труд внешней политике Московского государства в эпоху Ивана III. Отдельная его глава посвящена освобождению от ордынской зависимости. Для Ивана III хан Ахмат сам по себе, без поддержки короля Казимира IV, «не представлял особой опасности»[2]. Иван III не рвал ханскую басму в 1480 г., это, по мысли автора, не сходилось с его осторожными действиями в те годы, кроме того, сам летописный рассказ об этом вызывает сомнения. Мы наблюдаем пересмотр некоторых устоявшихся в науке сюжетов об ордынском владычестве. Это обусловливает и большее внимание к отдельным деталям.

В 1950-е гг. в СССР вышло несколько обобщающих трудов по истории, написанных коллективами советских исследователей. Они были призваны дать единую, стройную картину исторического развития с марксистской точки зрения. В них аккумулировался опыт предшествующих авторов 1930–1950-х гг. Одним из таких трудов стали «Очерки истории СССР». В них утверждалось, что ордынское владычество «принесло неисчислимые страдания и бедствия русскому народу»[3]. Русское централизованное государство, по мнению авторов, создавалось не благодаря Золотой Орде, а вопреки ее политике, в результате борьбы со степью. Сопротивление Руси Батыю сыграло решающую роль в спасении Европы от монгольских завоевателей.

---

[1] Мавродин В.В. Древняя и средневековая Русь. СПб., 2009. С. 515.

[2] Базилевич К.В. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М., 1952. С. 104.

[3] Очерки истории СССР. Период феодализма IX–XV вв.: в 2 ч. / под ред. Б.Д. Грекова, Л.В. Черепнина, В.Т. Пашуто. М., 1953. Ч. 1. С. 760.

Большое внимание при описании событий первой половины XIII в. в «Очерках» уделялось натиску на Русь с Запада, который контролировала папская курия. Она же пыталась организовать союз католических государств и Орды против русских земель, чтобы ослабить и подчинить их себе[1]. Западная агрессия в «Очерках» изображалась как более опасная, чем ордынская – европейские завоеватели угрожали самому существованию Руси, ее культуре и независимости. При описании же монгольского завоевания этого не было указано. На подобный взгляд в немалой степени, по нашему мнению, повлиял опыт Великой Отечественной войны, где опасность с Запада действительно угрожала существованию СССР и его населения. Ордынское владычество всей тяжестью легло на простых людей, крестьян и горожан, тогда как «часть князей, бояр и церковников сравнительно скоро нашла общий язык с татаро-монгольской властью»[2], поэтому наиболее активно иноземному владычеству сопротивлялся трудовой народ. Городские движения на Руси XIII–XV вв. выступали одновременно и против иноземного «ига», и против феодального гнёта.

Авторы «Очерков» выделяли историческое значение Куликовской битвы: эта победа имела «всемирно-историческое значение», положила начало ликвидации Золотой Орды, укрепила значение Москвы как центра объединения русских земель, стала примером национально-освободительной борьбы для всех славянских народов. Мы видим, как образ Куликовской битвы переходит от общероссийского масштаба к мировому, что показывает рост ее значимости в отечественном дискурсе. В событиях прошлого историки изучаемого времени начали искать те, которым можно придать схожее значение с недавней победой в Великой Отечественной войне и росте влияния СССР на мировой арене.

Построение нарратива в «Очерках» напоминает структуру фильма С.М. Эйзенштейна «Александр Невский», в котором агрессия с Запада, по

[1] Очерки истории СССР. Период феодализма IX–XV вв. С. 865.
[2] Там же. С. 874.

задумке создателей фильма, представляется более опасной для Руси, чем со стороны степняков. Ярко выведена в фильме роль католического монаха, вдохновителя рыцарей-крестоносцев. Ненависть к нему настолько велика, что народная толпа убивает его вместе с псковскими предателями. Кинематограф сталинской эпохи, очевидно, оказал немалое влияние на взгляды историков.

Во «Всемирной истории», еще одном коллективном научном труде советских историков 1950-х гг., главные тезисы повторяли материал из «Очерков истории СССР». Одинаковой в обеих работах была оценка последствий монгольских завоеваний, термин «иго» применялся при описании власти кочевников и в Китае, и в Корее, и в Иране, и в других подвластных им странах[1]. Таким образом, понятие, характерное прежде для Руси, стало переноситься на подобные процессы во всемирной истории. Это совпадало с положениями официальной советской науки о схожести исторических процессов в различных странах.

Основные параграфы в «Очерках истории СССР» и «Всемирной истории», посвященные ордынскому владычеству, написал В.Т. Пашуто (1918–1983). В 1956 г. вышла его отдельная работа на тему «Героическая борьба русского народа за независимость». Эта научно-популярная книга содержит все те же положения, что и в названных обобщающих работах. В монографии выделено идеологическое обоснование методологии, использованной историком: «Коммунистическая партия и Советское правительство поставили перед историками задачу: изучать объективные закономерности общественного развития и всесторонне освещать роль народа... К этому были направлены и специальные указания партии и правительства, касающиеся освободительной борьбы нашего народа против монгольских, немецких и иных захватчиков»[2]. В соответствии с этими указаниями были сделаны почти все исторические работы в СССР 1950-х гг.,

[1] Всемирная история: в 10 т. / отв. ред. Н.А. Сидорова. М., 1957. Т. 3. С. 528, 531, 538, 581 и др.

[2] Пашуто В.Т. Героическая борьба русского народа за независимость. М., 1956. С. 4.

они стали общепринятыми для изображения образа ордынского владычества в официальной советской науке. Это говорит о сильном влиянии государственной политики того времени на образы ордынского владычества.

В 1950-е гг. выходит обобщающий труд «История русского искусства»[1]. Ордынское нашествие, по мнению его авторов, задержало и отбросило назад хозяйственное и культурное развитие Руси, в том числе и в области архитектуры. Работа, как видим, следует в русле взглядов Б.А. Рыбакова на роль Орды для русской культуры.

В научном творчестве крупного советского историка М.Н. Тихомирова (1893–1965) существенное внимание отводилось Куликовской битве. Для него она стала поворотным моментом в борьбе русского народа с ордынским «игом», а затем символом подобной борьбы с захватчиками для последующих поколений[2]. Владычество Орды было «системой грабежа и террора», эксплуатации населения русских земель. Согласно М.Н. Тихомирову, русское войско на Куликовом поле имело всенародный характер, там были представлены все слои древнерусского населения. Благословение Дмитрия Донского Сергием Радонежским на бой с Мамаем историк считал легендой[3]. Упоминание этого события, однако, свидетельствует о некоторой реабилитации церковного фактора в Куликовской битве в рамках советского профессионального дискурса об ордынском владычестве.

Л.В. Черепнин (1905–1977), видный советский специалист по истории средневековой Руси, одной из причин возвышения Москвы называл ее сравнительное удаление в географическом плане «от арены наиболее частых нападений татаро-монгольских и других иноземных полчищ на Русь»[4]. Этот фактор выделяли и другие советские исследователи вслед за учеными XIX –

---

[1] История русского искусства. / под ред. И.Э. Грабаря, В.С. Кеменова, В.Н. Лазарева. М., 1955. Т. 3.

[2] Тихомиров М.Н. Куликовская битва 1380 г. // Вопросы истории. 1955. № 8. С. 11–25.

[3] Тихомиров М.Н. Средневековая Москва. М., 1997. С. 319.

[4] Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М., 1960. С. 456.

начала XX в. Л.В. Черепнин двояко характеризовал деятельность Ивана Калиты. Его действия не носили характера национально-освободительной борьбы, он «не боролся против гнета Золотой орды, а откупался от хана», но помощь Орды Калита использовал для укрепления могущества Москвы, которое его преемники направили против Сарая[1]. В 1340–1360-е гг. московские князья продолжают сохранять покорность Сараю, откупаясь от него средствами, которые были «добыты народным трудом». В историческом дискурсе данного периода мы часто встречаемся с мнением о том, что подчинение Орде помогало ковать силу Москвы, и что все сомнительные с моральной точки зрения поступки в этом плане она искупила на Куликовом поле.

Л.В. Черепнин нигде не цитировал слова И.В. Сталина об ускоряющей роли борьбы с ордынским владычеством в деле складывания Русского централизованного государства, но сам этот тезис настойчиво проводился в рассматриваемой работе[2]. От концепций, выдвинутых политиками, историкам невозможно избавиться быстро, даже если на их авторов перестают ссылаться. По нашему мнению, работа Л.В. Черепнина, является примером совмещения тезисов об ордынском владычестве исторической науки до 1917 г. и теорий, получивших распространение с 1930-х гг. Это показывает относительную схожесть образов ордынского владычества и отношения к нему в рамках этих двух периодов развития профессионального сознания.

И.У. Будовниц (1897–1963), исследовавший общественную мысль Древней Руси[3], не посвятил натиску на Русь с Запада в XIII в. ни одного сюжета, основное внимание при изучении публицистических произведений XIII–XIV вв. он уделял главным образом русско-ордынским отношениям. На рубеже 1950–1960-х гг. ученый счел более важной для средневековой Руси угрозу с Востока, а не с Запада. Ученый обращал внимание на разницу в

[1] Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства… С. 512.
[2] Там же. С. 10.
[3] Будовниц И.У. Общественно-политическая мысль Древней Руси (XI-XIV вв.). М., 1960.

описании татаро-монголов в источниках Северо-Восточной и Юго-Западной Руси. Владимирские книжники, считал историк, не осуждают своих князей за подчинение Батыю, меньше пишут о жестокостях и коварстве завоевателей, сопротивление им описывается как бесполезное. Галицко-Волынская летопись, наоборот, подчеркивает, что с захватчиками невозможно договориться, они не держат клятвы, в ней проводится тенденция на сопротивление Орде, а не подчинение[1]. Эти расхождения, делал вывод автор, обусловлены разными направлениями политики князей этих двух регионов.

И.У. Будовниц выстраивал широкую картину взаимоотношений с ордынским «игом» всех слоев древнерусского населения. Важное место в ней занимал классовый подход: знать в своих интересах договаривалась с завоевателями, а народ непрестанно сражался за освобождение от власти Орды. Неблаговидную роль в подчинении Руси Орде, по мнению ученого, сыграла церковь – она освящала ханскую власть и за счет этого сильно усилилась. Значение работы историка для развития образов ордынского владычества в том, что он одним из первых в отечественной науке начал изучение отношения самих жителей средневековой Руси к этому феномену. Наука начинает разделять взгляды современников события и изучавших его потомков.

Книга саранского историка М.Г. Сафаргалиева (1906–1970) «Распад Золотой Орды» является едва ли не первым крупным научным трудом в СССР, опубликованным не столичным, а местным исследователем, в котором присутствует образ ордынского владычества. Автор обращал внимание на то, что в «исторической литературе довольно часто ставится знак равенства между татарами и монголами, говорится о татарском завоевании и о татарском иге, не отличая татар от монголов»[2]. М.Г. Сафаргалиев по отношению к Золотой Орде и ее владычеству над Русью в основном использовал эпитет «монгольское», а не «татарское», хотя иногда применял эти понятия как

[1] Будовниц И.У. Указ. соч. С. 303–304.

[2] Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960. С. 31.

синонимы.

М.Г. Сафаргалиев останавливался на спорах в советской исторической науке о роли Золотой Орды в процессе складывания народности казанских татар. Он присоединялся к тем учёным, которые оценивали эту роль как важную. Казанское ханство было наследником не только Волжской Булгарии, но и Золотой Орды[1]. Историк старался в своей работе не слишком очернять Золотую Орду и её население, пытаясь отделить господствовавших в ней монголов от татар, попавших под понятие завоевателей и носителей «ига» по ошибке. Всё это может быть связано с постепенно зарождавшимся в советских регионах национализмом. Появляется неприятие обозначения одним словом современного народа и исторических персонажей, прочно связанных с неприятными для общественного сознания России воспоминаниями.

В 1960-е гг. вышел новый обобщающий труд по отечественной истории, «История СССР с древнейших времен до наших дней» в 12 томах. Он предназначался для широкого круга читателей и распространялся по подписке. Главным отличием в освещении связанных с Ордой событий в нем по сравнению с обобщающими научными изданиями 1950-х гг. является попытка показать, что агрессии с Запада и Востока для Руси в XIII в. были одинаково опасны. Про атаки польских и венгерских феодалов на Юго-Западную Русь совсем не упоминается, другие события крестоносного натиска освещены более кратко, как и роль в них папской курии. Возможно, это связано с потеплением в данное время (второй том вышел в 1966 г.) отношений между СССР и западными странами. Опыт Великой Отечественной войны с отражением западной агрессии становился всё более отдаленным.

По-прежнему в монографии присутствует утверждение о решающей роли борьбы русского и других народов Восточной Европы с Батыем в деле спасения Запада. Ордынское владычество сыграло отрицательную роль в развитии России, «ликвидация политической раздробленности и образование Русского централизованного государства произошли не при содействии

[1] Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды… С. 253–255.

монголов, а в результате народно-освободительного движения за свержение татаро-монгольского владычества»[1]. Зависимость от Орды, по мнению авторов, задержала развитие Руси и стала одной из главных причин ее дальнейшего отставания от Западной Европы. В работе наблюдается отход от утверждения, что роль ордынской угрозы ускорила формирование единого Русского государства. Как видим, образ ордынского владычества в обобщающих советских монографиях не был неизменным, хотя только по частным вопросам. Само отношение к его роли в русской истории остается прежним.

Одним из крупнейших специалистов по теме русско-ордынских отношений в отечественной исторической науке второй половины XX в. являлся В.В. Каргалов (1932–2009). Он посвятил ей несколько научных, научно-популярных, учебных и художественных работ. Объединение монгольских племен в единое государство в XIII в. он считал прогрессивным явлением, но их феодальная знать направила силы не на мирное развитие хозяйства и культуры, а на захватнические войны. Завоевательные походы были губительны не только для покоренных, но и для самого монгольского народа: они обескровили страну и в итоге привели к ее длительному политико-экономическому и культурному упадку[2]. В.В. Каргалов уделял внимание борьбе с монголами и других народов, которые жили на территории будущего СССР.

Историк на протяжении всей книги подчеркивал борьбу народных масс с захватчиками, тогда как «поведение князей и духовенства во время нашествия никак нельзя назвать героическим»[3]. Особенно он критиковал действия церковных иерархов, которые своими «фаталистическими» проповедями парализовали сопротивление монголам. Заметим, что столь

[1] История СССР с древнейших времен до наших дней: в 12 т. Т. 2: Борьба народов нашей страны за независимость. Образование единого Русского государства / отв ред. М.Н. Тихомиров. М., 1966. С. 47.

[2] Каргалов В.В. Монголо-татарское нашествие на Русь. XIII век. М., 1966. С. 134.

[3] Каргалов В.В. Монголо-татарское нашествие на Русь… С. 90.

сильное осуждение роли православной церкви непосредственно в ходе походов Батыя не слишком характерно для советской исторической мысли.

В.В. Каргалов не признавал политику соглашения с ордынцами единственно правильной в исторических условиях середины XIII в. Историк не осуждал Андрея Ярославича за попытку сбросить власть хана, которую считал вполне обоснованной обстоятельствами того времени, и не восхвалял его брата Александра за решение ей подчиниться. Ученый отмечал недостаточное внимание, которое уделялось в научной литературе процессу установления ордынского владычества над Русью. Этот вопрос часто «подменялся рассмотрением политики Александра Невского», причем и в ней основное внимание уделялось действиям князя, связанным с отражением крестоносной агрессии[1]. Автор не решался прямо обвинить в сговоре с кочевыми завоевателями Александра Невского, который в общественном сознании советской эпохи с конца 1930-х гг. считался героем, но выстраивал свой материал, на наш взгляд, именно в таком ракурсе. Его соображения шли вразрез с мнением авторов крупных обобщающих советских работ 1950–1960-х гг.

Значение городских восстаний в Северо-Восточной Руси против ордынской зависимости было велико. В работе подчеркивается, что именно благодаря народной борьбе, а не «мудрой» политике князей Русь сохранила свой общественно-политический строй и условия для дальнейшего национального развития[2]. Много внимания автор уделил доказательствам негативного влияния ордынского нашествия на все стороны русской жизни и ее дальнейшего развития. Как видим, В.В. Каргалов одним из первых поднял вопрос о том, было ли подчинение Руси Орде неизбежным и единственно правильным решением. Линию Александра Невского на признание власти Сарая он не одобрял, хотя прямо об этом не писал. Он был одним из немногих

[1] Каргалов В.В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. Феодальная Русь и кочевники. М., 1967. С. 133.

[2] Каргалов В.В. Монголо-татарское нашествие... С. 104–105.

авторов периода 1920–1980-х гг., кто не связывал отношения Руси с Западом и Востоком в XIII в. и, возможно, поэтому придерживался несколько отличных взглядов на образ ордынского владычества.

В обобщающем труде по истории средневековой русской культуры «Очерки русской культуры» ордынское владычество в этой сфере описывается как имевшее «тяжкие последствия для культурного развития даже тех областей, непосредственно не пострадавших от нападения кочевников»[1]. Нашествие степняков нанесло сильный удар русской книжности, просвещению, архитектуре, декоративно-прикладному искусству. Зависимость Руси от Золотой Орды, по мнению ученых, привела к появлению в русском языке многих слов тюркского и татарского происхождения. Однако подчас сложно отличить вошедшие в русский язык слова конкретно из татарского языка от заимствований из других тюркских наречий[2]. Следует отметить, что историки того времени проявляли заметную сдержанность в оценке того, насколько Золотая Орда повлияла на русский язык. В рамках марксистской методологии язык играл одну из ключевых ролей в осмыслении истории и уровня развития любого народа. Признание значительного влияния ордынских кочевников на русский язык было бы проблематичным, поскольку в советской науке эти кочевники рассматривались как менее прогрессивными для мировой истории, чем земледельческие народы, и означало бы принижение этим культурного уровня Древней Руси.

Д.С. Лихачёв (1906–1999) отмечал крайне невысокое влияние азиатского элемента на русскую культуру XI–XVII вв. Заимствования из Орды им вообще отдельно не выделялись. Из «всех остальных европейских литератур древнерусская литература имеет наименьшие связи с Востоком… Это, несомненно, находится в связи с особой сопротивляемостью Древней Руси по отношению к Азии»[3]. Это понимание культурных контактов Руси и

[1] Очерки русской культуры XIII–XV веков. Ч. 2: Духовная культура. [М]., [1969]. С. 119.

[2] Там же. С. 96–97.

[3] Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд. М., 1979. С. 12.

Востока полностью совпадает с преобладавшими мнениями историков XVIII–XIX вв.

Взгляды Л.Н. Гумилёва (1912–1992) на ордынское владычество отличались крайним своеобразием и шли вразрез с официальной советской исторической наукой. Гумилев поддерживал евразийскую концепцию русской истории, но заявлял, что при ее изучении евразийцам первой волны очень не хватало опоры на естествознание и географию[1]. Его идеи получили широкое распространение в общественном сознании с конца 1980-х гг., хотя основные положения ученого относительно русско-ордынских отношений имели возможность пройти цензуру и выйти в свет еще с конца 1960-х гг. Примером является книга «Поиски вымышленного царства». В ней Гумилев писал о взаимовыгодном союзе Руси и Золотой Орды, идущем со времени Александра Невского. Орда защищала русские земли от натиска крестоносцев. После разрыва Золотой Орды с Монгольской империей Сарай был вынужден все активнее опираться на своих подданных: русских и половецких. Возник симбиоз этих народов с завоевателями, который успешно просуществовал до XIV в.[2] Уже в этом сочинении автор выдвигал ничем не обоснованную версию о побратимстве Александра Невского и Сартака, которая позднее получит широкое распространение в отечественной публицистике. Союз Руси и Орды начал давать трещины после принятия Узбеком ислама как государственной религии, ещё больше его поколебало заключение Мамаем договора с Западом против Москвы[3]. Более известные работы автора будут рассмотрены в следующей главе.

Г.А. Федоров-Давыдов (1931–2000), один из видных в СССР специалистов по археологическому исследованию Золотой Орды, долгое время возглавлял Поволжскую археологическую экспедицию, написал

[1] Гумилёв Л.Н. «Меня называют евразийцем…» // Наш современник. 1991. № 1. С. 132; Он же. «Скажу вам по секрету, что если Россия будет спасена, то только через евразийство» // Социум. 1992. № 9 (21). С. 79–80.

[2] Гумилёв Л.Н. Поиски вымышленного царства (Легенда о «государстве пресвитера Иоанна»). М., 1970. С. 201–202, 344–345.

[3] Там же. С. 389–390, 402.

несколько монографий по нумизматике и истории Золотой Орды. Основные выводы его исследований даны в книге «Общественный строй Золотой Орды». Показателен сам интерес к внутренней истории Золотой Орды: это первый после работы Б.Д. Грекова и А.Ю. Якубовского опыт ее монографического исследования. По мнению ученого завоевательные походы монголов «ничего не принесли покоренным странам, кроме горя и разорения, а отняли очень много и сил, и средств, и человеческих жизней»[1]. Автор считал, что Орда оказала на кочевые народы куда большее влияние, чем на Русь и другие оседлые страны. Завоевание привело к появлению у половцев крепкого государства, которое их местная родоплеменная знать не смогла создать[2]. Здесь мы уже видим некоторый пересмотр оценок роли Золотой Орды для развития покоренных ей народов, пока, правда, только кочевых.

И.Б. Греков (1921–1993) посвятил своё исследование «Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV–XV вв.)» политическим отношениям в Восточной Европе во второй половине XIV – начале XV в. Главной задачей Золотой Орды, отмечал автор, было получение с Руси как можно большей части ее национального дохода в виде дани, для этого Сарай умело разжигал политические распри в стране, сталкивая силы централизации и децентрализации и разные центры концентрации русских земель. Золотая Орда не стала ломать развивавшиеся на Руси исторические процессы, «а лишь умело к ним приспособилась, имея в виду извлечение из сложившейся ситуации максимальных для себя выгод»[3]. Русская церковь в данном плане была одним из инструментов стравливания князей друг с другом. По мнению историка, своими действиями Золотая Орда помешала в итоге объединению всех русских земель в рамках единого государства, они оказались разделены между Литвой и Московской Русью. Вместо тенденции формирования государств с единой национальной основой в Восточной Европе возобладала

[1] Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973. С. 24–25.

[2] Там же. С. 42.

[3] Греков И.Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV–XV вв.). М., 1975. С. 33.

тенденция создания обширных многонациональных стран. Как видим, И.Б. Греков рассматривал влияние Золотой Орды в политическом плане, являясь в этом продолжателем линии А.Н. Насонова, только делал это на более широком масштабе всей Восточной Европы, а не одной Руси.

В 1970 г. был издан, а в 1977 г. переиздан сборник статей «Татаро-монголы в Азии и Европе». Как отмечал во вступительной статье его составитель С.Л. Тихвинский (1918–2018), целью этого труда было «показать всю научную несостоятельность теорий о якобы прогрессивной роли военных походов и территориальных захватов в истории человечества, “иллюстрируемых” на примерах Чингисхана и его преемников»[1]. Необходимость подобной работы была обусловлена, по словам С.Л. Тихвинского, начавшимися в Китае попытками переоценки роли монгольских завоеваний и династии Юань (монгольской по происхождению) в истории страны. Китайские историки стали восхвалять Чингисхана и его ближайших потомков за «стирание границ» между Востоком и Западом, возможность распространения китайской культуры и влияния на все завоеванные монголами территории[2].

В сборнике подвергаются критике взгляды о каком-либо положительном воздействии ордынского владычества на историю Руси и других завоеванных монголами стран. Появление этой работы связано с политико-идеологической борьбой против Китая в те годы. Ордынская тема стала поводом для осуждения воззрений определённого круга китайских историков, связанных с правящим режимом (одна из разбираемых в сборнике статей была опубликована в «Жэньминь жибао», главном партийном органе печати Китая). Итак, образ ордынского владычества начинает постепенно политизироваться. Изначально он используется в качестве инструмента, направленного на внешних соперников СССР.

---

[1] Тихвинский С.Л. Татаро-монгольские завоевания в Азии и Европе. Вступительная статья // Татаро-монголы в Азии и Европе: сб. ст. 2-е изд. / отв. ред. С.Л. Тихвинский. М., 1977. С. 14.

[2] Там же. С. 17–18.

В 1970-е гг. начинается переоценка взаимоотношений Руси и степи представителями национальных республик СССР. Работа казахского писателя и поэта О.О. Сулейменова (род. 1936) «Аз и Я. Книга благонамеренного читателя» (1975 г.) призвана была доказать на основе изучения тюркизмов в «Слове о полку Игореве», что до XIII в. отношения Руси с тюркскими народами степей носили мирный, а нередко и союзнический характер. Между ними, отмечал автор, были широкие культурные связи, у кипчаков в Средней Азии до нашествия Чингисхана была развитая наука и культура. «Поле прегражда́ло путь исламу в Восточную Европу… В течение двух веков половцы прикрывали Русь с Юга и Востока, но поединка с монголами они не выдержали»[1]. О.О. Сулейменов ещё не пытался пересмотреть образ ордынского владычества, но внёс свою лепту в актуализацию вопросов отношения Руси и степи, а также одним из первых среди национальных авторов использовал события Средневековья для обоснования важной роли предков своего народа в русской и мировой истории.

Попытки пересмотра устоявшегося образа ордынского владычества вызывали ответную реакцию, направленную на защиту этого образа. Примером может служить получивший широкую известность в 1980-е гг. роман-эссе В.А. Чивилихина (1928–1984) «Память» (1981–1984 гг.)[2]. Автор негативно характеризовал империю Чингисхана: она построена на насилии и страхе, главной целью завоеваний был грабеж в пользу монгольской феодальной верхушки. Походы монголов сопровождались неслыханной жестокостью и уничтожением развитых культурных центров.

Большое внимание писатель уделял описанию нашествия Батыя на Русь. Он назвал войну с монголами первой отечественной, в которой русский народ в полной мере проявил свой патриотизм и нежелание подчиняться врагу. Повсюду против захватчиков разворачивалась партизанская борьба. Одно из

[1] Сулейменов О. Аз и Я. Книга благонамеренного читателя. М., 2005. С. 145–146.

[2] Такой продолжительный срок публикации связан с тем, что изначально части романа выходили в литературном издании «Роман-газета». Это же позволило тексту проще пройти цензуру, поскольку он рассматривался как художественное произведение.

центральных мест в главах, посвященных батыевщине, занимает оборона Козельска как самый яркий пример героизма русского народа. Сражение за него сравнивается с защитой Севастополя, Бреста и Сталинграда[1]. Автор часто прибегал к сравнению нашествия Батыя и ордынского владычества с Великой Отечественной войной.

Очень высоко в книге оценивается всемирное значение Куликовской битвы. В войске Мамая почти не было монголов и татар, не все в нем были мусульманами, поэтому празднование юбилея этого сражения «не может оскорбить ни исторической памяти, ни национального достоинства или религиозного чувства кого бы то ни было из живущих»[2]. Это утверждение свидетельствует о том, что подобные мнения в дискурсе того времени всё же присутствовали, иначе писателю не понадобилось бы их опровергать. Сильно критиковал автор взгляды Л.Н. Гумилева на ордынское владычество – отношения Руси и Орды были вовсе не симбиозом, а «жестоким режимом грабежа и геноцида»[3]. Как видим, обращение к образу ордынского владычества В.А. Чивилихину потребовалось как пример героической борьбы русского народа в деле защиты своей Родины.

В конце 1970-х гг. в связи с приближением юбилея Куликовской битвы, которая считалась одним из важнейших событий эпохи ордынского владычества на Руси, было издано сразу несколько посвященных ей сборников научных работ. Сборник трудов Отдела древнерусской литературы Института русской литературы Академии наук СССР (АН СССР), вышедший в 1979 г., получил название «Куликовская битва и подъем национального самосознания»[4]. Многие статьи в нем посвящены анализу связанных с этим событием и его эпохой литературных памятников. В 1980 г. сборник, посвященный отражению Куликовской битвы в русской литературе и

[1] Чивилихин В.А. Память: роман-эссе: в 2 кн., 3 т. М., 1993. Т. 3. С. 226.

[2] Там же. С. 445.

[3] Там же. С. 391.

[4] Труды Отдела древнерусской литературы / Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Л., 1979. Т. 34: Куликовская битва и подъем национального самосознания / отв. ред. Д.С. Лихачев.

искусстве, был издан Институтом мировой литературы АН СССР. Его статьи развернули широкое полотно влияния данного события на отечественную культуру XV – начала XX в. Куликовская битва названа «крупнейшим военным событием в национально-освободительной борьбе русского народа с золотоордынским игом»[1].

Заметим, что в трудах советских историков с конца 1970-х гг. всё чаще вместо понятия «татаро-монгольское» или «монголо-татарское» начинает использоваться определение «ордынское». Возможно, это связано с тем, что данные работы посвящены не XIII в., а более поздним событиям эпохи ордынского владычества – Куликовской битве и освобождению от зависимости при Иване III. Монголы в это время уже растворились в общем населении Орды, а имя татар могли связывать с народом XX в., упоминать который по отношению к негативному опыту прошлого лишний раз не стоило из-за общего обострения проблем национальной идентичности среди народов СССР.

Конкретно-историческому освещению событий Куликовской битвы посвящен одноименный сборник 1980 г.[2] Победа над Мамаем в нём по-прежнему видится событием всемирно-исторического, а не только национального масштаба. В этом сборнике все активнее используется понятие «ордынское», хотя преобладающим еще остается «монголо-татарское». Показательны здесь слова И.Б. Грекова, который в своей статье при описании политического развития Восточной Европы конца XIV в. обращался не к этнонимам, а к названиям государств. Такая терминология «устраняет возможность механического перенесения оценок данного периода ордынско-русских отношений на все последующие эпохи взаимоотношений народов, входивших в состав ордынского государства, с восточнославянским населением»[3]. У других авторов сборника нет четкой системы применения

[1] Куликовская битва в литературе и искусстве: исследования и материалы по древнерусской литературе: сб. ст. / отв. ред. А.Н. Робинсон. М., 1980. С. 5.

[2] Куликовская битва: сб. ст. / отв. ред. Л.Г. Бескровный. М., 1980.

[3] Греков И.Б. Место Куликовской битвы в политической жизни Восточной Европы

понятий «монголо-татарское» и «ордынское». Как видим, тенденция замены этнических терминов, связанных с ордынским владычеством, на более нейтральные становится все более распространенной в позднесоветской профессиональной исторической мысли.

1980-е гг. в профессиональном историческом поле ознаменовались изданием нескольких трудов, посвященных еще одной юбилейной дате – свержению ордынского владычества в 1480 г. Поскольку в 1980 г. она совпала с юбилеем Куликовской битвы, не все труды вышли в этом году. Книги В.Д. Назарова[1] (род. 1938) и Ю.Г. Алексеева (1926–2017) были выпущены позднее. Характерно, что во всех трех названиях фигурирует «ордынское иго», хотя В.В. Каргалов свою более раннюю работу, изданную в 1973 г. и посвященную этой же теме, назвал «Свержение монголо-татарского ига»[2]. В работе В.В. Каргалова[3] мы не встретим понятия «монголо-татары» нигде, кроме цитат, хотя автор в своих книгах 1960–1970-х гг. употреблял этот термин повсеместно. Так, можно видеть изменение взгляда на ордынскую тему на примере одного отдельного историка. Методы же конструирования образов ордынского владычества и в новой книге ученого остались почти неизменными.

Книга Ю.Г. Алексеева «Освобождение Руси от ордынского ига» охватывает 1479–1485 гг., которые подробно изучены с фактической точки зрения. Общих рассуждений о значении ордынского владычества немного. «Ордынское иго было основной политической реальностью русской жизни на протяжении почти четверти тысячелетия… Невозможно оценить меру унижения, деформации общественного сознания и чувства национального достоинства за столетия ига»[4]. Отметим, что автор обращал внимание на влияние зависимости Руси от Орды в моральном плане – это нехарактерно для

конца XIV в. // Куликовская битва: сб. ст. / отв. ред. Л.Г. Бескровный. М., 1980. С. 113.

[1] Назаров В.Д. Свержение ордынского ига на Руси. М., 1983.

[2] Каргалов В.В. Свержение монголо-татарского ига. М., 1973.

[3] Каргалов В.В. Конец ордынского ига. 2-е изд. М., 1984.

[4] Алексеев Ю.Г. Освобождение Руси от ордынского ига. Л., 1989. С. 173.

советской исторической мысли, которая исследовала зачастую разрушения в материальном плане. Данный факт роднит работу с дореволюционной наукой и свидетельствует о начинающейся смене взгляда в профессиональном дискурсе на значение ордынского владычества, интерес к изучению его влияния на духовную сторону культуры русского народа.

В 1980-е гг. в профессиональном сознании продолжал присутствовать интерес к внутренней истории Золотой Орды. В.Л. Егоров (род. 1938), ученик Г.А. Федорова-Давыдова, посвятил монографию исторической географии Золотой Орды. Книга подводит своеобразный итог изучению Орды исторической наукой периода 1920–1980-х гг. Это государство длительное время играло «крайне реакционную роль в политическом, общественном и культурном развитии разнообразного и многочисленного населения обширного историко-географического региона»[1]. Орда постоянно вела грабительские войны, которые обогащали только феодалов, являлась «паразитическим» государством с традиционно агрессивной внешней политикой. В.Л. Егоров критиковал взгляды тех ученых, которые находили во влиянии Орды какие-либо положительные аспекты для развития Руси. Историк высоко оценивал политику Александра Невского по отношению к Орде. Она оправдала себя тем, что в годы его княжения не произошло ни одного похода завоевателей на Северо-Восточную Русь, «сильно обескровленную» и нуждавшуюся в длительном восстановлении хозяйственного и военного потенциала[2].

В советских энциклопедических изданиях, которые мы также относим к памятникам исторической мысли, поскольку их материал готовился профессиональными учеными-историками, можно заметить изменение описания сущности ордынского владычества в соответствии с эволюцией общественно-политической обстановки в СССР. В изданиях, выпущенных в

[1] Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. 3-е изд. М., 2010. С. 5.

[2] Там же. С. 180.

1920-е – начале 1930-х гг. [1], господствовали взгляды научной школы М.Н. Покровского. Ордынское владычество представлялось формой феодальной зависимости, ничем не отличавшаяся от феодальных отношений в иных странах. Золотая Орда представляла собой обычное средневековое государство, не повлиявшее на социально-экономические и политические процессы Руси.

К концу 1930-х гг. в энциклопедиях появляется новый взгляд на владычество Орды, который затем практически не менялся до конца существования СССР[2]. Золотая Орда объявлялась искусственным, малоустойчивым государственным образованием, которое существовало за счет грабежа покоренных ею народов. Господство Сарая сыграло отрицательную роль в русской истории, надолго замедлило развитие страны во всех сферах жизни, оторвало Северную Русь от Южной и прекратило их контакты с Европой. Главная роль в борьбе с «игом» отводилась русскому народу, благодаря ей от нашествия кочевников была спасена Западная Европа. Низшие слои населения Руси всегда противостояло степным захватчикам, тогда как его высшие слои, и светские, и духовные, стремились использовать покорность Орде в своих классовых интересах.

В целом в 1920-е гг. развитие образа ордынского владычества шло в рамках школы М.Н. Покровского, для которой значение этого явления в русской истории виделось несущественным. В следующее десятилетие ситуация меняется, власть начинает оказывать все большее влияние на формирование образов прошлого. Методологическими основами для этого становятся мнение К. Маркса о негативной роли ордынской зависимости для

[1] Энциклопедический словарь Гранат: 7-е изд. Т. 41, Ч. 7: Тамплиеры – Тецель. М., 1927; Малая советская энциклопедия: в 10 т. / гл. ред. Н.Л. Мещеряков. 1-е изд. Т. 8: Скульптура – Тугарин. М., 1930; Большая советская энциклопедия: в 66 т. / гл. ред. О.Ю. Шмидт. 1-е изд. Т. 27: Зерновые – Империализм. М., 1933.

[2] См.: Большая советская энциклопедия: в 66 т. / гл. ред. О.Ю. Шмидт. 1-е изд. Т. 40: Монада – Нага. М., 1938; Малая советская энциклопедия: в 11 т. / гл. ред. О.Ю. Шмидт. 2-е изд. Т. 10: СССР – Ульяновск. М., 1940; Советская историческая энциклопедия: в 16 т. / гл. ред. Е.М. Жуков. Т. 9: Мальта – Нахимов. М., 1966; Большая советская энциклопедия: в 30 т. / гл. ред. А.М. Прохоров. 3-е изд. Т. 16: Мезия – Моршанск. М., 1974.

развития Руси и взгляды И.В. Сталина на ордынскую угрозу как важный фактор ускорения создания единого Русского централизованного государства. Поскольку оба эти тезиса базируются на идеях XIX в., образ ордынского владычества в данный период поменялся не слишком значительно.

В официальной науке 1930–1980-х гг. формируется единый образ ордынского владычества, из которого резко выделялись, пожалуй, лишь работы Л.Н. Гумилёва. Историки подчеркивали значение народной борьбы в деле освобождения от иноземной зависимости, основная тяжесть которой легла на трудовые массы Руси. Более предметно ученые начинают исследовать историю Золотой Орды, однако ее положительные оценки не приветствуются. Она предстает как искусственно созданное, паразитическое государство, не оставившее следа в мировой культуре. Возвышается роль борьбы Руси с Ордой в деле спасения Европы от кочевников, которая приобретает всемирно-историческое значение. Ордынская зависимость для Руси в XIII в. видится менее опасной, чем агрессия с Запада. Этот тезис обусловлен сильным влиянием политической обстановки СССР на изучение событий, связанных с владычеством Орды.

Отдельным направлением общественной мысли становится евразийство, развивавшееся в среде русской эмиграции наиболее плодотворно в 1920-е гг. Представители данного течения довольно радикально расходились с предыдущим отечественным дискурсом об ордынском владычестве и оценивали данное событие положительно для русской истории. В СССР евразийские идеи знали, но рассматривали в политическом плане и сильно критиковали до 1980-х гг.

2.2 Ордынская тематика в учебниках, кинематографе и художественной литературе 1920–1980-х гг.

Становление исторического образования в советской школе прошло сложный путь. Предмет под названием «история» в СССР до 1934 г. не

преподавался, изучение событий прошлого шло в курсе обществоведения. Это не означает, что отсутствовали учебники по отечественной истории, ведь обучение школьников этому курсу все же велось. До начала 1930-х гг. самым популярным и широко распространенным учебным пособием по истории России, единственным официальным в тот период, была книга М.Н. Покровского «Русская история в самом сжатом очерке».

Автор в ней попытался охватить всю русскую историю до конца XIX в., эпохе ордынского владычества в ней уделялось немного внимания. Главным последствием нашествия Батыя М.Н. Покровский считал окончательную гибель городской Руси и превращение ее в деревенскую страну. Древнерусские города и до XIII в. испытывали кризис и постепенно слабели, монгольский удар окончательно уничтожил городские свободы везде, кроме Новгорода. Любое сопротивление князю, ставшему теперь «ханским приказчиком», нещадно каралось завоевателями[1].

Ханы пытались упрочить свою власть над Русью с помощью духовенства, но для церкви этот союз оказался еще выгоднее, ведь владычество Орды со временем было свергнуто, а свою самостоятельность в отношениях с великими князьями она сохранила[2]. М.Н. Покровский первым в отечественной учебной литературе заявлял о взаимовыгодном союзе православной церкви и Орды. В целом концепция М.Н. Покровского близка скорее к научным трудам по истории XIX в., особенно Н.М. Карамзина и Н.И. Костомарова, но не учебникам XIX–XX вв.

После перехода СССР от «интернационализма» к «строительству социализма в отдельно взятой стране» работа М.Н. Покровского перестала удовлетворять воспитательной функции истории. Поэтому в 1930-е гг. состоялся конкурс на новый учебник по отечественной истории, по итогам которого главным учебным пособием в СССР стала книга под редакцией А.В. Шестакова (1877–1941) для младшей школы и под редакцией

[1] Покровский М.Н. Русская история в самом сжатом очерке. 5-е изд. Б.м., 1934. С. 25.
[2] Покровский М.Н. Русская история в самом сжатом очерке. С. 32.

А.М. Панкратовой (1897–1957) для средней.

Учебник А.В. Шестакова «Краткий курс истории СССР», по мнению А.Н. Фукса, стал основой для «советской моноконцепции отечественной истории»[1]. Обратим внимание, что посвященная средневековой Руси глава в «Кратком курсе» названа «Восточная Европа под властью монгольских завоевателей». Это свидетельствует о том, что основным явлением периода истории вплоть до Ивана III для авторов была ордынская зависимость. В параграфе, описывающем монгольские завоевания и установление зависимости Руси от Орды, отдельно выделено освобождение от тяжелой дани русского духовенства, за это оно молилось о власти хана и внушало народу необходимость подчинения ей[2]. Итак, антирелигиозная советская пропаганда в учебниках оказывала в данный период влияние на образ владычества Орды.

Более развернутый взгляд на ордынское владычество был дан в учебнике «История СССР» для 8-го класса под редакцией А.М. Панкратовой. Быт и социально-экономическое развитие монгольских племен до эпохи Чингисхана в нем освещены довольно подробно и без уничижительных эпитетов. Советская учебная литература, как видим, уходит от трактовки монголов как «диких варваров». Особое внимание в учебнике автор уделяла борьбе русского народа против монгольских завоевателей. Сопротивление выплате ордынской дани нередко приводило к восстанию русского населения, которые князья помогали подавлять, ведь они сами и русское духовенство были освобождены от дани. Следовательно, «трудящееся население Руси испытывало… двойной гнет: от татарских и от русских феодалов»[3].

Значимого культурного влияния ордынское владычество на Русь оказать не могло, так как завоеватели стояли на «более низкой ступени развития», чем русские. Зависимость от Орды, по мнению автора, отрицательно сказалась на

[1] Фукс А.Н. Указ. соч. С. 259.

[2] Краткий курс истории СССР: учебник для 3-го и 4-го классов / под ред. А.В. Шестакова. М., 1937. С. 27.

[3] История СССР. Ч. 1: учебник для 8-го класса средней школы. 12-е изд. / под ред. А.М. Панкратовой. М., 1953. С. 84.

всех сторонах русской жизни. Сопротивление русских земель Батыю спасло от монгольского нашествия Западную Европу. В подтверждение последнего тезиса у А.М. Панкратовой впервые среди отечественных учебников приведена цитата А.С. Пушкина из переписки с П.Я. Чаадаевым о спасении Европы «растерзанной и издыхающей Россией»[1]. Таким образом, нашествие Батыя на Русь приобретает для учебной литературы всемирно-историческое значение.

Для изучения образа ордынского владычества в советской учебной литературе целесообразно проанализировать учебники по истории СССР, предназначавшиеся для студентов вузов. Высшее образование – неотъемлемая часть общей системы передачи знаний молодому поколению, в нем, как и в школьном, отражался тот образ прошлого, который государство пыталось утвердить в общественном сознании населения. Учебники для студентов неисторических (под редакцией В.И. Пичета (1878–1947), М.Н. Тихомирова и А.В. Шестакова) и исторических (под редакцией Б.Д. Грекова, С.В. Бахрушина (1882–1950) и В.И. Лебедева (1894–1966)) факультетов были изданы в 1940-е гг. и стали основой, на которой базировалось советское историческое высшее образование. Концепции, представленные в них, господствовали в университетском обучении до конца 1980-х гг. Поэтому в сфере высшего образования мы разберем образы ордынского владычества на примере только этих изданий.

По мнению авторов учебника для неисторических факультетов, монголы не привносили в завоеванные державы никаких новых ценностей и только грабили население. «Результатом их владычества нередко бывало полное разорение и запустение некогда культурных стран, насильственная задержка их развития и превращение их на ряд столетий страны отсталые»[2]. Авторы критиковали мнение М.Н. Покровского о каком-либо положительном

[1] История СССР. Ч. 1… С. 86.

[2] История СССР / под ред. В.И. Пичета, М.Н. Тихомирова, А.В. Шестакова. М., 1941. Т. 1. С. 66–67.

влиянии ордынского владычества на Русь. Завоевание привело только к упадку культуры и жизненного уровня населения Руси, которое ненавидело своих степных повелителей. «Иго» «было одной из важнейших причин отставания культурного развития Руси от Западной Европы в XIV–XV вв.»[1]

В учебнике «История СССР» для исторических факультетов материал по теме ордынского владычества был изложен более подробно, но концепция его та же, что и в предыдущей проанализированной книге. Батыевщина привела «к большому экономическому и культурному упадку Русской земли, последствия которого сказывались в течение ряда веков»[2]. Русь оказалась в «вассальной зависимости» от Золотой Орды. Она заключалась в утверждении князей на престолах ханами и уплате Сараю тяжелой дани. Господствующие классы переложили всю тяжесть ордынских повинностей на простолюдинов. Русское государство сложилось не благодаря Орде, а вопреки ее противодействию, в борьбе с «игом». Завоеватели «стояли на значительно более низкой ступени развития, чем подвластное им русское население, и поэтому глубокого влияния на русскую культуру оказать на могли»[3]. Как видим, учебники для вузов опирались на господствовавшие в исторической науке того времени взгляды на ордынское владычество.

Одним из ведущих авторов учебников по средневековой истории России в СССР после 1950-х гг. была М.В. Нечкина (1899–1985). Ее пособия являлись наиболее распространенными в 1960–1970-е гг. Содержание одного из учебников[4] сходно со структурой дореволюционных пособий: в главу, посвященную монголо-татарскому нашествию и связанным с ним процессам отнесены события только XIII в., тогда как период с XIV в. входит в главу о появлении и развитии Русского централизованного государства. При описании нашествия Батыя автор подчеркивала роль народной борьбы в

[1] История СССР / под ред. В.И. Пичета, М.Н. Тихомирова, А.В. Шестакова… С. 70.

[2] История СССР. Т. 1: С древнейших времен до конца XVIII века. 2-е изд. / под. ред. Б.Д. Грекова, С.В. Бахрушина, В.И. Лебедева. М., 1947. С. 149.

[3] История СССР. Т. 1: С древнейших времен до конца XVIII века. С. 154.

[4] Нечкина М.В., Фадеев А.В. История СССР: учеб. пособие для 7-го класса. 5-е изд. М., 1965. С. 262.

обороне страны. Ордынское владычество было «кровавым и тяжелым» для Руси, однако татарский народ в этом не был виноват – ему «самому нелегко приходилось от собственных ханов»[1]. Впервые в отечественной учебной литературе можно увидеть своеобразную связь между средневековыми и современными автору татарами, поэтому действия предков этого народа представляются как злая воля феодальной верхушки. С ростом самосознания татарского народа подобные оговорки становятся необходимыми.

В книге М.В. Нечкиной есть параграф о культуре Золотой Орды. В нем подчеркивалось взаимовлияние русской и ордынской культур друг на друга, заимствования между ними. Все развитие Сарая и других городов Орды шло благодаря захваченным в плен мастерам. Большое место в этом параграфе отводится критике ислама как орудия угнетения трудовых масс в Орде[2]. В учебнике М.В. Нечкиной с большой настойчивостью проводится тезис о решающей роли народных масс в борьбе с ордынским владычеством.

О.С. Абрамкин считал, что некоторые элементы официально-государственной концепции отечественной истории попали из учебников XIX в. в советскую историю и идеологию[3]. Это положение подтверждается на примере образа ордынского владычества. Хотя монголы в советских учебниках перестали изображаться варварами, все равно подчеркивалась отсталость их развития от уровня покоренных ими государств. Образ ордынского владычества по-прежнему представлен с отрицательных позиций в плане социально-экономического и культурного развития Руси. В изданиях 1930–1950-х гг. повторялось мнение дореволюционных авторов о невозможности каких-либо заимствований из Орды и глубокого ее влияния на Русь и ее культуру. Отличия заключались в том, что главная роль в борьбе с иноземными захватчиками стала отводиться народу и его труду, а не князьям. Большее внимание начинает уделяться Золотой Орде как отдельному

[1] Нечкина М.В., Фадеев А.В. История СССР… С. 52.

[2] Там же. С. 53–55.

[3] Абрамкин О.С. Проблемы отечественной истории в школьной литературе XVIII – начала XX в…. С. 499.

государству со своими особенностями и культурой. Из описания событий, особенно связанных с Куликовской битвой, убраны любые религиозные детали.

Перейдем к изучению образа ордынского владычества в отечественной кинематографии 1930–1980-х гг. Кинематограф в советскую эпоху выполнял познавательные, просветительские и воспитательные функции на уровне государственного заказа, причем кино в СССР снималось на государственные, а не частные средства. До широкого распространения телевидения именно кинотеатры были одним из самых популярных способов времяпрепровождения. Образы, увиденные в кинозале, навсегда врезались в память и оказывали огромное воздействие на восприятие тех или иных исторических событий.

Лента С.М. Эйзенштейна (1898–1948) «Александр Невский»[1] была одним из первых советских фильмов, где появлялся образ зависимости Руси от Орды. Данной теме в кинокартине посвящена начальная сцена. С первых кадров зритель видит картину тяжелых потерь, которые постигли русские княжества в результате нашествия Батыя. Русичи хоть и встают на колени перед появившимся отрядом монголов, но готовы дать отпор чужакам. Конфликт разрешает появившийся с Плещеева озера князь Александр Ярославич. При встрече с ним посол хана проявляет осведомленность о подвигах князя и спрашивает, не он ли тот самый Невский, победитель шведов. Это подчеркивает, что слава о Невской битве достигла даже монгольских земель, и должно объяснить почтительное отношение посла к князю. Посол передает приглашение от хана поступить на службу в Орду, обещая высокое положение. Однако Александр вежливо, но решительно отвергает это предложение. Отказ не вызывает у посла негативной реакции. Уходя, посол демонстрирует властную иерархию Орды и использует спину одного из своих воинов в качестве ступени для посадки в паланкин. Этот кадр

[1] Александр Невский: [кинофильм] / реж. С.М. Эйзенштейн. 1938. URL: https://www.culture.ru/live/movies/391/aleksandr-nevskii (дата обращения: 16.02.2024).

подчеркивает разницу между русским стремлением к свободе и нежеланием терпеть унижения, и рабской преданностью ордынцев своим господам.

Две параллельные сцены в фильме Эйзенштейна позволяют предположить, что он видел монгольское владычество более терпимым, чем попытки крестоносцев подчинить Русь. В начале фильма монголы уводят пленников, не связывая их. Однако псковичи, которых захватили рыцари, предстают на городской площади связанными по рукам и с петлями на шеях. Александр Невский в фильме неоднократно акцентирует внимание на том, что Русь оказалась зажата между двумя враждебными силами, и западная угроза для нее столь же велика, как и восточная.

Известно, что в одном из вариантов сценария С.М. Эйзенштейн планировал после победы на Чудском озере показать отношения Александра с монголами, его визит в Золотую Орду и присягу хану. Далее по сюжету завистливые удельные князья отравляют Александра и он умирает на обратном пути из Орды на Куликовом поле[1]. Органы управления кинематографом СССР раскритиковали эти монгольские сюжеты, а окончательно конец фильма, завершившийся разгромом рыцарей, определил И.В. Сталин, сказавший, по воспоминаниям Эйзенштейна: «Не может умирать такой хороший князь!»[2] В «Александре Невском» есть предчувствие грозных испытаний, которые СССР вскоре предстояло пережить, в соответствии с этим предчувствием создается особый образ ордынского владычества. В свете последующих событий и трактовок фильма зависимость от Орды не выглядит слишком тяжелой, не угрожает самому существованию русского народа и государства, поэтому борьбу с ней можно отложить ради решения более насущных угроз с Запада, которые стояли и перед Советским государством.

В следующие несколько десятилетий тематика ордынского владычества не вызывала у кинематографистов особого интереса. По-видимому, тяжелый тон этого периода не подходил под мироощущение общества,

[1] Шенк Ф.Б. Указ. соч. С. 311–312.

[2] Цит. по: Шенк Ф.Б. Указ. соч. С. 320.

восстанавливавшего страну после войны, а затем переживавшего «оттепель». Вновь решил обратиться к теме зависимости от Орды в середине 1960-х гг. А.А. Тарковский (1932–1986) в «Андрее Рублеве»[1]. Ордынцы в фильме представлены одним из тяжёлых испытаний, которые стоят на пути творца. Зависимость от Орды – одна из причин «тёмности» русского народа, которая дискутируется в разговоре Андрея Рублева с Феофаном Греком. Тема разорения татарами Владимира, представленная в новелле «Набег», осложняется тем, что в качестве их союзников и проводников выступили русские люди, младший брат великого князя и его дружина. Ордынский царевич поначалу даже не верит, что Младший князь действительно решился передать ему на разграбление крупный русский город, столицу своего старшего брата.

Натуралистично показана жестокость ордынцев и их русских союзников во Владимире. Последние действуют с не меньшим ожесточением, чем степняки, что демонстрирует убийство лично Младшим князем одного из мастеров артели Андрея Рублева. В сценах набега ордынцы парадоксально выступают в роли своеобразной совести: татарский царевич в разоренном Успенском соборе спрашивает Младшего князя, испытывает ли тот сожаление о поруганном храме. После ухода грабителей Андрей в том же соборе вспоминает слова одного из ордынцев: «Вы и без нас друг другу глотки перегрызете».

Фильм вновь обращается к теме ордынцев в новелле, которая следует за «Набегом». На этот раз татарский отряд появляется в Спасо-Андрониковом монастыре. Один из ордынцев делает неожиданное предложение юродивой Дурочке – стать его женой и отправиться с ним в Орду. Андрей пытается вмешаться и отбить девушку у татар, но Дурочка сама отталкивает его и добровольно уезжает с отрядом. В этом конкретном эпизоде ордынцы предстают в ином свете, не как безжалостные враги. Они не причиняют вреда

[1] Андрей Рублев: [кинофильм] / реж. А.А. Тарковский. 1966. URL: https://www.culture.ru/live/movies/550/andrei-rublev (дата обращения: 15.02.2024).

монахам и не увозят Дурочку силой, а скорее пытаются соблазнить её, обещая материальные блага. Эта сцена предоставляет широкое поле для различных интерпретаций, в более широком масштабе исторического взгляда, на уровне метафизики смыслов, образ Дурочки может восприниматься как Россия, которую увлекает Восток.

Итак, образ Орды в «Андрее Рублеве» представлен двояко. На поверхности и ясно видна ее роль как «божьего бича», наказания для Руси. Вместе с тем человеческие порывы ордынцам также не чужды. Без помощи Младшего князя едва ли бы они осмелились напасть на стольный Владимир. Режиссер попытался показать те точки, что соединяли Орду и Владимирскую Русь в единое культурное пространство. Образы ордынского владычества для А.А. Тарковского всего лишь метафоры, которые помогали ему ставить нравственные проблемы более глубокого смысла.

Едва ли не первым советским фильмом, где проблема ордынского владычества как одна из центральных проходит через всю киноленту, является эпическая драма Л.М. Осыки (1940–2001) «Захар Беркут»[1]. Она создана по одноименной повести украинского писателя И.Я. Франко[2] (1856–1916). Действие фильма происходит в 1241 г., вскоре после разорения Батыем Киева. Галицкий боярин Тугар Волк желает подчинить себе свободную общину тухольцев в предгорьях Карпат, земли которой ему даровал князь Даниил Галицкий. Он ненавидит тухольцев за их неповиновение себе и в сцене после охоты в лесу настаивает, что у других народов, в том числе и у татар, порядки лучше, чем в Галицкой земле, где нет смертной казни, «потому-то каждый смерд себя Богом мнит».

В тухольской общине старейшины во главе с Захаром Беркутом обсуждают, что делать ввиду приближающейся монгольской угрозы: подчиниться злому боярину, но хорошему воину или склониться перед Ордой

[1] Захар Беркут: [кинофильм] / реж. Л.М. Осыка. 1971. URL: https://www.youtube.com/watch?v=m6thz5IoGDY (дата обращения: 16.02.2024).

[2] Франко И.Я. Захар Беркут / пер. с укр. П. Карабан. М.; Л., 1946.

и атаковать Тугара Волка. На общинном собрании, куда пригласили Тугара, один из его бывших воинов уличает боярина в измене во время битвы на Калке. Тот убивает свидетеля и спешит с дочерью к монголам, которых открыто называет своими союзниками. У монгольских предводителей предательство Тугара Волка не вызывает особого восхищения или какой-либо благодарности. Его услугами они, однако, готовы воспользоваться.

Позже Тугар Волк вместе с ордынским войском подходит к одной из галицких крепостей. Она хорошо укреплена и готова к бою. Боярин призывает городскую знать сдаться на милость татарам, причем в качестве аргумента использует мотив последующей борьбы с захватчиками: если они все погибнут сейчас, Русь всегда будет зависимой. Город сдается монголам без сопротивления, и его жители тут же попадают в плен, а правитель погибает под помостом пирующих кочевников. В противовес этому, тухольцы выбирают путь сопротивления – они предпочитают уйти в горы, уничтожив свое имущество, и готовятся к битве. Сходство эпизодов весьма наглядно. Перед решающим столкновением создатели фильма лишают монголов человечности и изображают их как коварных противников.

Основным противником в «Захаре Беркуте» является не столько монголо-татары, сколько галицкая знать, которая стремится подчинить себе свободолюбивый народ. Эта знать готова к предательству родной земли и союзу с врагом ради достижения своих целей. Ордынская угроза в данном контексте выступает как инструмент режиссера, а не как самостоятельная сюжетная линия. Л.М. Осыка ставил своей задачей раскрыть алчность знати и показать, насколько важны готовность народа дать отпор иноземным захватчикам и его единство. Как видим, в этом фильме, как и в произведении И.Я. Франко, образы ордынцев – лишь повод рассуждать о более насущных для украинского общества проблемах.

В произведениях советской мультипликации, где затрагивалась тема ордынского владычества[1], его образ схож с теми, которые транслировались в

[1] Сеча при Керженце: [мультфильм] / реж. И.П. Иванов-Вано, Ю.Б. Норштейн.

игровых фильмах 1930–1980-х гг. В этих мультфильмах авторы акцентировали внимание на том, что период зависимости Руси от Золотой Орды был временем бедствий и разрушений. Они показывали, что русский народ с самого начала сопротивлялся ордынскому владычеству и не давал захватчикам полностью подчинить себе страну. Режиссеры-мультипликаторы представляли борьбу с ордынцами как героическое противостояние, отмечали важную роль православной церкви, которая вдохновляла и поддерживала русских воинов в борьбе с кочевниками. Эти мультфильмы стали единственным способом визуального представления образа Дмитрия Донского на экране.

Борьбе с ордынцами посвящен фильм Я.В. Лупия (род. 1946) «Даниил – князь Галицкий», снятый на Одесской киностудии и вышедший в прокат в 1987 г.[1] В нем появляется несколько новых моментов, которые ранее в советском кинематографическом дискурсе об ордынском владычестве не встречались. Более видная роль в борьбе Руси с зависимостью от кочевников стала отводиться православию. Показаны активные попытки галицкого князя получить помощь на Западе против монголов и организовать единый союз правителей Руси, Венгрии, Польши и Литвы против них. Батый, узнав о попытке единых действий русских князей против Орды, послал воспрепятствовать этому Неврюя и Куремсу. Андрей Ярославич был разбит, западные правители на помощь Даниилу не пришли. О союзе с европейскими государями после их совместной встречи в 1247 г. нет ни слова – ни выражений надежды на сотрудничество, ни критики за отсутствие помощи.

Ещё одним новшеством у Я.В. Лупия является получение Ордой

Союзмультфильм. 1971. URL: https://www.kinopoisk.ru/film/46043/ (дата обращения: 20.11.2024); Василиса Микулишна: [мультфильм] / реж. Р.В. Давыдов. Союзмультфильм. 1975. URL: https://www.kinopoisk.ru/film/448949/ (дата обращения: 20.11.2024). Лебеди Непрядвы: [мультфильм] / реж. Р.В. Давыдов. 1980. URL: https://www.kinopoisk.ru/film/433758/ (дата обращения: 20.11.2024); Сказ о Евпатии Коловрате: [мультфильм] / реж. Р.В. Давыдов. 1985. URL: https://www.kinopoisk.ru/film/460520/ (дата обращения: 20.11.2024).

[1] Даниил – князь Галицкий: [кинофильм] / реж. Я.В. Лупий. 1987. URL: https://okko.tv/movie/daniil-knjaz-galickijj (дата обращения: 18.02.2024).

субъектности, способности действовать самостоятельно Режиссер показывает ее активное вмешательство в дела русских правителей с целью реализации собственных интересов. В отличие от предыдущих кинематографических интерпретаций, где ордынская сила представала как иррациональная, природная мощь, разрушающая и подчиняющая русские земли без видимой цели, данный фильм акцентирует внимание на механизмах, посредством которых ордынцы стремились сохранить свою власть над Русью. Эти механизмы были разработаны и реализованы самостоятельно, без какого-либо содействия со стороны русских предателей.

Даниил решает сразиться с ордынцами, но это скорее акт безысходности, ведь войско Куремсы уже наступает на его земли. Фильм примечателен тем, что впервые в советском неанимационном художественном кинематографе было изображено крупномасштабное открытое столкновение Руси и Орды. Особо выделяется символический кадр: в финале битвы, когда Куремса осознает поражение своей армии, его лицо начинает показываться сквозь языки пламени. Огонь, являющийся неотъемлемым элементом кинематографического образа Орды (как в советских, так и в современных фильмах). Он часто представлен множеством костров в татарском лагере. Важно помнить и о мотиве очищения через огонь перед входом в ставку хана или его полководцев, а также о пылающих поселениях как знаке ордынского нашествия. Зритель подсознательно воспринимает зависимость от Орды как нечто разрушительное и неумолимое, подобное огню. Однако в данном произведении пламя выступает в роли своеобразного противника татар, поскольку свет от него помогает полкам галицкого князя дезориентировать степняков и одержать над ними победу.

Незадолго до распада СССР Г.М. Кузнецовым (1945–2005) был снят фильм «Житие Александра Невского»[1]. Большая часть картины посвящена размышлениям умирающего князя Александра о его отношениях с Золотой

[1] Житие Александра Невского: [кинофильм] / реж. Г.М. Кузнецов. 1991. URL: https://www.youtube.com/watch?v=eq3x1Aqieuk (дата обращения: 17.02.2024).

Ордой, которые выглядят неоднозначно. Акцент на этом вопросе выражал общую проблему определения дальнейшего пути развития государства и общества, стоявшую перед населением СССР в момент выхода фильма.

Рассмотрим основные сюжеты фильма, связанные с образами восточной дипломатии. Брат Александра, Андрей, хочет противостоять захватчикам. Он совершает прилюдное поругание над священным напитком монголов – кумысом. Митрополит уговаривает Андрея не спешить с выступлением против Орды – пока Русь раздроблена, сил для этого у великого князя не будет. Это только грозит окончательным уничтожением Руси. Ради сохранения мира с Ордой Александр позже, уже получив ярлык, расправляется с непокорным новгородцем.

В представлении создателей фильма, хан Батый далек от образа злобного врага и разрушителя. Напротив, его персонаж призван вызывать скорее положительные эмоции. Он предстает в роли наставника, ведущего с Александром Невским отеческие беседы, полные поучений и наставлений. Александр с первой встречи производит на хана благоприятное впечатление. Режиссер стремился придать образу Батыя объемность, показав его как мыслителя, осознающего тщетность и быстротечность власти, и как правителя, обеспокоенного будущим своей империи. Его одиночество подчеркивается отсутствием свиты, что позволяет вести диалог с Александром один на один. В таком контексте Орда предстает как наставник, воспитывающий Русь, наказывающий за непокорность, но вознаграждающий за правильное поведение. В свою последнюю встречу с князем Батый разрешает Александру самому собирать дань для Сарая в течение трех лет. Чтобы смягчить осознание горькой истины о нескором освобождении от зависимости, золотоордынский хан показан положительным героем.

Перейдем к анализу образов ордынского владычества в художественной литературе 1920–1980-х гг. В СССР жанр исторического романа достиг особого расцвета. Первым крупным советским художественным произведением, посвященным ордынскому владычеству, является трилогия

В.Г. Яна[1] (1874–1954), посвященная монгольским завоеваниям XIII в. Писатель стал своеобразным передаточным звеном между дореволюционной и советской художественными традициями. Но переоценивать влияние на В.Г. Яна опыта до 1917 г. не стоит. Его знакомство со Средней Азией отразилось в точных этнографических описаниях, но не в политико-идеологической направленности трилогии.

Первый роман трилогии, «Чингис-хан», В.Г. Ян редактировал в соответствии с указаниями советских историков[2]. Несмотря на учет этих советов и положительную оценку «Чингис-хана» А.М. Горьким, написанный в 1934 г. роман был опубликован только в 1939 г., когда угроза надвигающейся войны в СССР становилась все более явной. В «Чингис-хане» повествуется о монгольском завоевании Средней Азии. Роман имеет классовую направленность, практически все представители феодальной верхушки государства Хорезмшахов показаны жестокими и лживыми людьми, а простолюдины – добрыми и трудолюбивыми. Образ Чингисхана у В.Г. Яна двойственен. Преобладают в нем отрицательные черты: стремление к новым завоеваниям, уверенность в избранности монголов и их превосходстве над всеми остальными народами. Вместе с тем автор отмечал замечательные организаторские способности Чингисхана, его умение устанавливать порядок. Монголы в романе любят свои родные степи и в дальних походах тоскуют о них. Они не терпят предательства, даже если оно совершается в их интересах, и сурово расправляются с изменниками. Осуждается автором малодушие отдельных людей, привыкших подчиняться любой власти, в том числе и монгольской: в одной из глав крестьяне готовы по приказу монгола сами вязать себе руки и покорно идти на смерть, только один решает драться и без труда убивает врага[3].

---

[1] Ян В.Г. Чингис-хан // Собрание сочинений: в 4 т. М., 1989. Т. 2. С. 7–328; Он же. Батый // Собрание сочинений. Т. 2. С. 332–529; Т. 3. С. 7–188; Он же. К «Последнему морю» // Собрание сочинений. Т. 3. С. 191–472.

[2] Оскоцкий В.Д. Уроки мастера // Ян. В.Г. Собрание сочинений: в 4 т. М., 1989. Т. 1. С. 6.

[3] Ян В.Г. Чингис-хан… С. 185–186.

В следующем романе трилогии, «Батый» (1942 г.), лейтмотивом является тема борьбы русского народа за свою землю в ходе нашествия Батыя на Северо-Восточную Русь. Подчеркивается справедливый, оборонительный характер войны с монголами. Монгольские завоеватели представлены в неприглядном свете: они суеверны, не заботятся о личной гигиене, жестоки и беспощадны. Критикует В.Г. Ян служителей различных религий, причем и мусульманской, и православной. Духовенство является единственным слоем населения Руси, которое не принимает активного участия в отпоре завоевателям. Наоборот, в одном из монастырей с честью принимают Батыя, молятся за него. Идеальным героем, храбро защищающим родную землю, в «Батые» представлен Евпатий Коловрат. Ему помогают выходцы из низших слоев населения. Подобные архетипы воинов-защитников Русской земли станут широко распространенными в советской исторической романистике об эпохе ордынского владычества и будут присутствовать едва ли не во всех крупных произведениях о периоде средневековой Руси.

В романе «К “Последнему морю”» (1955) большое внимание уделяется высокой оценке Батыем фигуры Александра Невского. По-прежнему храбро обороняются русские земли, на этот раз Киев. В Европе основное сопротивление завоевателям оказывает народ. Спасла европейские страны от полного разорения лишь победа Александра Ярославича в битве на Чудском озере. На содержании романа «К “Последнему морю”» сильно сказалось цензурное давление, схожее с тем, которое пришлось испытать С.М. Эйзенштейну в ходе работы над сценарием «Александра Невского». Автору не позволили опубликовать роман в первоначально запланированном виде, где Александр встречался с Батыем в Орде. Из романа пришлось выделить повесть «Юность полководца», где рассказано только о борьбе князя с западной агрессией. В самом романе он теперь только упоминается, представителем Руси в ставке Батыя стал выдуманный персонаж, новгородец Гаврила Олексич.

В.Г. Ян стал основоположником рассмотрения темы ордынского

владычества в отечественной художественной литературе с военно-патриотической точки зрения. Главный мотив его трилогии о монгольском нашествии – необходимость защиты своей Родины от врага. Героические примеры прошлого должны были вдохновлять читателей на похожие поступки, пробуждать гордость за историю своей страны. Широкая популярность этих произведений свидетельствует о том, что данные темы нашли свой отклик в общественном сознании. От литературы XIX в. об «иге» Ян сохранил критику деспотической власти, толкающей людей на несправедливые завоевания.

Для оказавшегося в эмиграции писателя И.С. Шмелева (1873–1950) Куликово поле являлось символом победы православной веры над новым «игом», которым автор считал отрицающую Бога коммунистическую власть[1]. Образ битвы с Ордой связан с фигурой Сергия Радонежского и представлен как подвиг во имя православия. Пережитые потрясения заставили писателя актуализировать религиозный компонент в русско-ордынском противостоянии.

Популярнейшим историческим произведением про Дмитрия Донского в СССР стал одноименный роман С.П. Бородина (1902–1974). Согласно автору, главным стремлением русского народа и Дмитрия всегда было освобождение родной земли от ордынской власти. Под мудрой властью Дмитрия Русь объединяется для отпора степнякам. Московский князь в романе представлен идеальным героем: храбр, разумен, справедлив, привечает простых людей. Важная роль в воодушевлении русского войска и самого Дмитрия Ивановича на бой с Мамаем отводится Сергию Радонежскому. В своих словах Сергий делает акцент не только на защите веры, но и всей Руси от опасного врага[2]. Образ ордынцев в «Дмитрии Донском» двойственен. Они, разумеется, представлены как враги. Но мурза Бегич опытный, храбрый воин, презирающий роскошь и чтящий заветы Чингисхана, он строго поддерживает

[1] Шмелев И.С. Куликово поле // Повести и рассказы. М., 2008. С. 40–93.
[2] Бородин С.П. Дмитрий Донской: роман. М., 1993. С. 299–301.

дисциплину в войске[1].

Врагом Руси в романе Бородина показана не только Золотая Орда. Один из отрицательных персонажей – генуэзец Бернаба, верный приспешник Мамая. Именно он прилагает все усилия к организации союза Мамая с Олегом и Ягайло, советует ему использовать в сражении с Москвой наемников, устраняет ставленника Дмитрия на митрополичий престол – Митяя[2]. Фигура Бернабы показывает, что опасность Руси грозит не только с Востока, но и с Запада. Это новая черта в образе ордынского владычества в художественной литературе, авторы до 1917 г. никак не связывали его с западной угрозой. Книга Бородина, по нашему мнению, заложила основы образа Дмитрия Донского и Куликовской битвы в советской художественной литературе.

А.К. Югов (1902–1979) в романе «Ратоборцы» (1948 г.)[3] едва ли не первым в советской художественной литературе взялся осветить сложный для отечественного патриотического чувства период подчинения Золотой Орде прославленных героев русской истории: Александра Невского и Даниила Галицкого. Трудно описать всю степень уважения, которую Батый в романе Югова испытывает к Александру Невскому. Хан считает русского князя лучшим полководцем после Чингисхана, уговаривает Александра жениться на монгольской принцессе, стать главной опорой своему слабому сыну Сартаку. Но и в своей дипломатии Александр Невский добивается не меньших успехов, чем на ратном поле. Монголы показаны как жестокие и коварные, но не слишком дальновидные враги. Куда опаснее для русских земель представляется натиск с Запада, хитрые агенты рыцарских немецких орденов плетут интриги и в ставке сарайского хана.

Книга А.К. Югова была создана в определенную эпоху, которая и предопределила ее особенности. Главной задачей автора было не изложение точных событий, а создание определенного образа национального героя. Для

[1] Бородин С.П. Дмитрий Донской… С. 96–98.
[2] Там же. С. 250–258.
[3] Югов А.К. Ратоборцы: Эпопея: в 2 кн. Л., 1983.

этого автор задействовал всю силу своего художественного воображения, поэтому в «Ратоборцах» мы увидим едва ли не самое большое число вымышленных исторических фактов среди всей советской художественной литературы, в которых присутствовала тема ордынского владычества. Так, именно с этого романа в отечественном общественном сознании появляется миф о побратимстве Александра Невского и Сартака.

В романе М.А. Рапова (1912–1978) «Зори над Русью» (1954–1958 гг.)[1], посвященного деятельности Дмитрия Донского, продолжается патриотическая линия в освещении событий эпохи ордынского владычества. Согласно тексту, население Руси не боится татар и готово выступить против них, ему не хватает только единства и сильной руки. Ордынцы показаны людьми жестокими и надменными. Они по-прежнему считают Русь своим улусом и пытаются в ней распоряжаться. Как видим, образ ордынца эпохи Куликовской битвы как персонажа, пытающегося вернуть славные для степняков времена Чингисхана, становится в советской литературе одним из самых распространенных при описании врага Дмитрия Донского.

Золотая Орда у Рапова представлена хищническим и варварским государством, все награбленные ею ценности не дали никакого развития собственно ордынской культуре. Помимо Орды, опасность Руси исходит от Запада, ливонские рыцари хотят захватить ее земли и сделать русичей своими рабами. Сергий Радонежский не только благословляет сопротивления Орде, но и одним из первых подвигает на него, в том числе и самого Дмитрия.

Развивал героико-патриотическую тенденцию в освещении деятельности Александра Невского роман А.А. Субботина (1890–1961) «За землю Русскую» (1957 г.)[2]. Он почти полностью посвящен борьбе Александра Ярославича с угрозой от Швеции и крестоносцев в 1240–1242 гг., о взаимоотношениях князя с Ордой сказано только в эпилоге. Главную опасность для Руси представляют крестоносцы, которые хотят ее полностью

[1] Рапов М.А. Зори над Русью: исторический роман. М., 2002.
[2] Субботин А.А. За землю Русскую: роман. М., 1957.

уничтожить, для борьбы с ними нужно сохранять мир с ханом. Отношения Александра с монголами вовсе не выглядят в представлении автора тяжелой зависимостью. Александр убеждает своего брата Андрея: ещё не время выступать против Орды – это приведет лишь к новому опустошению Руси, что на руку «латынянам», которые хотят столкнуть русичей с Ордой, чтобы ослабить их и продолжить свою экспансию на русские земли[1]. В описании последствий Батыева нашествия царит оптимизм – Русь продолжает жить и под пятой захватчиков. Таким образом, превалирующей темой в образе Александра Невского в советской культуре 1930–1950-х гг. является отражение западной агрессии, а не его отношения с Золотой Ордой.

Советские писатели, в произведениях которых встречается образ ордынского владычества, зачастую выбирали своими героями Александра Невского или Дмитрия Донского. Другие персонажи русской истории, особенно XIV в., редко попадали в поле зрения художественной литературы 1920–1970-х гг. Некоторым исключением является Иван Калита. Здесь можно указать работы Б.В. Изюмского (1915–1984) «Ханский ярлык» (1952 г.)[2] и Б.Е. Тумасова (1926–2017) «Русь Залесская» (1966 г.)[3].

Б.Е. Тумасов показывал борьбу русского народа с ордынцами при Калите, у Б.В. Изюмского русичи борются против собственных феодалов, ни о каком сопротивлении татарам речи еще не идет. Подобный плюрализм мнений нехарактерен для книг об Александре Невском и Дмитрии Донском – в них острие народной борьбы направлялось авторами на внешних врагов трудящегося населения. В.В. Каргалов по данному поводу отмечал: «Победитель Орды на Куликовом поле – не тот образ, на примере которого стоило бы показывать тяжесть феодальной эксплуатации!»[4]. Поскольку для

[1] Субботин А.А. Указ. соч. С. 678–679.

[2] Изюмский Б.В. Ханский ярлык // Избранное: исторические повести. М., 1991. С. 281–367.

[3] Тумасов Б.Е. Русь Залесская // Тумасов Б.Е. Исторические повести. Краснодар, 1985. С. 4–214.

[4] Каргалов В.В. Московская Русь в советской художественной литературе. М., 1971. С. 107.

Ивана Калиты четких рамок изображения личности не было установлено иными популярными произведениями, изображение этого князя в советской литературе могло варьироваться, в том числе в связи с образом ордынского владычества.

Обращали внимание на ордынскую тематику и советские поэты. Многие их произведения собраны в сборнике «Поле Родины»[1], который вышел в 1980 г. к юбилею Куликовской битвы. Основная часть стихотворений в нем, написанных в 1920–1970-е гг., посвящена этому сражению. Куликовская битва и ее герои неизменно прославляются, прежде всего простые ратники, но также и известные воины: Дмитрий Донской, Боброк, инок Пересвет и др. Уделено внимание Сергию Радонежскому. Нередко битва с Мамаем сравнивается с Бородинским или Сталинградским сражениями. Следует заметить, что Куликово поле вместе с ними входит в культурную память о великих победах России.

При изучении образа ордынского владычества в отечественной художественной литературе нельзя пройти мимо рассмотрения данной проблемы в среде русской эмиграции. В качестве примера для изучения был выбран М.Д. Каратеев (1904–1978), который посвятил теме ордынского владычества несколько книг[2]. Сюжеты его романов повернуты скорее на Восток, очень большое внимание автор уделял татарским улусам и Средней Азии XIV в. Действие в большинстве романов ведется от лица Карач-мурзы, полуордынца-полурусского, воспитанного русским слугой своего отца, князя Карачевской земли. Этот симбиоз Руси и Востока в лице Орды (образ самого Карач-мурзы и некоторых других героев эпопеи М.Д. Каратеева) – отличительная черта его романов. В советской литературе 1930-х – начала 1970-х гг. подобное представить трудно, в ней русское и ордынское начала четко разделялись и противопоставлялись друг другу.

[1] Поле Родины: сб., 1380–1980...

[2] Каратеев М.Д. Ярлык великого хана: исторический роман. М., 1991; он же. Карач-мурза. Богатыри проснулись: исторические романы. М., 1992; он же. Железный хромец. Возвращение: исторические романы. М., 1992.

Высоко оценивал автор характер ордынцев. Главной чертой татар была их глубокая честность. Ложь, воровство и мошенничество в Орде были практические неизвестны. Вымогая от русских подарки, ордынцы справедливо оказывали в обмен на них услуги. Русские летописцы однобоко изображали татар только с отрицательной стороны, ведь для них они были лишь поработителями[1]. Высокую оценку М.Д. Каратеев давал Батыю. Писатель считал, что о нем нельзя судить исключительно по русским летописям. Русь из-за своего долгого и упорного сопротивления сильнее всего пострадала от степных завоевателей, поэтому ожидать от русских летописцев положительного изображения Батыя не приходится. Кроме бедствий, владычество Орды «оказало Руси и большую услугу: из губившего страну удельного раздробления привело её к единству, вызванному необходимостью общими силами свергнуть это иго»[2].

Высокая оценка ордынского влияния на Русь контрастирует с отношением М.Д. Каратеева к Западу. Автор не упускал случая показать преобладание России и Востока над Западом в социально-культурном плане в Средние века. В большинстве советских произведений об ордынском владычестве мы не найдем такой последовательной критики Европы и ее отношения к России. Итак, романы М.Д. Каратеева следует отнести к евразийскому направлению отечественной общественной мысли. Вместе с тем автор сходился с советскими писателями в плане изображения простолюдинов Руси как двигателя ее объединения и борьбы за свержение ордынского владычества, а также высоких заслуг Дмитрия Донского в русской истории. Это показывает, что советская и эмигрантская художественные традиции, посвященные ордынской зависимости, не были полностью антагонистичны друг другу.

С 1970-х гг. в советской художественной литературе появляется целый пласт произведений о времени владычества Золотой Орды над Русью,

[1] Каратеев М.Д. Ярлык великого хана… С. 160–161.
[2] Каратеев М.Д. Железный хромец. Возвращение… С. 376.

написанных местными авторами. В 1978 г. был издан роман бурятского писателя И.К. Калашникова (1931–1980) «Жестокий век», посвященный жизни и деятельности Чингисхана[1]. Это обширное произведение, подробно описывающее весь путь великого завоевателя от рождения до смерти. Монголы в романе показаны вовсе не жестокими и кровожадными: они любят семью, ценят дружбу. Главной причиной их бед автор считал междоусобицы среди отдельных племен, отсутствие единства. Подросший Тэмучин хочет прекратить внутреннюю вражду, установить в Монголии порядок и спокойствие. С усилением своей власти Тэмучин становится все более жестоким и менее милостивым. Стоило ему победить всех внутренних соперников и объединить монголов, как в этом спокойствии стали расти неповиновение и разлад, причем в кругу самых близких повелителю людей. С таким трудом собранное единство готово распасться. Поэтому Чингисхан начинает внешние завоевательные войны против своих соседей. Не всем монголам нравятся эти походы в чужие земли. К концу жизни от Чингисхана отходят некоторые его соратники, с которыми он начинал свою деятельность. Простым монголам походы вовне почти ничего не принесли, кроме смертей.

Отметим, что интерес к истории Монголии и фигуре Тэмучина характерен для Бурятии, эти темы и дальше будут подниматься в произведениях авторов этого региона, например, у А.С. Гатапова, С.Б. Сындуева и др. Одним из зачинателей этого интереса был И.К. Калашников, поскольку до него образ Чингисхана в отечественной художественной литературе достаточно широко был представлен лишь у В.Г. Яна. Если у последнего герой сразу предстает великим завоевателем и повелителем, то в «Жестоком веке» подробно показаны становление, развитие и изменение характера Чингисхана. У И.К. Калашникова проводится линия неприятия войны как таковой. Соседи монголов, ведущие вроде бы справедливую оборонительную борьбу против степных захватчиков, не возвышаются в качестве героев, у них есть свои недостатки, которые приводят

[1] Калашников И.К. Жестокий век: роман. М., 1991.

к поражению.

В.В. Каргалов являлся не только профессиональным историком, но и плодотворным беллетристом. На примере его художественных произведений можно проследить, в какие литературные образы воплощала советская наука связанную с ордынским владычеством проблематику. Так, в повести «У истоков России (Даниил Московский)» (1979 г.)[1] взгляд автора на ордынское владычество типичен для художественной литературы СССР. Это явление показано с отрицательной стороны, в зависимости Руси от степняков отсутствуют какие-либо плюсы. Данное мнение совпадает с тем, которое автор проводил в своих научных работах.

Особое место в художественной литературе об эпохе ордынского владычества на Руси занимает серия романов Д.М. Балашова (1927–2000) «Государи Московские»[2]. Это обусловлено ее огромными масштабами, вниманием автора к историческим деталям и реалиям описываемого времени и оригинальной концепцией, которая не встраивалась в обычные для советской литературы взгляды на события XIII – начала XV в.

По мнению Д.М. Балашова, Русь и Золотая Орда вовсе не были извечными врагами, их взаимоотношения выходили за рамки простого противостояния. Между этими двумя державами был возможен союз, необходимо только принятие степной державой православия. Принятие Узбеком ислама как государственной религии уничтожило прежнюю монгольскую державу и похоронило идею русско-ордынского союза. «С тех пор слово “татарин”, оттеснив забытое “моал” (монгол), стало обозначать на Руси смертельного врага-насильника, и, прежде всего, врага веры христианской»[3]. Сам образ Золотой Орды у Д.М. Балашова скорее нейтрален.

---

[1] Каргалов В.В. У истоков России (Даниил Московский): историческая повесть. М., 1979.

[2] Балашов Д.М. Собрание сочинений: в 6 т. М., 1991–1993. Т. 1. Младший сын: роман; Т. 2. Великий стол: роман; Т. 3. Бремя власти: роман; Т. 4. Симеон Гордый: роман; Т. 5. Ветер времени: роман; Т. 6. Отречение: роман; Он же. Дмитрий Донской. Битва за Святую Русь: трилогия. М., 2012; Он же. Государи Московские. Воля и власть. Юрий: романы. СПб., 2024.

[3] Балашов Д.М. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2. Великий стол. С. 268.

До принятия ислама степняки отличались мужеством, честностью, неприхотливостью, уважением к послам, «они не предают своих и не бросят в беде, не изменяют своим ханам, не завидуют, не лгут, не воруют – там, у себя, в Орде»[1].

Ещё в 1970-е – первой половине 1980-х гг. Д.М. Балашов в своих литературных произведениях придерживался построений Л.Н. Гумилёва. Возможно, во многом его романы подготовили общественное сознание к восприятию теории пассионарности и обусловили широкую популярность трудов Л.Н. Гумилёва с 1990-х гг. Яркие образы Д.М. Балашова подтолкнули массовое сознание к идее о возможности мирных русско-ордынских отношений.

Начиная с эпохи перестройки, в его романах больше внимания уделялось угрозе Руси со стороны Запада и католичества, противостояние православия с исламом отходило на второй план. Причиной Куликовской битвы послужило вовсе не вековое противостояние Руси и Орды: поход Мамая, по мнению автора, был нужен генуэзцам, чтобы столкнуть две державы, сокрушив Русь силами Орды, после чего завоевать господство в черноморской торговле и получить прямой доступ к мехам русского Севера[2]. Фигура Дмитрия Донского у Д.М. Балашова представлена последовательно отрицательной: с самой юности князь не отличался особыми способностями, повзрослев, стал недалеким и заносчивым человеком, завидующим своим более одаренным родственникам и вассалам.

Серия романов о московских правителях не была завершена писателем. В последних романах цикла «Государи Московские» Орда всё больше предстает как союзник Руси против Запада. Возник этот взгляд не на пустом месте. В СССР Запад критиковался с социально-политической и социально-экономической точек зрения; у Д.М. Балашова и в иных работах конца XX – начала XXI в. он вызывал недовольство в религиозном плане. Изменяется

[1] Балашов Д.М. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. Младший сын… С. 78.
[2] Балашов Д.М. Дмитрий Донской. Битва за Святую Русь. С. 210–213.

только точка зрения, но не сама направленность взгляда. Поиск новых союзников и образцов подражания для России ведется на Востоке, этот поиск обращается к истории их взаимоотношений.

Пятивековой юбилей Куликовской битвы привел к появлению новых исторических романов, повествующих об этом событии. Официальная версия событий эпохи Куликовской битвы изложена В.С. Возовиковым (1937–1990) в «Поле Куликово»[1] и В.А. Лебедевым (1934–1981) «Искуплении»[2]. Оба романа сходны по своей направленности и содержанию, и представляют собой очередные примеры героико-патриотической тематики в освещении темы ордынского владычества. Появляются в них и новые черты. Это указание на смешение русской и ордынской крови, возможность появления людей, которым близка как Орда, так и Русь. Среди ордынцев появляются положительные герои. Основной линией взаимоотношений Руси и Орды в этих романах все же остается противостояние, но теперь для ордынцев появляется возможность спастись, вовремя присоединившись к Москве. Главным показателем для авторов в оценке своих персонажей является их отношение к деятельности Москвы и ее князю. Ордынское владычество у В.С. Возовикова и В.А. Лебедева по-прежнему видится для Руси большой трагедией, а Дмитрий Донской представлен идеальным героем, который в своей деятельности опирался на народные массы.

В 1982 г. вышел роман С.П. Мосияша (1927–2007) «Александр Невский»[3], описывающий жизнь и деятельность заглавного героя. В этой книге практически без изменений транслируется образ русско-ордынских отношений, созданный советскими произведениями 1930–1950-х гг. Линия поведения Александра на подчинение Орде представлена автором единственно верной, все несогласные с ней осуждаются. Зависимость

[1] Возовиков В.С. Поле Куликово: роман. М., 1982. В.С. Возовиков позднее напишет продолжение «Поле Куликова», роман «Эхо Непрядвы», впервые опубликованный в 1988 г. и рассказывающий о набеге на Русь Тохтамыша в 1382 г.: Возовиков В.С. Эхо Непрядвы: исторический роман. М., 1988.

[2] Лебедев В.А. Искупление: исторический роман. Л., 1982.

[3] Мосияш С.П. Александр Невский: роман-трилогия. М., 1994.

компенсируется очень уважительным отношением к Александру Невскому в Орде, его преданность ценит сам Батый. Новой чертой текста является более подробное освещение поддержки деятельности Александра со стороны церкви.

Образ ордынского владычества в художественной литературе и кинематографе 1930–1980-х гг. схож с представлениями, сложившимися в исторической науке того времени. Это доказывает весьма сильную взаимосвязь науки и культуры СССР, которая обусловлена влиянием на эти сферы общего государственного заказа и идеологических установок. Образы, сложившиеся в исторической романистике и фильмах, не только базировались на достижениях исторической науки, но и сами весьма значительно влияли на профессиональное историческое сознание, особенно в плане изображения отдельных героев русского прошлого, таких как Александр Невский и Дмитрий Донской.

В 1920–1950-е гг. на развитие и функционирование образов ордынского владычества большое влияние оказывали представления, сложившиеся в имперский период. В 1920-е гг. наиболее влиятельные тогда советские историки М.Н. Покровский и Н.А. Рожков рассматривали зависимость от Орды в русле государственной школы, как один из факторов, оказавших влияние на действие внутренних закономерностей русской истории. С 1930-х гг. все активнее на образы ордынского владычества воздействует фактор внешней опасности, стоявшей перед Советским государством. Историческая наука и культура СССР практически без изменений заимствуют из имперского дискурса второй половины XIX – начала XX в. образ ордынского владычества, связанный с национально-освободительной борьбой против иноземных захватчиков. Он лишь несколько видоизменяется в соответствии с требованиями идеологии и классового подхода – вместо князей и православной церкви главная роль в этой борьбе отводится народу. Преобладающим становится тезис о спасении Европы от монгольской угрозы благодаря борьбе Руси с Батыем, на что повлияли идеи публицистики XIX в.

Важным приемом концептуализации этого образа становится связь нашествия монголов на русские земли с крестоносной угрозой с Запада. Последняя представлена куда более опасной для существования Руси, чем власть хана Орды. Под влиянием новых взглядов на национальные вопросы монголо-татары избавляются от определений «варвары» и «дикари», однако дихотомия степных и земледельческих народов с культурным преобладанием вторых над первыми остается доминирующей тенденцией при описании русско-ордынских отношений.

Такие черты больше характерны для дискурсивного поля профессиональной исторической науки. В художественной литературе и кинематографе образ ордынского владычества более метафоричен, его целью становится прославление борьбы против иноземных захватчиков. В этих полях образы концептуализируются вокруг двух фигур, важнейших для исторической памяти советских людей, – Александре Невском и Дмитрии Донском. Главная цель этих героев – противостояние Золотой Орде, один осуществляет это с помощью дипломатии, второй – военными средствами.

Золотая Орда в общественном сознании страны теряет свое исключительно прикладное значение для изучения истории России, получает субъектность и право на свое прошлое. Это государство оценивается как непрочное и не имеющее глубоких исторических корней и значения для входивших в ее состав народов, так как возникло искусственно, путем захвата кочевниками различных территорий.

Профессиональная историческая наука в 1930–1950-е гг. продолжает изучение ордынского владычества по образцам государственной школы, как фактора, влиявшего на складывание единого государства, только оценка этого влияния меняется с положительной (помощь в возвышении Москвы) на отрицательную (замедление образования Русского централизованного государства). Это дискурсивное поле оказывает превалирующее влияние на складывание образов в художественной литературе и кинематографе – писатели и режиссеры пока чутко прислушиваются к мнению историков.

С 1960-х гг. связь образов ордынского владычества с крестоносной агрессией отходит на второй план. Появляются попытки рассмотреть данный феномен с точки зрения отдельных советских регионов. В подобных работах начинают искать в Золотой Орде и империи Чингисхана одну из точек отсчета своей истории. Этот процесс происходит постепенно, скорее через публицистику и художественную литературу. В профессиональном историческом и учебном дискурсивных полях разделяются завоевательная политика элит этих двух государств и стремление к мирному развитию их народов, низших слоев населения средневековых татар и монголов, с которых снимается ответственность за «иго» над русским и иными подчиненными Сараю и Каракоруму народами.

Несмотря на рост внимания к истории стран Востока, в общественном сознании, особенно у научной интеллигенции, продолжает господствовать европеизм во взглядах на нее. СССР считается частью Европы, поэтому попытки выявить какое-либо положительное влияние азиатской Золотой Орды на русские земли вызывали острые возражения профессионального исторического сознания.

В кинематографе Орда предстает как хтоническая, слепая сила, страшная и враждебная героям и одновременно привлекающая их своей необычностью и мощью. Образы золотоордынцев используются авторами для аллегорического обсуждения более современных вопросов вплоть до проблем о причинах недовольства местных элит центральной властью, как, например, в споре между Старшим и Младшим князем в фильме А.А. Тарковского «Андрей Рублев». В поле художественной литературы СССР в 1970-е гг. возникают первые образы, в которых ордынское владычество описывается не только с точки зрения противостояния двух миров, но и возможности их мирных контактов и сотрудничества. Такая же ситуация происходит и в публицистике.

Юбилей Куликовской битвы, одного из главных символов, с которым связывается ордынское владычество, актуализирует его образы. С 1980 г.

профессиональный исторический дискурс постепенно уходит от этнического понятия «монголо-татарское» к более нейтральному с национальной точки зрения «ордынское» при описании власти Орды над Русью. Растет интерес к внутренней истории Золотой Орды, сначала в археологии, позже и в других сферах исторической науки.

В 1980-е гг. в публицистике и художественной литературе постепенно распространяются евразийские воззрения. Золотая Орда перестает описываться только как негативный фактор для развития отечественной истории. В художественном дискурсе появляются положительные герои монгольского, татарского или смешанного происхождения. В исторической науке еще сохраняются консервативные взгляды на эту роль, и именно в это время она теряет свое главенствующее влияние на формирование образов ордынского владычества в отечественном общественном сознании.

На трансляцию образов ордынского владычества в массовом сознании с конца 1930-х гг. больше влияния оказывали художественная литература и кинематограф. Но создавались они еще под воздействием исторической науки. Этим появившимся благодаря кинематографу и литературе в 1930–1950-е гг. образам ордынского владычества учебная литература следовала до конца 1980-х гг. Поскольку эти образы базировались на представлениях XIX – начала XX в., учебники оказались наименее подвержены изменениям во взглядах на ордынское владычество.

Итак, в массовом сознании до 1980-х гг. основными остаются, пусть и с некоторыми модификациями, образы ордынского владычества, которые сформировались еще во второй половине XIX – начале XX в. и были связаны с национально-освободительной борьбой русского народа. В среде советской интеллигенции эти образы с 1960-х гг. изменяются, особенно у представителей региональной прослойки – прежние оценки Золотой Орды и ее влияния на русскую историю перестают устраивать данные социальные группы. Новые идеи для своей исторической памяти об образах ордынского владычества они пытаются найти в евразийском течении отечественной

общественной мысли, которое до этого времени развивалось параллельно и конструировало новые образы русско-ордынских взаимосвязей. Эти стремления выражаются в поле публицистики, художественной литературы и только отчасти в области научного исторического дискурса и кинематографа.

3. ОБРАЗЫ ОРДЫНСКОЙ ЗАВИСИМОСТИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ И МАССОВОМ ОТЕЧЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ ПОСЛЕ 1991 Г.

3.1. Русско-ордынские связи в пространстве современного российского исторического сознания

С конца 1980-х гг. в общественном сознании и отечественной исторической науке как части его дискурсивного поля начинается новый этап развития. Он характеризуется отсутствием единого взгляда на прошлое и плюрализмом мнений. Внимание уделяется моментам, которые раньше не вызывали особого интереса. Историческая наука России в 1990-х гг. вступает в полосу кризиса, который ведет к поиску новых концептуальных оснований для выстраивания исторического нарратива об ордынском владычестве.

В 1990 г. вышел сборник «Церковь, общество и государство в феодальной России». В нем прослеживается ряд черт, которые станут отличительными особенностями профессионального исторического дискурса данного времени в области русско-ордынских отношений. Это, во-первых, характеристика данных связей как феодального вассалитета русских князей по отношению к Орде[1]. Во-вторых, ревизия некоторых устоявшихся представлений о тех или иных событиях эпохи владычества Сарая. Так, В.А. Кучкин (род. 1933) в своей статье пытается доказать, что Пересвет и Ослябя, знаменитые участники Куликовской битвы, являлись на ее момент не монахами, а светскими воинами[2], а битва на Куликовом поле происходила без всякого участия Сергия Радонежского.

Л.Н. Гумилёв в своих поздних работах, которые вышли в эпоху перестройки и отнесены нами к новому этапу развития профессионального

[1] Церковь, общество и государство в феодальной России: сб. ст. / отв. ред. А.И. Клибанов. М., 1990. С. 84.

[2] Кучкин В.А. Дмитрий Донской и Сергий Радонежский в канун Куликовской битвы // Церковь, общество и государство в феодальной России: сб. ст. М., 1990. С. 106–107.

дискурса, только расширял уже выдвинутые ранее положения и дополнял их новыми аргументами в соответствии со своей теорией пассионарности. Наиболее полно концепция автора выражена в монографии «Древняя Русь и Великая степь». В ней Гумилёв доказывал, что на протяжении всей истории взаимоотношения Руси и кочевых народов степи характеризовались не противостоянием, а симбиозом и нередко дружбой. Ущерб от похода Батыя на Русь сравним с обыкновенной усобицей[1]. «Чёрная легенда» о жестокости монгольских завоеваний, дикости и отсталости кочевников, была придумана и распространялась европейцами начиная со Средних веков[2]. Русские учёные XVIII–XIX вв. некритично восприняли эти идеи, пришедшие из Европы, отсюда идет предвзятое отношение к монголам в русском сознании.

В работах конца 1980-х – начала 1990-х гг. Л.Н. Гумилёв часто заявлял о предвзятости историков, не желающих пересматривать привычные концепции, о бесполезности опоры на предыдущую историографию, которая только заслоняет реальную суть событий и т.п. На наш взгляд, во многом отсюда идут корни недоверия к общепринятой трактовке ордынского владычества и вообще мнений профессиональной науки в массовом российском сознании с 1990-х гг. Это привело к всплеску популярности работ жанра фолк-хистори о русско-ордынских взаимоотношениях.

Труды Л.Н. Гумилёва вызвали широкую полемику в профессиональном и публицистическом поле[3]. Большинство критиков признали его построения художественными и публицистическими, а не научными. Однако многие отметили их роль в развенчании стереотипов об отсталости и варварстве

[1] Гумилёв Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1989. С. 519.

[2] Гумилёв Л.Н., Куркчи А.И. «Чёрная легенда» (историко-психологический этюд) // Гумилёв Л.Н. Черная легенда. М., 2006. С. 22–139; Гумилёв Л.Н. Поиски вымышленного царства. С. 389–392.

[3] См.: Рыбаков Б.А. О преодолении самообмана (по поводу книги Л.Н. Гумилёва «Поиски вымышленного царства») // Вопросы истории. 1971. № 3. С. 153–159; Кузьмин А.Г. Пропеллер пассионарности, или Теория приватизации истории // Молодая гвардия. 1991. № 9. С. 256–276; Клейн Л.С. Горькие мысли «привередливого рецензента» об учении Л.Н. Гумилёва // Нева. 1992. № 4. С. 228–246; Лурье Я.С. Древняя Русь в сочинениях Л.Н. Гумилёва // Звезда. 1994. № 10. С. 167–177.

кочевников [1]. Это свидетельствует об актуальности и интересе к поднятым Л.Н. Гумилёвым вопросам в общественном сознании новой России.

Влияние ордынского владычества на русскую политическую систему в начале 1990-х гг. исследует А.Л. Юрганов (род. 1959). Он заявляет, что монголы оказали влияние на выбор Русью именно подданнической модели системы управления. Более высокая степень зависимости Москвы от Орды, которая позволила первой победить Тверь, делала владения Даниловичей проводником «наиболее деспотического варианта централизации»[2]. В своей более поздней работе «Категории русской средневековой культуры» А.Л. Юрганов утверждает, что монгольское право и система властвования оказали первостепенное влияние на формирование в Северо-Восточной Руси удельно-вотчинной системы[3]. По его мнению, в недрах Золотой Орды рождается Русское государство.

Такой же взгляд на роль Орды в истории Руси присутствует в совместной статье В.Б. Кобрина (1930–1990) и А.Л. Юрганова «Становление деспотического самодержавия в средневековой Руси (К постановке проблемы)». Они полагали, что до утверждения зависимости от Орды была возможность для альтернативного развития политической системы Руси на основе вассальных отношений. Зависимость князей от хана авторы склонны считать скорее подданством, хотя по форме она близка к вассалитету[4]. Ордынское владычество не являлось единственной причиной утверждения в России «деспотического» самодержавия, но необходимость борьбы с ним ускоряла процесс централизации. Таким образом, работы А.Л. Юрганова и В.Б. Кобрина шли в русле исторических трудов эпохи перестройки, где критиковалось любое проявление деспотических тенденций в истории России.

---

[1] Лихачёв Д.С. Предисловие // Древняя Русь и Великая степь. С. 8; Данилевский И.Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.): курс лекций. М., 2001. С. 345.

[2] Юрганов А.Л. У истоков деспотизма // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX – начала XX в. / сост. С.В. Мироненко. М., 1991. С. 59.

[3] Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. М., 1998. С. 155.

[4] Кобрин В.Б., Юрганов А.Л. Становление деспотического самодержавия в средневековой Руси (К постановке проблемы) // История СССР. 1991. № 4. С. 57.

Ученые стали интересоваться вопросами происхождения и укорененности монархических и автократических тенденций в русском сознании.

Появление в ходе перестройки в СССР работ, в которых отвергались привычные взгляды на ордынское владычество и его роль в русской истории, вызвало издание научно-популярной брошюры В.А. Кучкина «Русь под игом: как это было?»[1]. В ней подчеркивалось, что разорение Руси в ходе нашествия Батыя было очень жестоким. В русских городах сели ханские наместники, Сарай активно вмешивался во внутренние политические отношения Руси и поддерживал раздоры князей в своих интересах. Нашествие и «иго» отрицательно повлияли на развитие русских земель во всех сферах. В новой работе Кучкин продолжает поддерживать характерный для советской исторической науки образ ордынской зависимости.

В 1990-е гг. в России вышло много трудов историков-эмигрантов, ранее недоступных широким читательским кругам. Одной из подобных публикаций стала статья юриста В.А. Рязановского (1884–1968) «К вопросу о влиянии монгольской культуры и монгольского права на русскую культуру и право», написанная в 1930 г. У учёного присутствует распространенное для дореволюционной исторической мысли скептическое отношение к уровню культурного развития монголов. Восточное влияние на русскую культуру значимо, однако монгольский элемент, по словам автора, не играл в нём особой роли. В результате нашествия Батыя культурное развитие Руси было задержано на 100–150 лет, разорваны оказались ее связи с Западом[2].

Книга И.О. Князького (род. 1951) «Русь и степь» стала реакцией на рост популярности евразийских идей в 1990-е гг. в России. Образ Золотой Орды в этом сочинении характерен для предшествующей отечественной профессиональной исторической мысли – это государство не оставило после себя значимого наследия, не добилось каких-либо успехов в культуре и

[1] Кучкин В.А. Русь под игом: как это было? М., 1991.

[2] Рязановский В.А. К вопросу о влиянии монгольской культуры и монгольского права на русскую культуру и право // Вопросы истории. 1993. № 7. С. 156–157.

существовало только за счет грабежа покоренных народов. Ордынское владычество сильно повлияло на дальнейшее направление развития России, сделало его «катастрофическим, привело к характерной прерывности русской истории»[1].

Книга Р.Г. Скрынникова (1931–2009) «История Российская. IX–XVII вв.»[2] хотя и построена как учебник, по тиражу и направленности ближе к научному труду. У историка преобладал взгляд на степных завоевателей как народ, стоявший на более низком уровне цивилизации, чем покоренные им страны Европы и Азии. Он не считал ордынское владычество фактором, оказавшим решающее воздействие на русскую историю, оно не привело к изменению направления ее развития. Политика Ярослава Всеволодовича и первых московских князей по отношению к Орде им оценивалась не очень положительно.

Я.С. Лурье признавал политическую линию Андрея Ярославича, направленную на борьбу с Ордой, серьезной альтернативой действиям его брата Александра Невского[3]. Мы видим, что критика отношений Александра Невского с Сараем в постсоветском историческом дискурсивном поле становится довольно распространенным явлением. Это связано с появившейся возможностью более свободно, вне рамок устоявшейся в советское время моноидеологии рассмотреть сложные исторические вопросы, связанные с именем одного из главных героев русской истории. Негативный образ князя Александра мог также стать реакцией на его неумеренное восхваление евразийцами, и особенно Л.Н. Гумилёвым.

Журнал «Родина» после 1991 г. входит в число самых популярных научных периодических изданий об истории России, что демонстрируют его тиражи. Состав редакции свидетельствует, что близок он и к государственной политике в области истории. Один из номеров «Родины» за 1997 г. был

[1] Князький И.О. Русь и степь. М., 1996. С. 119.
[2] Скрынников Р.Г. История Российская. IX–XVII вв. М., 1997.
[3] Лурье Я.С. Россия древняя и Россия новая (избранное). М., 1997. С. 130.

посвящен теме взаимоотношений Леса и Степи в русской истории IX–XVI вв. В приветственном слове к этому выпуску президент Татарстана М.Ш. Шаймиев (род. 1937) обращает внимание участников дискуссии на то, что ордынский период нельзя трактовать только в отрицательных тонах. Золотая Орда, по его мнению, достигла огромного развития в военной и административной сферах, создала много процветающих городов, позволила соединить между собой ранее изолированные Запад и Восток[1].

Главным материалом данного номера «Родины», который посвящен теме ордынского владычества, является круглый стол «А было ли иго?»[2]. В нём приняли участие историки с различными взглядами на уровень развития Золотой Орды и сущность ее власти над Русью. Самые возрастные участники дискуссии В.П. Даркевич (1934–2016) и М.И. Гольман (1927–2021) придерживались, как они сами говорили, «традиционных» и «консервативных» взглядов на ордынское владычество – оно имело для русской истории отрицательные последствия. Показательно описание данной позиции как консервативной. Эти историки понимали, что историческая наука в данное время стремится уйти от подобного взгляда. Другие ученые или затруднялись дать итоговую оценку (В.В. Трепавлов (1960–2023), А.И. Куркчи (1938–2022)), или вообще призывали уйти от качественных категорий описания влияния Орды на Русь (А.А. Горский (род. 1959)). Ученые из Татарстана Д.М. Исхаков (род. 1951) и И.Л. Измайлов (род. 1960) трактовали монгольское завоевание и Золотую Орду положительно. Ни один из участников дискуссии, кроме А.И. Куркчи, не поддерживал теории и не разделял взгляды Л.Н. Гумилёва и евразийцев. Это свидетельствует о непринятии в те годы профессиональным историческим сообществом его гипотез.

Данный выпуск журнала «Родина» демонстрирует специфику развития

[1] Шаймиев М.Ш. В истории народа – его настоящее и будущее! // Родина. 1997. № 3–4. С. 6.

[2] А было ли иго? // Родина. 1997. № 8. С. 85–92.

темы ордынского владычества в российской профессиональной исторической мысли 1990-х гг. Это, во-первых, поиск новых путей изучения и взглядов на исторические проблемы, которые казались в СССР решенными. Во-вторых, увеличение значения в исследовании Золотой Орды ученых из национальных республик РФ, особенно Татарстана. В-третьих, активный спор с положениями Л.Н. Гумилева о союзе Руси и Орды и вместе с тем большое внимание к его теории.

В 1998 г. в Саратове вышло учебное пособие для студентов исторических факультетов «Религия в Золотой Орде». В этом пособии сущность русско-ордынских отношений трактуется в соответствии с позицией официальной исторической науки 1930–1980-х гг., По мнению авторов, Золотая Орда – искусственное государственное образование, сложившееся за счет насильственного захвата земель и существовавшее благодаря жесткой эксплуатации покорённых[1]. У этой страны не было собственной культуры, поэтому ей суждено было «быть поглощенной» более развитыми культурами и мировыми религиями. Как видим, к концу 1990-х гг. растет интерес к отдельным аспектам истории Золотой Орды.

Н.С. Борисов (род. 1950) посвятил одно из своих исследований политике князей Северо-Восточной Руси в первой половине XIV в.[2] Важную роль в ней исследователь отводит Золотой Орде. Основные выводы автора заключаются в следующем. Главным средством господства Орды над русскими землями был ярлык на великое владимирское княжение. Хан Узбек в отношении северо-востока Руси придерживался политики её консолидации под властью наиболее лояльного Сараю княжеского рода. Такое сплочение способствовало бы усилению интеграции этих земель в структуру Орды, а также вовлекало в нее литовские владения и сдерживало бы экспансию Литвы на восток и юг. Политику тверских князей, отмечает историк, не стоит считать более

[1] Малов Н.М., Малышев А.Б., Ракушин А.И. Религия в Золотой Орде: учеб. пособие. Саратов, 1998. С. 36.

[2] Борисов Н.С. Политика Московских князей (конец XIII – первая половина XIV в.). М., 1999.

независимой по отношению к Орде, чем политику московских. У Твери к началу XIV в. стартовые условия для развития и объединения Руси были более предпочтительны, однако Москва сумела направить все силы для завоевания и удержания поддержки Орды и смогла это осуществить, что привело её к лидерству в деле централизации Руси. Итак, интерес к влиянию Орды на политическое развитие русских земель на новом этапе развития исторической науки только растет.

Ю.В. Кривошеев (род. 1955) в своей книге «Русь и монголы: Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII–XIV вв.» делает «попытку перейти от трактовки русско-ордынских отношений как непрерывной борьбы к трактовке, предполагающей многостороннее и многоуровневое взаимодействие»[1]. Монгольский и русский этносы, по мнению автора, были похожи в своем социальном развитии, в них большую роль играли архаические стереотипы. Контакты князей и ханов заключались не только в подчинении первых вторым, но и строились во многом на основе архаических, доклассовых структур, распространенных в обоих этносах. Эти структуры Ю.В. Кривошеев выделяет во всех сферах их взаимодействия: идее дара князя хану и ярлыка в качестве «отдарка», этикете приема в монгольской ставке, посажения князя на правящий стол ордынским послом и т.д. Все эти ритуалы и обряды, которые казались европейцам и русским унизительными, в монгольском обществе, наоборот, воспринимались как почетные и уважительные. Непонимание возникало из-за разного представления двух обществ о традициях. Вече прекращает свою деятельность из-за внутренних причин, никакого влияния ордынского владычества автор в этом процессе не прослеживает[2]. Заметим, что Кривошеев в какой-то мере близок к некоторым позициям Л.Н. Гумилёва. В своей книге автор ссылается на положения последнего без их критики, столь распространенной у других историков.

[1] Кривошеев Ю.В. Русь и монголы: Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII–XIV вв. 3-е изд. СПб., 2015. С. 106.

[2] Там же. С. 319.

Работа В.В. Похлебкина (1923–2000) «Татары и Русь: 360 лет отношений Руси с татарскими государствами в XIII–XVI вв.», хотя и несколько заострена полемически, структурно и содержательно является научной. Автор считает главной особенностью русско-ордынских отношений отсутствие их письменного оформления. Не было заключено никаких двусторонних договоров, Русь «порабощена» автоматически[1]. Князья стали лично зависеть от Орды, как крепостные, отмечает автор, привыкали к такому рабскому и уродливому положению и переносили его на свои отношения с русской знатью и народом. «Представления о нормах права... на несколько столетий были совершенно исключены из системы мышления русского народа. Его систематически приучали, воспитывали в обстановке последовательного, целеустремленного бесправия»[2]. По мнению В.В. Похлебкина, это придало развитию русской государственности уродливые, рабские черты, оказало негативное воздействие на формирование психологии русской нации. Обратим внимание, что подобный психологизм не характерен для этого этапа развития отечественного дискурсивного поля исторической мысли. На рубеже 1990-х и 2000-х гг. он был пока единичен.

А.А. Горский, один из крупнейших исследователей темы ордынского владычества в современной исторической науке, в своей монографии «Русские земли в XIII–XIV веках: Пути политического развития» отводит нашествию Батыя и зависимости Руси от Орды важную роль в обособлении русских земель друг от друга и расхождению путей их дальнейшего развития. Это стало переломной эпохой в русской истории[3]. Ордынское владычество и политика ханов, по мнению историка, сдерживали объединение Северо-Восточной Руси, но одновременно, признавая старейшинство владимирских князей, поощряли их общерусские стремления, считает историк. Один из

[1] Похлебкин В.В. Татары и Русь: 360 лет отношений Руси с татарскими государствами в XIII–XVI вв.: справочник. М., 2000. С. 40.

[2] Там же. С. 43.

[3] Горский А.А. Русские земли в XIII–XIV веках: Пути политического развития. М., 1996. С. 63.

главных выводов А.А. Горского в сфере ордынского владычества, который наиболее полно раскрыт в его работе «Москва и Орда», – Русь вплоть до Ивана III признавала власть хана законной и легитимной и не пыталась от неё избавиться[1].

До второй половины XIV в. сюзеренитет Орды над Северо-Восточной Русью никем не оспаривался, в источниках почти нет уничижительных эпитетов при упоминании ханов[2]. На ханов перенесли титул царя, который до этого применялся к византийским императорам. С началом замятни, как отмечает А.А. Горский, в Сарае сложилась иная ситуация – теперь в ней правит узурпатор Мамай, который ставит ханов по своей воле, поэтому подчиняться им не следует. Против законного же хана Тохтамыша Дмитрий Донской не выступал и готов был ему подчиняться. Историк пишет, что походы ордынцев на Русь, санкционированные ханами, всегда имели под собой конкретные причины, которые заключались в нарушении русскими князьями своих вассальных обязательств. Хану невыгодно разорять своих верных вассалов, ведь это затрудняло бы им выплату дани[3]. Таким образом, А.А. Горский весьма серьезно пересмотрел взгляд на русско-ордынские отношения только как противостояние. При этом он делает упор на то, как воспринимали ордынское владычество сами его современники на Руси.

И.Н. Данилевский (род. 1953) придерживается взгляда, что из-за ордынского владычества на Руси окончательно восторжествовал деспотический, самодержавный путь развития. По его мнению, главное влияние на развитие событий в Северо-Восточной Руси в годы нашествия Батыя оказало распространение эсхатологических ожиданий, которые снизили обороноспособность русских земель и не способствовали организации отпора захватчикам[4]. Для авторов летописей, составленных на севере Руси, спасение

[1] Горский А.А. Москва и Орда. М., 2016. С. 181.
[2] Там же. С. 84.
[3] Там же. С. 144.
[4] Данилевский И.Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.): курс лекций. М., 2001. С. 179–180.

виделось в принятии божьей кары, борьба с иноземцами казалась обреченным делом и не служила эталоном поведения христианина. Борьба с захватчиками, по мнению Данилевского, не является основной темой для летописцев того времени, они далеки от изображения народного сопротивления.

Александра Невского историк считает главным установителем ордынского владычества на Руси: «Благодаря героическим усилиям великого освободителя от крестоносного ига (которого, впрочем, никогда и не было) князя Александра Ярославича, ярмо на шею русскому народу было водружено»[1]. Для И.Н. Данилевского ордынское владычество не явилось основанием для последующего политического развития Руси, но оно стало причиной, благодаря которой окончательно победило определенное его направление. Как видим, автор радикально пересматривает привычные взгляды на ордынское владычество и роль Александра Невского в нём в сторону дегероизации и отрыва этих тем от патриотического дискурса. Вероятно, это должно, по его мнению, способствовать более плодотворному дальнейшему научному изучению данных вопросов.

В 2002 г. в России возобновляется выход «Тюркологического сборника», серийное издание которого началось в СССР в 1970 г. и шло до 1985 г. Если в советских выпусках уделялось больше внимания проблемам тюркских филологии, языкознания и литературоведения, а в разделах, посвященных истории – Новому времени, то в российских (до 2018 г. вышло 10 выпусков) главными темами стали история и этнография древних и средневековых тюрок. Немалую роль среди этих тем играют сюжеты, связанные с Золотой Ордой. Первый после долгого перерыва выпуск так и назывался «Золотая Орда и ее наследие»[2]. Почти в каждом из последующих выпусков сборника как минимум несколько статей связано с Улусом Джучи. Это показывает возросшее значение ордынской тематики для отечественной истории.

В журнале «Ab Imperio» в 2002 г. вышли материалы заочного круглого

[1] Данилевский И.Н. Русские земли… С. 215.
[2] Тюркологический сборник. 2001: Золотая Орда и ее наследие. М., 2002.

стола «От Орды к России». В его рамках обсуждались степень и роль влияния Золотой Орды на развитие Руси. М.А. Усманов (1934–2010) обращал внимание на то, что «трансляция институтов» на русские княжества происходила не напрямую от монголов, а через Золотую Орду – тюркское государство, монгольской в нем была только правящая династия[1]. Как видим, татарские историки против какого-либо отождествления Улуса Джучи с монголами. Н.Н. Крадин (род. 1962) отмечает, что с этической точки зрения монгольским завоеваниям нет оправдания, так как они губили людей и уничтожали цивилизации. Но если смотреть на макроисторическом уровне, то благодаря Монгольской империи впервые установились стабильные связи между Востоком и Западом, это пример глобализации для того времени[2]. Характерно использование современного понятия «глобализация» и для понимания процессов, связанных с Монгольской империей. А.И. Филюшкин (род. 1970) отличает довольно сильное влияние ордынского владычества на политическую систему Руси, формирование ее в русле самодержавной деспотии[3]. Мы видим широкий диапазон образов ордынского владычества у ученых, принявших участие в заочном круглом столе. Это показывает, что общий взгляд на русско-ордынские отношения, какой был в профессиональном историческом дискурсе 1930–1980-х гг., к началу XXI в. выработать не удалось. Его отсутствие обусловливает появление в следующие два десятилетия большого числа трудов, посвященных данной тематике.

К изучению истории Золотой Орды проявляли интерес ученые не только из Москвы, Санкт-Петербурга и Татарстана. В 2003 г. вышла в свет монография о политической истории этого государства до начала XIV в. волгоградского историка Е.П. Мыськова (1955–2018). Восстания покоренных народов в тылу Улуса Джучи не повлияли на подготовку похода Батыя в Центральную Европу. Если бы его армия действительно была ослаблена, это

[1] Заочный круглый стол «От Орды к России» // Ab Imperio. 2002. № 1. С. 228.
[2] Там же. С. 217.
[3] Там же. С. 231.

вторжение не состоялось[1]. Здесь Мыськов спорил с распространенным мнением советских историков о роли освободительной борьбы Руси в спасении Европы от монголов.

Два выпуска журнала «Родина» за 2003 г. были посвящены истории средневековой Руси. Треть первого выпуска отведена теме «Улус». Выбор именно этого названия, а не, к примеру, «ига» показывает неоднозначность феномена ордынского периода русской истории для редакции. Русь видится частью Золотой Орды без какой-либо трагической констатации данного факта. Остановимся на некоторых характерных статьях, в которых присутствует образ ордынского владычества. Директор Института археологии РАН Н.А. Макаров (род. 1955) осторожен в оценках того, какие из находок, отразивших факты разрушений и разорений на территории Руси XIII в., можно отнести к нашествию Батыя. Все сдвиги XIII в. не стоит поспешно относить только на счет Батыева погрома[2]. В.И. Матузова (род. 1944) полностью повторяет советский тезис о том, что папа римский хотел обратить монголов в католичество и «затем договориться с ними как с сюзеренами Руси и получить от них признание... прав на верховное управление русской церковью»[3]. Статья А.Г. Кузьмина (1928–2004) посвящена определению размеров ордынской дани. Он называет её настоящим грабежом, не оставлявшим русскому населению средств для жизни. Остается только удивляться, «как люди выживали в условиях ордынского ига»[4]. М.Г. Крамаровский (род. 1940) считает Золотую Орду отдельной цивилизационной моделью, степной империей со своими особенностями. В ее рамках возникла новая этнополитическая общность – золотоордынская[5]. Периодизацию Улуса Джучи автор дает по степени сочетания в рамках единой цивилизации оседлой и кочевой культур. Главное содержание Золотой Орды,

[1] Мыськов Е.П. Политическая история Золотой Орды (1236–1313 гг.). Волгоград, 2003. С. 36.

[2] Макаров Н.А. Русь. Век тринадцатый // Родина. 2003. № 12. С. 22.

[3] Матузова В.И. Тевтонская угроза // Родина. 2003. № 12. С. 36.

[4] Кузьмин А.Г. «Со всякие деревни по полтине...» // Родина. 2003. № 12. С. 85.

[5] Крамаровский М.Г. Великая Орда Златая // Родина. 2003. № 12. С. 66.

на его взгляд, определялось степью. М.Г. Крамаровский прослеживает связи русского и ордынского искусства и ремесла. Как видим, на страницах этих номеров «Родины» представлен широкий спектр образов русско-ордынских отношений в профессиональном историческом сознании.

У казанских историков есть свои образы, связанные с Золотой Ордой и ее ролью в политическом развитии России. Этой теме была посвящена вышедшая в 2004 г. монография И.П. Ермолаева (род. 1932) «Становление Российского самодержавия. Истоки и условия его формирования». Автор считает неправильным говорить об ордынском владычестве как «иге». Это была обычная «форма феодальной зависимости, особенностью которой является лишь то, что ее оформление связано с завоеванием»[1]. Вассальный характер подчинения Руси подчеркивается на протяжении всего труда. Золотая Орда, по мнению историка, не была отсталым и хищническим государством, существовавшим только за счет грабежа соседей. Складывание единства русских земель в XIV в. проходило под политическим и социально-экономическим влиянием ордынской державы. С точки зрения автора, Россия с середины XVI в. стала политическим наследником Золотой Орды[2] – это выражалось в стремлении получить царский титул, первые русские цари смотрели на себя как на преемников монгольских ханов. Отсюда и стремление объединить в рамках Русского государства все осколки Улуса Джучи. Характерно, что историки из Татарстана вслед за евразийцами выводят государственность России из Золотой Орды. Они видят в зависимости Руси от ханов больше положительных для ее становления черт.

На современном этапе развития отечественной исторической мысли о русско-ордынских связях продолжается публикация работ В.В. Каргалова. Особенно популярной стала его книга «Русь и кочевники»[3], впервые вышедшая в 2004 г. и затем несколько раз переизданная. Текст этой работы –

[1] Ермолаев И.П. Становление Российского самодержавия. Истоки и условия его формирования: Взгляд на проблему. Казань, 2004. С. 94.

[2] Там же. С. 292.

[3] Каргалов В.В. Русь и кочевники. М., 2008.

дословное повторение вышедших в советское время монографий автора, поэтому все его тезисы здесь приведены без изменений. Судя по тиражам и переизданиям, высказанные в работе взгляды по-прежнему пользуются спросом в научной и публицистической сферах.

В XXI в. появляются попытки слияния общественного сознания русского мира на основе идей евразийства и взаимопроникновения в них образов ордынского владычества. Примером является коллективная монография ученых из Сибирского отделения РАН и Монголии «Евразийский мир: ценности, константы, самоорганизация»[1]. Авторы в первой части работы рассматривают теоретические понятия, связанные с евразийством, а во второй ведут практические исследования соотношения западной и восточной систем ценностей современных жителей Южной Сибири, Монголии и Казахстана. В Сибири проблемы взаимоотношений леса и степи вызывают немалый интерес. Русско-ордынские связи представляют несколько меньший интерес для изучения.

Е.И. Сусенков предлагает заменить понятие «нашествие Батыя» на «русско-монгольская война», так как первое из них представляет собой «эмоционально-пассивный взгляд» на походы Батыя, который закрепился в исторической науке. «Термин “война” лишит русско-монгольское столкновение исключительности, представит его пусть как важный, но все-таки эпизод в борьбе земледельцев с кочевниками»[2]. Причины монгольских походов, по мнению автора, лежат куда глубже кровожадности или корыстолюбия кочевников – они боролись за ресурсы для своего существования. Грабеж земледельцев и экспансия на их территории были необходимым условием существования кочевой империи. Русь по итогам войны с монголами, полагает Сусенков, попала в вассальную зависимость от Орды.

[1] Евразийский мир: ценности, константы, самоорганизация / под ред. Ю.В. Попкова. Новосибирск, 2010.

[2] Сусенков Е.И. Русско-монгольская война (1237–1241 гг.). Томск, 2006. С. 89.

Д.Г. Хрусталев (род. 1973) считает время нашествия Батыя и установления ордынского владычества переломным для русской истории. На его взгляд, установление системы иноземного владычества содержало в себе много вариантов, и каждый центр Руси выбрал особый в соответствии со своим предыдущим путем развития. Итогом этого выбора стало размежевание русских земель по линии Восток–Запад. В результате Галицко-Волынское княжество вступило в союз с западными государствами, что привело к «утрате идентичности», «растворению в инородной среде» и созданию новых наций. Северо-Восточная Русь предпочла путь сотрудничества с Ордой – «путь рабской социально-политической зависимости, социально-психологической мутации под восточным влиянием»[1]. Как видим, автор вслед за историками второй половины XIX – начала XX в. пытается объяснить корни разделения единой Руси на разные части и народы влиянием Орды.

В 2005 г. в Татарстане широко праздновалось 1000-летие Казани. В честь юбилея один из номеров журнала «Родина» был посвящен данной теме. Немалое внимание в выпуске уделено русско-ордынским взаимоотношениям. В приветствии главы Татарстана М.Ш. Шаймиева указывалось, что Россия заимствовала элементы своей государственности как у Киевской Руси, так и у Золотой Орды. Из этих слов можно сделать вывод, что историей Золотой Орды современные татары подчеркивают свое особое место в русской истории.

Двойственность образа владычества Орды прослеживается в статье А.Н. Сахарова (1930–2019), в то время директора Института российской истории РАН. Сама должность автора и место его текста в начале номера делают эту статью своего рода программной для официальной исторической науки России. По мнению историка, Золотая Орда была сложным явлением, с одной стороны, «варварской империей» с тоталитарной властью и беспощадным грабежом соседей, а с другой – государством веротерпимым, умеющим использовать элиты подчиненных народов, применяющим тонкую

[1] Хрусталев Д.Г. Русь: от нашествия до «ига» (30–40-е гг. XIII в.). 2-е изд. СПб., 2008. С. 8.

дипломатию. С ослаблением восточного государства «России предстояло воспринять евразийское наследие Золотой Орды»[1].

Директор Института истории Академии наук Республики Татарстан (далее – АН РТ) Р.С. Хакимов (род. 1947) выделяет важную роль татар в русской истории: от них Россия переняла «законы, институты государственности, военное дело»[2]. Ученый называет два основных истока России: Киевскую Русь, благодаря которой было принято православие, и Золотую Орду, принесшую «дух экспансии и державности на российскую почву»[3]. Как видим, у обоих историков схожая позиция по вопросу о преемственности России от Золотой Орды. Подобная идея в XXI в. получает в профессиональном дискурсе все большее распространение.

Не ослабевает внимание профессионального исторического дискурса к влиянию ордынского завоевания на развитие Руси. Этому вопросу посвятил статью «Монгольские завоевания и формирование российской цивилизации» в 2006 г. С.А. Нефёдов[4] (род. 1951). Он изучает ордынское влияние на Русь в более широком контексте влияния Монгольской империи на все покоренные ею страны и народы, и русские земли среди них не представляют исключения. Многие детали монголы сами заимствовали у Китая, поэтому автор называет культурный круг империи Чингизидов монголо-китайским. С.А. Нефёдов упоминает исключительно монгольское влияние, но не тюркское или ордынское – Золотая Орда видится неотъемлемой частью Монгольской империи, ее достижения – дело китайской и монгольской культур. Возможно, это связано с работой автора статьи в Уральском отделении РАН и сферой интересов этого учреждения в области монгольской истории, так как рассмотрение тюркской и ордынской истории взял на себя Институт истории АН РТ. Сибирь и Урал больше сосредоточены на империи Чингисхана и

[1] Сахаров А.Н. Казань в судьбах России // Родина. 2005. № 8. С. 15.
[2] Хакимов Р.С. Два истока российской государственности // Родина. 2005. № 8. С. 45.
[3] Там же. С. 47.
[4] Нефёдов С.А. Монгольские завоевания и формирование российской цивилизации // Вопросы истории. 2006. № 2. С. 113–123.

великих ханов, а не на Золотой Орде.

В 2008 г. Институтом истории АН РТ стал издаваться ежегодный научный сборник «Золотоордынская цивилизация». Главный редактор сборника И.М. Миргалеев (род. 1976) отмечает в его первом выпуске, что термину «золотоордынская цивилизация» пока еще не придано научного значения. Авторы сборника не пытаются «во чтобы то ни стало доказать, что Золотая Орда является цивилизацией. Важно другое – поставить такой вопрос». Это важно, так как именно в ордынский период «оформился татарский народ», татарские ханства – наследие Золотой Орды, на которое целесообразно распространить оценки материнского государства[1]. Татарские ученые пришли к выводу о целесообразности использования термина «золотоордынская цивилизация» с включением в это понятие и истории татарских ханств[2].

Одна из первых по порядку статей сборника написана Р.С. Хакимовым. Автор очень высоко оценивает роль Золотой Орды в мировой истории: она обладала высочайшим уровнем культуры, являлась мостом между Западом и Востоком. Улус Джучи, подчеркивает Хакимов, был тюрко-татарским государством, монгольская культура в нем распространена только у узкого круга элиты. Золотоордынская цивилизация преобразилась в Российскую империю, это произошло из-за тесных исторических связей Москвы и Сарая[3]. Следует отметить, что татарские историки настаивают на особом значении Золотой Орды в мировой истории, перенося затем это значение на осколки данного государства, которые возникли в XV в. Главным среди наследников Сарая считается Казанское ханство, хотя напрямую об этом не говорят.

По мнению Р.Ю. Почекаева (род. 1977), специалиста по изучению права Золотой Орды, ярлык на княжение не являлся объектом продажи, он

---

[1] Миргалеев И.М. Слово редактора // Золотоордынская цивилизация: сб. ст. / ред. И.М. Миргалеев. Казань, 2008. Вып. 1. С. 5.

[2] Там же. С. 6.

[3] Хакимов Р.С. Золотая Орда как вершина тюрко-татарской цивилизации // Золотоордынская цивилизация: сб. ст. / ред. И.М. Миргалеев. Казань, 2008. Вып. 1. С. 21.

выдавался ханами наиболее легитимному по русским нормам князю. Право Золотой Орды на Руси имело ограниченную сферу деятельности, «распространялось исключительно на отношения русских правителей со своими ордынскими сюзеренами» и некоторые вопросы «государственного административного права»[1]. Автор считает право Золотой Орды развитым в первую очередь благодаря своему умению сочетать в непротиворечивой единой системе многочисленные правовые нормы, действовавшие в разных концах обширной империи. Эта способность обеспечила Улусу Джучи долгое и стабильное развитие. Можно заметить, что Золотая Орда в профессиональном дискурсе XXI в. считается все более развитым государством со сложной системой управления, она даже называется первой империей в русской истории, объединившей в своем составе различные народы и уклады жизни.

А.Ю. Карпов (род. 1960) в рамках серии «Жизнь замечательных людей» посвятил одну из своих книг Батыю. Автор счел нужным начать ее с оправдания выбора темы, ведь для русской истории его герой представляется «исключительно отрицательным персонажем». Но Батый кроме разрушений создал обширную евразийскую империю – Золотую Орду, чье влияние «ощущается в нашей жизни и по сей день, и многие родовые черты нашей государственности, политической системы, ментальности могут быть объяснены через историю вхождения русских земель» в ее состав[2]. Батый, по мнению ученого, был представителем вполне организованного кочевого общества со своей культурой. В то же время, он пишет, что нельзя впадать и в другую крайность, идеализировать отношения Руси и Орды, отрицать завоевание русских земель и ордынское владычество[3]. Как видим, автор старается дать взвешенный образ Батыя и увидеть его деятельность во всем многообразии как положительных, так и отрицательных результатов.

---

[1] Почекаев Р.Ю. Право Золотой Орды. Казань, 2009. С. 187.
[2] Карпов А.Ю. Батый. М., 2011. С. 6.
[3] Там же. С. 292.

В.Н. Рудаков (род. 1972) изучает восприятие образа ордынцев в древнерусской литературе XIII–XV вв. Нашествие монголо-татар, по его мнению, было рубежным моментом в истории средневековой Руси, как рубеж его воспринимали уже сами современники этого события. На изображение образа монголо-татар сильно повлияли провиденциализм и эсхатологические представления древнерусских книжников[1]. Историк выступает за пересмотр устоявшегося представления о том, что идея противостояния ордынцам господствовала в русской книжности с момента появления кочевников на границах Руси. Для древнерусских авторов эталоном поведения стало смирение с постигшими Русь бедствиями, описания сопротивления захватчикам ими не используются[2]. Рубежом в переосмыслении ордынского владычества на Руси стала Куликовская битва – в ее эпоху власть Орды перестает восприниматься как наказание русских за грехи, ее действия больше не связываются с божьими замыслами.

В 2009 г. в Казани вышел третий том «Истории татар с древнейших времен», полностью посвященный периоду существования Золотой Орды до середины XV в. Это первый столь подробный и обширный труд о данном государстве. Во введении научный редактор тома М.А. Усманов критиковал сложившийся в советское время взгляд на монголо-татар как кровожадных варваров, грубых дикарей, который широко распространялся по всем «советским каналам влияния» на массовое сознание и был призван «вызывать ксенофобскую неприязнь, полурасистскую ненависть и презрение к ним»[3]. Спорными авторы монографии считают и воззрения евразийцев о «мирном симбиозе» Руси и Орды: между ними были отношения вассального подчинения русских земель ханам, ведь эти территории все же стали объектом завоевания. «Улус Джучи сыграл выдающуюся роль в истории мировой

[1] Рудаков В.Н. Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII–XV в. 2-е изд. М., 2014. С. 9–10.

[2] Там же. С. 84–85.

[3] История татар с древнейших времен: в 7 т. Т. 3: Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань, 2009. С. 6.

цивилизации. События, которые сопровождали возникновение, становление и развитие этого государства, имели общемировые масштабы и последствия»[1].

Авторы «Истории татар» разбирают несколько, по их мнению, мифов, связанных с русско-ордынскими взаимоотношениями. Так, сарайский хан не имел деспотической власти, поэтому никак не мог способствовать утверждению самовластия на Руси. В Улусе Джучи была система сдержек и противовесов ханской власти, что позволяло ему долго сохранять стабильность[2]. Историки из Татарстана в данном издании подчеркивают, что Улус Джучи – татарское государство. Они как бы забывают, что в последней трети XX в. сами требовали, чтобы понятие «иго» не связывалось с этнонимом «татарское» и ставят в вину федеральному центру принижение роли татар в истории русских земель. Некоторые московские историки, замечает один из авторов монографии, перестают применять к Золотой Орде понятие «татарское», предпочитая считать его только монгольским государством. Это, с одной стороны, «реакция столичных ученых» на стремление татарской общественности избавиться от мифологемы о «татаро-монгольском иге». Но в то же время отдельные исследователи под благовидным предлогом избавления от стереотипов пытаются «лишить» татар права считаться наследниками Золотой Орды, не учитывая их этнической связи с Улусом Джучи[3]. Как видим, для современных татарских историков образ могущественной империи Золотой Орды является одной из главных основ национального самоутверждения. Преемственность от нее должна подчеркнуть значимость татар в российской и мировой истории.

Много работ русско-ордынским отношениям посвятил историк из Воронежа Ю.В. Селезнёв (род. 1975). Они являются примером рассмотрения темы с позиций нестоличной науки. По мнению исследователя, русская аристократия была включена в иерархическую систему Золотой Орды, их

[1] История татар с древнейших времен… С. 16.
[2] Там же. С. 312–313.
[3] Там же. С. 356–357.

титулы стали соответствовать друг другу: великие князья эквивалентны темникам, удельные – тысячникам[1]. В XV в. Московское государство и его правители выступают как наследники и преемники Золотой Орды, принятие царского титула обусловливается победой над Ахматом и татарскими ханствами[2]. В 2010 г. ученый издал справочник «Русско-ордынские военные конфликты XIII–XV веков»[3]. Само появление справочника, а не еще одной научной работы по теме свидетельствует о востребованности профессиональным сознанием четкого, «табличного» изложения данных для упрощения дальнейших исследований в данной области. Автор вслед за другими исследователями поддерживает мнение, что власть Орды на Руси признавалась легитимной и законной, он подчеркивает, что пользоваться ее поддержкой не считалось предосудительным.

В совместной монографии А.О. Амелькина (1961–2007) и Ю.В. Селезнёва «Куликовская битва в свидетельствах современников и памяти потомков» рассматривается отражение Куликовской битвы в источниках и исторической памяти XV–XX вв. Высоко оценивается роль сражения в истории России, окончательно утвердившего роль Москвы как лидера в объединении русских земель, ставшего «событием всемирно-исторического значения»[4]. Как видим, внимание к теме Куликовской битвы у отечественного профессионального исторического сознания не ослабевает, причем на современном этапе очень много работ посвящено рассмотрению этого события как места памяти.

Работы Ю.В. Селезнёва также посвящены изучению отношения самих современников к ордынскому владычеству[5], анализу происхождения понятия

---

[1] Селезнев Ю.В. Русско-ордынские отношения в конце XIV – первой трети XV вв.: дис. ... канд ист. наук. Воронеж, 2002. С. 43–44.

[2] Там же. С. 48.

[3] Селезнев Ю.В. Русско-ордынские военные конфликты XIII–XV веков: справочник. М., 2010.

[4] Амелькин А.О., Селезнев Ю.В. Куликовская битва в свидетельствах современников и памяти потомков. М., 2011. С. 378.

[5] Селезнев Ю.В. Полемические заметки об образе татар в русской средневековой книжности // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. СПб., 2011. № 1. С. 215–232.

«монголо-татарское иго»,[1] влиянию Орды на российскую государственность[2]. Любопытно, что возникновению и развитию термина «монголо-татарское иго» посвятили в это же время статьи В.Н. Рудаков[3] и Е.В. Нолев[4]. Эти работы показывают особенности нового взгляда и восприятия темы ордынского владычества в профессиональном историческом сознании.

Роль Куликовской битвы в общественном сознании России изучает А.Е. Петров (род. 1971). Историк считает сражение примером героического мифа, частью культурной памяти нации. В современном обществе меняется отношение к нему: если в 1880-м и 1980-м (годы юбилеев) не возникало сомнений во всемирно-исторической роли победы над Мамаем, она считалась славным и объединяющим событием, то в начале XXI в. профессионалы стали подчёркивать, что в России о нем почти ничего достоверно не знают[5].

Историю Золотой Орды изучают не только учёные из Татарстана. В 2010 г. у московского исследователя В.В. Трепавлов вышла в свет монография «Золотая Орда в XIV столетии». Автор не считал ордынское владычество на Руси «мрачным» для русской истории периодом. Так, ярлыки не являются признаком угнетенного положения Руси, их выдача была «процедурой инвеституры», которая существовала на всей территории государства Чингизидов, а выход не был беспощадным выколачиванием ресурсов из Русской земли – этот налог платило все население империи[6]. Историк отмечал, что ордынский хан на Руси в XIII–XIV вв. воспринимался абсолютно законным государем, стоявшим в иерархии выше всех русских князей. В.В. Трепавлов к достоинствам Золотой Орды относил

---

[1] Селезнёв Ю.В. Происхождение понятия «монголо-татарское иго» (терминологическая заметка) // Российская история. 2012. № 4. С. 107–110.

[2] Селезнёв Ю.В. Русь – Залесская Орда? // Родина. 2012. № 9. С. 124–126.

[3] Рудаков В.Н. Концепция ордынского «ига» и отношения с Ордой в русском общественном сознании второй половины XIII–XVI веков // Вестник МГИМО. 2012. № 4. С. 24–32.

4 Нолев Е.В. «Монголо-татарское иго»: идеологический и методологический аспекты исторического дискурса // Вестник БГУ. 2013. № 8. С. 92–96.

[5] Петров А.Е. Память о Куликовской битве как образ российских трансформаций // В мире науки. 2011. № 7. С. 77.

[6] Трепавлов В.В. Золотая Орда в XIV столетии. М., 2010. С. 10–11.

долговременное и бесконфликтное существование на огромной территории разных укладов экономики, религий и языков. То есть образ Золотой Орды меняется и в столичном профессиональном дискурсе. Она теперь рассматривается как развитое и культурное государство, со своими своеобразными чертами, умевшее объединять различные народы. Зависимость Руси от такого цивилизованного государства уже сама по себе не может иметь только отрицательные черты.

Интересует отечественных историков не только сама Золотая Орда, но и ее правители. Р.Ю. Почекаев посвятил данной теме отдельную книгу «Цари ордынские. Биография ханов и правителей Золотой Орды». По его мнению, русские князья подчинение ордынским ханам вовсе не считали зазорным. После падения Константинополя в 1204 г. на Руси не оказалось законного вышестоящего царя, и признание хана «кесарем» позволило заполнить эту лакуну, а князьям помогло смириться с потерей независимости[1]. Роль ханов XIII в. на Руси описывается только как «арбитров», они не пытались вмешаться в вопросы русского престолонаследия, чтобы поссорить претендентов для упрочения своей власти.

Одним из центров изучения русско-ордынских отношений в современной России является Бурятия. Основные взгляды ее научной школы обозначены в диссертации Е.В. Нолева (род. 1987) «Современная историография взаимоотношений Руси и Золотой Орды (Улуса Джучи)». Автор отмечает, что исследователи из Бурятии изучают прежде всего историю и влияние средневекового монгольского мира на судьбы Евразии, в ордынском влиянии на Русь они видят элементы Монгольской империи, тогда как историки из Татарстана рассматривают Золотую Орду как тюркско-татарское и мусульманское государство. Историк подробно анализирует влияние монгольских черт на Золотую Орду и критикует татарских

[1] Почекаев Р.Ю. Цари ордынские. Биография ханов и правителей Золотой Орды. 2-е изд. СПб., 2012. С. 5.

исследователей за игнорирование монгольского наследия в Улусе Джучи[1].

Налицо своеобразная конкуренция в трактовке сущности Золотой Орды и ее вклада в мировую историю. Е.В. Нолев, к примеру, не делает конкретного вывода о наличии отдельной золотоордынской цивилизации. Разные векторы изучения, на наш взгляд, связаны с географическим и этнополитическим факторами. Бурятия ближе к Монголии, там более явно прослеживается монгольское влияние. Татарстан считает себя наследником Золотой Орды, но не как преемника Монгольской империи, а как самодостаточной цивилизации с уникальной и не похожей ни на что культурой.

Ю.В. Селезнёв в своей докторской диссертации «Русские князья в политической системе Джучиева Улуса (Орды)» рассматривает разные определения для русско-ордынских отношений: он не вполне удовлетворен применением к ним понятия «вассальные», так же, как и термина «протекторат». Перебирая все возможные определения для их обозначения, автор останавливается на понятии «иго» – только это слово наиболее полно и точно позволяет учесть специфику явления, не имеющего аналогов в истории. Но применять его лучше с государственно-политической точки зрения, как «ордынское иго»[2].

Таким образом, некоторые современные историки при характеристике русско-ордынских отношений отдают предпочтение не понятиям из европейской истории, а привычным и устоявшимся наименованиям. Это свидетельствует, видимо, о неудаче попыток 1990–2000-х гг. подобрать к этому явлению новые определения. Отечественная историческая наука не может выдвинуть новые четкие и непротиворечивые формулировки, поэтому вынуждена обращаться к старым.

Б.Р. Рахимзянов (род. 1976) исследует дипломатические контакты

[1] Нолев Е.В. Современная историография взаимоотношений Руси и Золотой Орды (Улуса Джучи): дис. ... канд ист. наук. Улан-Удэ, 2013. С. 36–38.

[2] Селезнёв Ю.В. Русские князья в политической системе Джучиева Улуса (Орды): дис. ... д-ра ист. наук. Воронеж, 2014. С. 95–98; 395–396.

Московии и позднезолотоордынских государств в XV–XVI вв.[1] Золотая Орда, по его мнению, являлась полноценной империей Средневековья и оставила значительный след в мировой истории. Русские земли входили в нее на условиях вассальной зависимости. Спектр взаимоотношений Орды и Москвы, отмечает историк, куда шире, чем простое противостояние – это были прагматические связи, в том числе и дружественные.

Свою работу «Золотая Орда. История в имперском контексте» Р.Ю. Почекаев посвятил изучению Золотой Орды как части Монгольской империи[2]. Автор склоняется к тому, что Улус Джучи был не замкнутой, самодостаточной цивилизацией, а органичной частью единой Монгольской империи и ее имперской системы. Ставить вопрос о Московском государстве как наследнике Золотой Орды, по мнению автора, некорректно – русские земли никогда не входили непосредственно в ее состав, на Руси были свои традиции управления и нормы права. Заимствованные у Орды институты в России никогда не преобладали над национальными, московские государи не претендовали на наследие Чингизидов[3]. Как видим, российские столичные историки, в отличие от татарских ученых, не поддерживают полное отождествление России с Ордой, хотя и признают влияние последней.

Т.Р. Галимов изучил положение русской церкви во второй половине XIII в. и ее связи с Золотой Ордой[4]. Он критикует дореволюционную и советскую историческую науку за изображение Орды как варварского государства, целиком построенного на насилии. Историк считает, что позиция русского духовенства благоприятствовала владычеству Сарая, в обмен на это церковь получила обширные льготы. Но татарский ученый не видит здесь ничего предосудительного, наоборот, православные иерархи в очень сложный для Руси период смогли сохранить и приумножить силу своей организации,

[1] Рахимзянов Б.Р. Москва и татарский мир: сотрудничество и противостояние в эпоху перемен, XV–XVI вв. СПб., 2016.

[2] Почекаев Р.Ю. Золотая Орда. История в имперском контексте. СПб., 2017.

[3] Там же. С. 152–153.

[4] Галимов Т.Р. Киевские митрополиты между Русью и Ордой (вторая половина XIII в.). Казань, 2019.

стали своеобразным мостом, каналом связи между Ордой и Русью.

В последние годы в дискурсивном поле профессиональной исторической науки стали появляться труды, направленные на критику новых взглядов и теорий о сущности ордынского владычества и роли отдельных деятелей русской истории в данный период. Одной из таких работ является монография В.В. Долгова[1] (род. 1972) «Феномен Александра Невского. Русь XIII века между Западом и Востоком», направленная на «защиту» Александра Невского. Историк не видит глобального влияния монгольской культуры на русскую. Из всех видов зависимости «иго» было наиболее легким, насколько эта характеристика вообще может применяться к господству чужеземцев, и деятельность Александра Невского способствовала реализации именно его, а не худшего сценария подчинения[2]. Отметим, что объединение в книге В.В. Долгова нашествия Батыя и угрозы Руси с Запада напоминает советскую тенденцию приравнивания опасности этих двух событий для русской истории.

В 2020 г. издана монография И.Я. Фроянова (1936–2020) «Нашествие на русскую историю», которая посвящена критике взглядов авторов, противоречащих официальным в советской науке трактовкам русско-ордынских отношений. По мнению историка, нашествие Батыя и ордынское «иго» (ученый выступал против замены этого термина другими) сыграли отрицательную роль в истории России, русский народ всегда сопротивлялся захватчикам, никакой покорности ордынцам не было. Любое мнение, где не превозносилась бы народная борьба и роль Руси в спасении Европы от монголов, И.Я. Фроянов считает дегероизацией русской истории и искажением прошлого. Россия действительно спасла Европу от монголов своей «героической борьбой», но Европа этого не оценила, никогда не «была благодарна России за содеянное в её интересах благо»[3].

Столь острую реакцию отдельных историков на новые концепции и

[1] Долгов В.В. Феномен Александра Невского. Русь XIII века между Западом и Востоком. М., 2020.

[2] Там же. С. 176.

[3] Фроянов И.Я. Нашествие на русскую историю. СПб., 2020. С. 292.

взгляды относительно ордынского владычества можно объяснить постепенной политизацией данной темы. Обращение к советским образцам свидетельствует об отсутствии в последние десятилетия единой и непротиворечивой теории, объясняющей сущность русско-ордынских отношений и феномена ордынского владычества. Научных трудов по теме выходит очень много, но все они исследуют отдельные детали. Историки не способны договориться о том, чьё влияние на Золотую Орду считать преобладающим – тюркское, монгольское, мусульманское и т.п. Сложен вопрос о понятии «вассалитет» применительно к зависимости русских земель от сарайских ханов. На этом фоне простые, ясные и, что немаловажно, патриотичные советские тезисы начинают обретать новую популярность.

Отечественная энциклопедистика с 1990-х гг.[1] повторяет тенденции в изображении ордынского владычества, которые мы наблюдали в научных монографиях. В энциклопедиях Золотая Орда освещается с нейтральной позиции. Много внимания уделяется описанию культурного влияние и связей Орды с Востоком. Подразумевается, что данные контакты могли быть полезны и для Руси. Отношения зависимости русских князей описываются без резких оценок. Деятельность православной церкви в период ордынского владычества оценивается положительно. Авторы признают негативное влияние Орды на развитие Руси, но теперь подчеркивают, что страдали все слои населения, а не только простые люди. Кроме того, начинается выделение и положительных сторон ордынского правления. Таким образом, современный подход напоминает взгляды, представленные в изданиях 1920-х – начала 1930-х гг. Однако, в отличие от советских энциклопедий, которые делали акцент на классовых и других конфликтах в период зависимости Руси от Орды, современные издания стараются смягчить эти противоречия.

[1] Отечественная история: История России с древнейших времен до 1917 года: энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. В.Л. Янин. Т. 3: К – М. М., 2000; Большая российская энциклопедия: в 30 т. / отв. ред. С.Л. Кравец. Т. 10: Железное дерево – Излучение. М., 2008; Большая российская энциклопедия: в 30 т. / отв. ред. С.Л. Кравец. Т. 20: Меотская археологическая культура – Монголо-татарское нашествие. М., 2012.

Итак, историческая наука в России с 1991 г. отличается многообразием образов ордынского владычества. На их широту влияет как отсутствие единых идеологических и теоретико-методологических установок, так и интересы региональных интеллектуальных элит. Меняется отношение к Золотой Орде. Особое внимание уделяется ее многонациональному характеру, что важно и для современной России. Понятие «иго» постепенно уходит из научного дискурса, все чаще по отношению к ордынской зависимости применяется категория «вассалитета». Акцент делается на личностные, а не только государственные взаимосвязи Руси и Орды. Сохраняется также советский взгляд на ордынскую зависимость, причем его популярность к 2020-м гг. растёт, что является реакцией на текущие общественно-политические события. Помимо столичных, появляются региональные школы научного изучения Золотой Орды. Между ними, особенно центрами изучения, расположенными в Татарстане и Бурятии, ведутся споры о соотношении тюркского и монгольского элементов в этом государстве.

Историки ищут новые пути изучения вопросов ордынского владычества. Плодотворно рассматривается восприятие власти Орды ее русскими современниками, все больше применяются методы интеллектуальной истории и попытки системного анализа феномена зависимости Руси от Орды. Столичные историки стараются уйти от качественных оценок значения владычества кочевников в русской истории, авторы из национальных республик начинают все выше оценивать образы Золотой Орды и Монгольской империи в российской и мировой истории.

3.2 Современное массовое сознание в России об отношении к ордынскому владычеству

Художественная литература об ордынском владычестве с конца 1980-х гг. характеризуется снижением своего качества. Вместо скрупулезного внимания к исторической достоверности и попыток понять реальную логику

происходящего в средневековой Руси, чем отличались многие произведения 1930–1980-х гг., современные авторы зачастую излишне беллетризируют события прошлого в попытках сделать свои книги более интересными ради их коммерческого успеха.

В книге В.С. Кудинова (род. 1940) «Неволя»[1] (1989 г.) события происходят в 1350–1370-е гг. практически полностью в Золотой Орде и описывают жизнь московского тиуна Михаила Ознобишина. Изначально он попадает в Сарай пленным рабом, но в результате счастливого стечения обстоятельств и своих способностей улучшает свое положение. Он помогает нескольким знатным бекам, становится управителем усадьбы одного из них. Между Михаилом и дочерью его хозяина Джани вспыхивает любовь, хотя оба они принадлежат к разным верам и у Ознобишина на Руси осталась семья. В итоге после многих интриг и приключений главный герой возвращается домой.

Как видим, роман В.С. Кудинова относится к числу первых работ, написанных в жанре «легкой», развлекательной литературы об ордынском владычестве. Практически все его персонажи вымышлены писателем, жизнь главного героя в Золотой Орде скорее похожа на романтическую сказку, чем на попытку описать реальные исторические события, от которых взяты лишь основные образы, уже укоренившиеся в общественном сознании. Одной из главных тем в книге становится возможность мирного взаимодействия русских с Ордой. Русско-ордынские отношения теряют исключительно конфронтационный характер.

Книга И.Н. Лощилова (род. 1935) «Свержение ига» (1998 г.) посвящена событиям 1470-х гг., связанным с освобождением Руси от ордынского владычества. Хан Ахмат в романе показан суровым степным воином, не склонным к долгому обдумыванию своих действий, жестоким в гневе. В 1480 г. он считает, что «московиты» уже давно отданы под власть Орды и им надо только продемонстрировать ее силу, чтобы вновь подчинить своей

[1] Кудинов В.С. Неволя: исторический роман. М., 1996.

власти[1]. Итак, главной целью автора было доказать, что ордынское «иго» на Руси завершилось вовсе не само по себе. На Угре в 1480 г. произошла настоящая, упорная битва, отметившаяся героическими подвигами русских ратников и умелыми полководческими действиями Ивана III. В «Свержении ига» основным мотивом русско-ордынских отношений является противостояние, подчеркивается подвиг русских людей в освобождении от ордынской зависимости. В это противостояние автор вписывает и опасность для Руси со стороны Запада.

Несколько произведений, посвященных московским князьям эпохи ордынского владычества, в 1990-е гг. написал Б.В. Дедюхин (1931–2005). В качестве примера рассмотрим два из них: «Василий, сын Дмитрия» (1995 г.) и «Крест» (в соавторстве с О.Н Гладышевой, 1998 г.). Роман-дилогия «Василий, сын Дмитрия» описывает судьбу московского князя Василия I в первую половину его жизни (1370–1390-е гг.)[2]. Золотая Орда и её власть над Русью автором характеризуются негативно. Всё, что пришло вместе с «поработителями», русским казалось дурным: «Наверное, всем русским детям с пеленок внушались тогда ужас и отвращение к страшному... Бабай-аге», уносившему их в татары, что ещё раз показывает степень ненависти к степным властителям на Руси[3].

Сарай описывается как варварская, чуждая и опасная для русских земля, в которой отсутствуют законность и порядок[4]. Сами ордынцы кроме войн и грабежей ничем не занимаются, они показаны в романе надменными и злобными, постоянно вымогают подарки, грубы и не заботятся о своей гигиене. Вместе с тем Василий, проведя немало времени в Орде, привык к степи, начинает ее понимать и улавливать красоту этого региона. Степи, заметим, но не ее обитателей, к которым у автора отношение неизменно

[1] Лощилов И.Н. Свержение ига: исторический роман. М., 1998. С. 291–292.

[2] Дедюхин Б.В. Василий, сын Дмитрия: роман-дилогия. Кн. 1: Свеча негасимая. М., 1995; Он же. Василий, сын Дмитрия: роман-дилогия. Кн. 2: В братстве без обиды. М., 1995.

[3] Там же. Кн. 1. С. 143.

[4] Там же. С. 263.

отрицательное. Витовт в тексте осуждает европейцев за то, что и в XIII в., и в его время вместо организации похода против Орды они нападали на ослабленную Русь и пытались ее захватить.

В романе О.Н. Гладышевой и Б.В. Дедюхина «Крест»[1], действие которого происходит в 1326–1359 гг. и объединено фигурой Ивана II Красного, вопросам, связанным с ордынским владычеством на Руси, уделено мало внимания, хотя многие из событий книги разворачиваются в Золотой Орде. В произведении несколько мелодраматических любовных линий, едва ли возможных в реалиях XIV в. Интересной чертой романа «Крест» является интерес к исламу. Когда действие происходит при дворе ордынских ханов, в тексте часто цитируются суры Корана. Ссылки на Коран присутствовали и у И.Н. Лощилова. Митрополит Феогност во время прений о вере с мусульманским муллой в Орде уклоняется от спора, считая его бесполезным в вопросах религии, и мирно расходится со своим визави[2]. Все это показывает возрастающий в российском общественном сознании интерес к мусульманской культуре, через которую начинает рассматриваться Восток, причем она не видится однозначно конфликтной православию.

В XXI в. новой художественной литературы по теме ордынского владычества появляется сравнительно немного. Это связано и с падением массового читательского интереса к печатным романам, и с отсутствием ярких авторов, пишущих на исторические темы, особенно связанные со средневековой Русью. Для примера возьмем роман довольно популярной писательницы Н.П. Павлищевой (род. 1955) «Дмитрий Донской» (2009 г.)[3]. В ее книге можно встретить новые характерные черты эпохи Дмитрия Донского: сильно снижен пафос освободительной борьбы против ордынского владычества; Джанибек показан разумным ханом, с которым московские князья сумели установить дружеские отношения. Во время замятни в Орде,

[1] Гладышева О.Н., Дедюхин Б.В. Крест: роман в 2 т. М., 1998 Т. 1; Они же. Крест: роман в 2 т. М., 1998. Т. 2.

[2] Гладышева О.Н., Дедюхин Б.В. Указ. соч. Т. 2. С. 337–338.

[3] Павлищева Н.П. Дмитрий Донской. М., 2009.

когда начались не подконтрольные Сараю разбойные набеги на русские земли, русичи мечтают об установлении в степи крепкой власти, которая бы это прекратила. Описание Сарая дано нейтрально, уделено внимание его диковинкам и отличиям от русского города.

Таким образом, современные авторы по-новому расставляют акценты в эпизодах, посвященных ордынскому владычеству. Их почти не интересуют вопросы, связанные с православной верой того времени и ее влиянием на отношения с Ордой. Немного внимания отводится описаниям борьбы жителей Руси против иноземных захватчиков. Авторов больше интересуют эмоции и переживания исторических персонажей, их любовные линии. Идет, по сути, беллетризированный пересказ исторических событий.

Одним из самых популярных современных авторов, пишущих на русском языке, до 2020-х гг. являлся Борис Акунин[1]* (род. 1956). В рамках серии публицистических книг о русской истории «История Российского государства» он выпускал художественные произведения по каждому из рассматриваемых периодов. Эпохе зависимости Руси от Орды посвящены две повести – «Звездуха»[2] и «Бох и Шельма»[3], изданные впервые в 2014 г.

Главным героем «Звездухи» является монгольский десятник Манул, действие разворачивается в 1237–1239 гг. вокруг вымышленного города Свиристеля, расположенного на окраине Рязанского княжества. Манул показан не злым человеком. За проявленную при штурме Свиристеля храбрость его назначают сотником и оставляют восстанавливать отряд в окрестностях сожженного города. Постепенно Манул налаживает жизнь доверенных ему владений. Он убеждает крестьян вернуться к своей обычной жизни. За год жители привыкли к новым порядкам и не сопротивляются им, тем более что в обычаи и внутренние дела подвластных сотник не вмешивается. Манул постепенно, без всякого насилия приучает дочь

[1]* Внесен в реестр террористов и экстремистов Росфинмониторинга, признан иностранным агентом.

[2] Акунин Б. Звездуха: повесть. М., 2019.

[3] Акунин Б. Бох и Шельма: повесть. М., 2018.

погибшего свиристельского князя Филу к себе. У них появляется ребенок и тесная семейная связь. Фила «омонголивается», но и Манул в совместной жизни с ней «стал немножко русским»[1].

Другой сюжетной линией в «Звездухе» является жизненный путь брата Филы Солония после того, как благодаря сестре он спасся из монгольского плена. Княжич решает отомстить Манулу за смерть родителей и сестру. Но к его призывам бороться с монголами никто не присоединяется, люди, вопреки ожиданиям Солония, вовсе не измучены неволей, их жизнь вернулась в норму. В одном из селений жители решили даже сдать мстителя татарам[2]. Разозлённый княжич начинает презирать и ненавидеть население, не желающее бороться против захватчиков. В конце повести княжич добирается до сотника и выстрелом издалека убивает Манула, когда тот прощается со своей семьей перед новым походом. Фила сильно опечалена и называет брата убийцей. Солоний в ярости убивает её, так как видит, что она стала чужой[3]. Итак, у Б. Акунина, возможно, впервые в отечественной художественной литературе образ ордынца показан куда положительнее, чем героя, который пытается бороться с иноземной зависимостью. Мы видим, что борьбу Солония никто не поддерживает, он один готов мстить монголам, поскольку полностью потерял свою семью и прежнее положение, тогда как для низших слоев населения жизнь с приходом кочевников изменилась мало.

В повести «Бох и Шельма» теме ордынского владычества уделено куда меньше внимания. По жанру произведение относится к плутовскому роману, в нем рассказывается о похождениях хитроумного плута и мошенника Яшки Шельмы в 1380 г. Сарай и ордынская власть описываются Шельмой так: «И чего русским под татарами не живется? Основательный народ… А сейчас начнется война – города и села сгорят, крестьяне разбегутся по лесам, покроются поля мертвыми телами»[4]. Как новгородец Шельма не слишком

[1] Акунин Б. Звездуха… С. 227.
[2] Там же. С. 244.
[3] Там же. С. 252–253.
[4] Акунин Б. Бох и Шельма… С. 153.

печалится о походе Мамая, ведь он затевается против Москвы. Защитники Руси, собирающиеся на Куликово поле, показаны несколько комично, в таком же контексте упоминается один из героев того времени – Сергий Радонежский. Героический пафос решающего сражения с Ордой автором весьма снижен. Вообще произведения Бориса Акунина об ордынской зависимости отличаются почти полным отсутствием героико-патриотической тематики. Власть Орды показана не столь трагичной для истории Руси.

Перейдем к анализу образов ордынского владычества в отечественном кинематографе. Его влияние на массовое общественное сознание с распадом СССР ничуть не уменьшилось. Если у советских фильмов важной, если не главной функцией была воспитательная – кино давало архетипы положительных и отрицательных персонажей, примеры правильных и неправильных поступков, то у современного кино на первом месте стоит задача развлечь зрителя. Долгое время тема зависимости русских княжеств от Золотой Орды находилась вне поля зрения отечественных кинематографистов. В 1990-е гг. сложно выделить фильмы, где данному вопросу уделялось сколь-нибудь достаточное внимание. Это, по-видимому, связано с отсутствием у широких зрительских масс интереса к событиям времен ордынского владычества и неспособностью режиссеров этот интерес развить.

Ситуация начала меняться лишь с конца 2000-х гг. Это обусловлено активным использованием бывшими советскими республиками, прежде всего Казахстаном, образов монгольской империи и фигуры Чингисхана в конструировании национальной идентичности. О становлении в монгольских степях Тэмучина, испытаниях, которые ему пришлось пройти на пути к величию, рассказывает фильм С.В. Бодрова (род. 1948) «Монгол»[1]. Он повествует о событиях конца XII в., поэтому ничего не может дать к анализу образа Орды над Русью. Однако с него, на наш взгляд, началось возрождение интереса кинематографа к «степной» тематике, что в 2010-е гг. выльется в

[1] Монгол: [кинофильм] / реж. С.В. Бодров. 2007. URL: https://www.kinopoisk.ru/film/84675/ (дата обращения: 25.02.2023).

несколько фильмов, в которых присутствует образ Золотой Орды.

В 2009 г. в России А.С. Борисовым (род. 1951) был снят ещё один фильм, посвященный молодости Тэмучина и его борьбе за власть – «Тайна Чингис Хаана»[1], ставший первой полномасштабной лентой якутского кино. В фильме идет осуждение межплеменных усобиц монголов. Это должно вызвать симпатию к Тэмучину, вся деятельность которого направлена на объединение монголов и прекращение распрей среди них. Ему в этом помогает христианский монах-миссионер отец Иоанн, который в одной из битв спасает главного героя от гибели. Отметим, что в обоих российских фильмах конца 2000-х гг. о Чингисхане образ средневековых монголов получился человечным, они выглядят жестокими, но одновременно любят своих близких. В финальных титрах «Тайны Чингис Хаана» указано, что съемкам помогали многие национальные республики Российской Федерации, среди них Тыва, Бурятия, Республика Алтай, Хакасия, Башкирия, Калмыкия. Можно предположить, что в данной киноленте отразилось восприятие образа Чингисхана, присутствующего в этих российских регионах.

Картина А.А. Прошкина (род. 1969) «Орда»[2] рассматривает не пользующийся большой популярностью в художественном сознании период русско-ордынских отношений – середину XIV в. Практически все ее экранное время отводится действию внутри Золотой Орды. Большое внимание в киноленте уделяется ордынским обычаям и нравам. В Сарае, независимо от статуса гостя, нарушение установленных правил поведения недопустимо. Когда же ордынские послы демонстративно въезжают в православный храм во время богослужения, никто не осмеливается их остановить или сделать замечание. Это создает у зрителей ощущение полной покорности перед Золотой Ордой, внушает мысль о бесполезности и опасности любого сопротивления. Примером такого подчинения служит поведение князя Ивана

[1] Тайна Чингис Хаана: [кинофильм] / реж. А.В. Борисов. 2009. URL: https://www.kinopoisk.ru/film/397544/ (дата обращения: 24.02.2023).

[2] Орда: [кинофильм] / реж. А.А. Прошкин. 2012. URL: https://www.kinopoisk.ru/film/533055/ (дата обращения: 16.02.2024).

Красного, когда к нему в Москву прибывают ханские послы с требованием отправить митрополита Алексия в Сарай для лечения матери хана. Возможно, эта демонстрация покорности, а не сопротивления, объясняется тем, что фильм «Орда» был снят кино-телекомпанией «Православная энциклопедия», созданной по благословению Патриарха Московского и всея Руси Алексия II[1]. Известно, что Русская православная церковь в течение длительного времени придерживалась позиции пассивного принятия зависимости от Орды.

Режиссер «Орда» показывает жизнь степного государства неоднозначной. С одной стороны, мы видим постоянное проявление жестокости и покорности. С другой стороны, ордынцы способны на сострадание и благодарность, а их действия, даже самые жестокие, подчиняются определенной логике, а не просто жажде крови. Значительное внимание в фильме уделено междоусобным войнам в Золотой Орде. Подход к этой теме претерпел изменения: если раньше в кино акцентировались только братоубийственные конфликты на Руси, мешавшие сопротивлению Орде, то теперь подобные проблемы характерны для самой Орды. Это, вероятно, подчеркивает некоторую общность исторических судеб Руси и Золотой Орды, а также демонстрирует разрушительное влияние раздоров и отсутствия единства как явлений, ослабляющих государство.

Можно прийти к выводу, что кинолента А.А. Прошкина делает образ ордынцев более близким и понятным зрителю. Несмотря на то, что фильм был создан православной кинокомпанией, было бы преждевременным считать, что он полностью передает «официальную позицию» Русской православной церкви по поводу отношений Руси и Орды в XIV в. Режиссер, съемочная группа и актеры являлись людьми, далекими от церковной жизни, и при создании фильма о подвиге митрополита Алексия и силе веры они собственным видением, а не строгим следованием церковным канонам.

[1] Будет создана теле- и кинокомпания «Православная энциклопедия» / МОСКВА, 28 нояб. – РИА Новости. URL: https://ria.ru/20051129/42259308.html (дата обращения: 20.02.2023).

Фильм Д.Х. Файзиева (род. 1961) «Легенда о Коловрате»[1] рассказывает о подвиге рязанского воина Евпатия Коловрата в ходе нашествия Батыя на Северо-Восточную Русь. Войско Батыя в картине показано как жестокий и безжалостный враг. Помимо жестокости, монголам присуща бесчестность. Батый решил обманом убить рязанских послов, которых перед этим пригласил за обеденный стол – на гостей нападают сзади. До этого хан, отвечая на вопрос, зачем он пришел, говорит, что хочет повелевать всеми русскими землями. Это подается без каких-либо объяснений или мотивации, как само собой разумеющееся. Иной роли, кроме захватчиков, создатели фильма для ордынцев не видят. Также монгольские воины суеверны, трусливы и весьма неумелы в бою. Побеждают они или при большом численном перевесе, или с помощью осадных орудий. Характерной деталью ордынцев в «Легенде о Коловрате» является наличие в их антураже довольно большого количества китайских черт. В советских кинокартинах это отражалось лишь в одежде персонажей. По мнению обозревателей, лента Д.Х. Файзиева, отличается большим числом заимствований из китайского кинематографа[2].

Фильм, снятый в жанре боевика и фэнтези, изначально снимался для получения прибыли. Это обусловливает вольность при отражении исторических событий: ради «красивой картинки» и привлечения интереса зрителей создатели фильма могли пренебрегать реалиями изображаемого времени. Для подобных кинолент более важно создать на экране узнаваемый образ событий и персонажей, которые задействованы в картине. Такие произведения зачастую не вводят в дискурсивное поле какие-либо новые образы или их характеристики, а пользуются стереотипами, уже сложившимися в общественном сознании.

Сериал Т.А. Алпатова (род. 1977) «Золотая Орда»[3] на первый взгляд не

---

[1] Легенда о Коловрате: [кинофильм] / реж. Д.Х. Файзиев. 2017. URL: https://www.kinopoisk.ru/film/844118/ (дата обращения: 21.02.2023).

[2] Клим Жуков о фильме «Легенда о Коловрате»: [видеоматериал]. URL: https://oper.ru/video/view.php?t=2468 (дата обращения: 25.02.2023).

[3] Золотая Орда: [художественный сериал] / реж. Т.А. Алпатов. 2018. URL: https://www.kinopoisk.ru/series/780307/ (дата обращения: 26.02.2023).

может дать практически ничего к анализу образа ордынского владычества над Русью, ведь его создатели прямо подчеркивали: «Мы не реставрируем исторический период, не претендуем и не ставим своей целью полное соответствие исторической действительности»[1]. Каждая серия открывается заявлением об отсутствии задачи «реконструкции исторических событий эпохи монголо-татарского ига». Тем не менее, использование термина «иго» – явно оценочного понятия – выдает отношение авторов к изображаемому периоду, несмотря на их формальное дистанцирование от этого.

Сериал выделяется необычным подходом к изображению Золотой Орды. Вместо привычного образа поработителя и угнетателя Руси, акцент сделан на конфликтах русских войск с половцами, представленными как главные враги и разорители русских земель. Примечательно, что половцы, именуемые в Орде «кипчаками», враждебны и самим ордынцам. Эта общая угроза со стороны половцев косвенно сближает Русь и Орду. Возможно, половцы введены в сериал как воплощение «вселенского зла», в то время как отношения между Русью и Ордой не выглядят антагонистическими. За весь сериал русские лишь однажды поднимают руку на ордынцев – это происходит в Сарае, когда пленные пытаются сбежать. Образ ордынского правителя Берке, созданный Т.А. Алпатовым, вызывает скорее уважение, чем страх, хан не предстает злодеем. Хотя зависимость Руси от Сарая упоминается на протяжении всего сериала, ее конкретные проявления на экране редки, в основном они показаны в первых двух сериях.

Отношения Золотой Орды и Руси в «Золотой Орде» представлены вполне добрососедскими. Русские пленные, отправленные на строительство Сарая-Берке, не выглядят как сильно угнетенные. В отличие от драматичного изображения в фильме «Орда» А.А. Прошкина, где пленные страдали от голода, непосильного труда и насилия, в сериале они выглядят вполне благополучно: прилично одеты, не голодают и не скованы. Это создает

[1] Сериал Золотая Орда // Вокруг ТВ. URL: https://www.vokrug.tv/product/show/zolotaya_orda/. (дата обращения: 26.02.2023).

впечатление, что Золотая Орда служит скорее фоном для сюжета, который мог бы разворачиваться и в других исторических декорациях. Тем не менее, выбор именно Золотой Орды как места действия свидетельствует о растущем интересе современных кинематографистов к средневековой русской истории.

Снятый в 2024 г. фильм «Злой город»[1] посвящен обороне Козельска от войска Батыя в ходе его похода на Северо-Восточную Русь. В нем более подчеркнут героико-патриотический элемент. Основное внимание создатели фильма уделили изображению борьбы русичей с захватчиками. Монголы представлены как безжалостные разорители русской земли и насильники ее жителей. Сопротивление им объединяет все слои населения, даже банда разбойников присоединяется к защитникам Козельска, искупая этим свои прошлые грехи. Осуждается предательство этой борьбы или желание скрыться от нее. Но отношения Руси со степью представлены режиссером многомерно. Половец Амет, вынужденный служить монголам, является по сюжету побратимом козельского воеводы. Во время последней вылазки защитников он присоединяется к своему названому брату и гибнет вместе с воеводой от рук монголов. Как видим, под влиянием современных общественно-политических событий тема ордынского владычества возвращает себе патриотическое звучание, которое преобладало в ней в советском массовом сознании.

В современной российской мультипликации исторические сюжеты не получили широкого распространения. Российские анимационные студии, такие как «Татармультфильм», потенциально заинтересованные в темах, связанных с Золотой Ордой, предпочитают создавать мультфильмы на вневременные сюжеты. В этой ситуации альтернативным источником представления исторических образов в мультипликации стала православная церковь. Примером являются работы С.А. Подивилова (род. 1967) «Твой

[1] Злой город: [кинофильм] / реж. К.В. Буслов. 2025. URL: https://www.kinopoisk.ru/film/1237984/ (дата обращения: 13.04.2025).

крест»[1] и «Пересвет и Ослябя»[2], которые связывают русско-ордынские отношения с христианскими притчами и проводят тезис о важной роли веры в исторических событиях. Светские современные мультфильмы[3] не акцентируют внимание на борьбе с Ордой и ее гнете над русскими землями, предпочитая показывать или их равные отношения, или превосходство Руси над степью.

Рассмотрим образы ордынского владычества, сложившиеся в публицистике 1990-х – начала 2020-х гг. Публицист и литературовед В.В. Кожинов (1930–2001) уделил внимание ордынскому владычеству в своей работе «История Руси и русского слова» (1997)[4]. По его мнению, предвзятое мнение о Монгольской империи сложилось на Западе и попало в Россию только в XVIII в. На самом деле держава Чингисхана была высокоразвитым государством со сложной социальной структурой, терпимой, в отличие от западных империй, к иным народам[5]. На Руси XIII–XVII вв., подчеркивал учёный, зависимость от Монгольской империи описывали положительно и не считали чем-то позорным. Куликовская битва была выступлением против самозванца Мамая, вступившего в союз с Западом, а вовсе не стремлением освободиться от Золотой Орды. В XV в. Русь переняла у Монгольской империи власть над Евразией и стала вновь собирать ее наследие[6]. В.В. Кожинов, как видим, в 1990-е гг. был видным популяризатором идей евразийцев и Л.Н. Гумилёва.

С 1990-х гг. в отечественной исторической публицистике все большую популярность получают работы жанра фолк-хистори, авторы которых

---

[1] Твой крест [мультфильм] / реж. С.А. Подивилов. 2007. URL: https://azbyka.ru/video/tvoj-krest/ (дата обращения: 20.11.2024).

[2] Пересвет и Ослябя [мультфильм] / реж. С.А. Подивилов. 2010. URL: https://azbyka.ru/video/oslyabya-i-peresvet/ (дата обращения: 20.11.2024).

[3] См.: Гора самоцветов – По колено ноги в золоте, по локоть руки в серебре [мультфильм] / реж. С.В. Гордеев. 2013. URL: https://azbyka.ru/video/multfilmy-iz-cikla-gora-samocvetov/#video62 (дата обращения: 20.11.2024).

[4] При переиздании книга стала носить название «Правда против кривды»: Кожинов В.В. Правда против кривды. М., 2006.

[5] Там же. С. 375–377.

[6] Там же. С. 67; 71.

стремятся переписать события прошлого в соответствии с придуманными ими концепциями. Эпоха ордынского владычества среди них занимает не последнее место. Утверждения о нем зачастую базируются на идеях Л.Н. Гумилёва о союзе Руси и Золотой Орды. Так, К.А. Пензев (1965–2015) считал Орду регулярной русской армией, а ее «иго» – военной диктатурой. Они были созданы для защиты Руси от западного натиска и освоения степных районов. Батый и монголы выступают простыми наемниками, которых некоторые русские князья и православная церковь пригласили для организации этой армии и системы сбора налогов на ее функционирование[1]. А.В. Пыжиков (1965–2019) полагал, что нашествие Батыя – это освободительное движение против западной агрессии. Оно уничтожило Киевскую Русь, которая была форпостом Запада и папства в атаке на Россию[2].

Характерно, что переписывание истории Монгольской империи и ордынского владычества идет и со стороны национальных авторов. Г.Р. Еникеев (род. 1961) заявляет о главной роли средневековых татар, предков современных, в создании монгольской державы. Чингисхан, по мнению автора, тоже был татарином, все его походы – лишь защита от агрессии соседей. На Руси татары с самого начала действовали в интересах князей по объединению русских земель и прекращению усобиц в них. Позднее уже Русь поддерживала единство Улуса Джучи и в итоге стала его преемницей[3]. Еще выше значение тюркского элемента в средневековой истории оценивал М. Аджи (1944–2018), по мнению которого сама Русь была тюркским государством и призвала Чингисхана для наведения порядка[4].

Как видим, авторы фолк-хистори едины в отрицании ордынского владычества на Руси, что зачастую накладывается у них на извечное противостояние России и Запада. Они утверждают, что для России позорно было бы проиграть маленькому кочевому народу монголов, а затем сносить их

[1] Пензев К.А. Русский царь Батый. М., 2006.
[2] Пыжиков А.В. Славянский разлом. Украинско-польское иго в России. М., 2018.
[3] Еникеев Г.Р. Корона Ордынской империи, или Татарского ига не было. М., 2012.
[4] Аджи М. Азиатская Европа. М., 2006.

власть больше двух веков, а значит, этого и не было в действительности – были союз и дружба. Учитывая высокие тиражи подобной литературы, можно прийти к выводу, что идея союза Руси и Востока в лице Золотой Орды или всей Монгольской империи против Европы находит отклик в массовом отечественном сознании.

Российские публицисты, в отличие от авторов из Татарстана, заявляют, что современные татары к средневековому народу с тем же именем не имеют никакого отношения[1]. Итак, столичное историческое сознание не желает признавать наследником Золотой Орды только один из проживающих в современной России этносов.

С 1990-х гг. новый всплеск популярности в России получают евразийские идеи. Помимо многочисленных переизданий трудов классиков евразийства, появляются новые работы, осмысливающие их наследие в меняющихся общественно-политических реалиях. Как справедливо отмечает О.В. Лушников, современное евразийство «является скорее общим идейным направлением патриотической мысли, чем единой научной школой»[2]. На первом плане вновь стоят проблемы выбора исторического пути России, и ордынское владычество нужно авторам для его обоснования.

Для примера возьмем работы одного из самых популярных современных авторов евразийского направления, А.Г. Дугина (род. 1962). Автор считает, что Россия возникла из симбиоза славянского и тюрко-монгольского элементов. Московия построила свою государственность по ордынским образцам и в идейном плане стала наследницей империи Чингисхана на пространстве Евразии[3]. В своих взглядах на отношения Руси и Золотой Орды

[1] См.: Фурсов А.И. Русь и Золотая Орда. Миф, факты, домыслы: [видеоматериал]. URL: https://rutube.ru/video/36128fa9e3d2a8e1f6edf2c55a7cd469/ (дата обращения: 18.02.2025); Спицын Е.Ю. Про: варягов, ордынское иго, монгол и татар, ложную русскую историю, Фоменко: [видеоматериал]. URL: https://rutube.ru/video/d75bb7ac6ed4fdbb49a728c7038bfea2/. (дата обращения: 21.02.2025).

[2] Лушников О.В. Предпосылки, формирование и развитие евразийской идеи: история и современность: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2008. С. 23.

[3] Дугин А.Г. Эволюция национальной идеи Руси (России) на разных исторических этапах // Основы евразийства. М., 2002. С. 725–731; он же. Чингис-хан и монголосфера //

философ не идет дальше позиций прежних евразийцев. Связь с Азией нужна автору для противопоставления России и Европы.

А.Б. Широкорад (род. 1947) – популярный исторический публицист в современной России, полагает, что «московские князья не совсем цивилизованно овладели нашей страной», чтобы оправдаться, они стали создавать образ «страшного врага» в лице татар, от которого они «спасли русский народ»[1]. Автор старательно уходит от ответа на вопрос о наличии «ига» на Руси, но применяет это понятие в силу его привычности для российского читателя. Широкорад акцентирует внимание на неприглядных сторонах деятельности русских феодалов – Александра Невского, правителей Москвы, в том числе Дмитрия Донского, и некоторых церковных иерархов Руси. Одной из главных причин возвышения Москвы было умелое использование «татарского батога»[2]. Позиция А.Б. Широкорада весьма эклектична: это и применение классового подхода для критики отношений высших слоев Руси с Ордой, и заявления об отсутствии противостояния непосредственно между русским и ордынским населением в Средние века. Это сделано, видимо, для удовлетворения как можно более широкого круга читателей этих книг.

В 2008 г. телеканалом «Россия» был проведен конкурс «Имя Россия», в ходе которого выбирались самые значимые для отечественной истории личности. Онлайн-голосование сопровождалось немалыми спорами, особенно в отношении деятелей XX в., но в итоге население, как и члены жюри, выбрали победителем Александра Невского[3]. Защищавший в телепередаче фигуру Александра Невского митрополит (будущий патриарх Московский и всея Руси) Кирилл (род. 1946) в своем выступлении сделал особый акцент на восточной дипломатии князя. По его мнению, благодаря «уступкам» Орде

Там же. С. 766–780.

[1] Широкорад А.Б. Татары и русские в едином строю. М., 2012. С. 3.

[2] Широкорад А.Б. Русь и Орда. М., 2006. С. 120.

[3] Официальный сайт «Имя Россия». Архивная копия. URL: https://web.archive.org/web/20210630111404/http://www.nameofrussia.ru/ (дата обращения: 29.04.2025).

Александр «спас Русь от уничтожения», так как монголы в то время были непобедимы и в то же время не посягали на «наш цивилизационный код». В конце выступления митрополит подчеркнул, что умелые действия князя «оторвали Золотую Орду от Великой степи» и способствовали появлению в дальнейшем «союза с татарским народом»[1]. Мы видим, что для массового сознания начала XXI в. ордынская политика Александра Невского является не меньшим достижением, чем западное направление его деятельности. Александр в рамках конкурса предстает консенсусной фигурой, которая способна объединить различные по своим взглядам группы российского населения.

Ордынскому владычеству посвящены и публицистические произведения Б. Акунина. Эту эпоху он считает временем создания новой российской государственности, которая взяла из Золотой Орды свои важные элементы, в частности, самодержавие, сакрализацию государства и ее правителя, устойчивость и способность к мобилизации в период опасности, терпимость к иному образу жизни. Россия больше двух веков была «частью Азии» и за это время утратила свой чисто европейский облик, но и не превратилась в «азиатскую цивилизацию». Она стала искать особый путь развития, совмещая два этих вектора[2]. Русь стала скорее преемницей Орды, нежели Византии, и «унаследовала великую монгольскую мечту об объединении Евразии от океана до океана»[3]. Мы видим, что поставленный еще просветительской исторической мыслью вопрос о влиянии Орды на особенности Российского государства по-прежнему актуален для отечественного общественного сознания. Взгляд на Азию в данном плане остается неизменным – она является источником деспотических, самовластных тенденций в России.

---

[1] Имя России: Митрополит Кирилл об Александре Невском: [видеоматериал]. URL: https://rutube.ru/video/08e5c3eefa1a45a7fb055687d8e4dee8/ (дата обращения: 30.04.2025).

[2] Акунин Б. Часть Азии. История Российского государства. Ордынский период. М., 2014. С. 6–7, 369, 381–383.

[3] Там же. С. 385.

Рассмотрим образ ордынского владычества в учебной литературе России с 1991 г. В современном историческом образовании отсутствует единая и целостная концепция отечественной истории, а самих учебников в 1990–2000-е гг. выпускалось огромное количество[1]. Каждая школа и отдельный учитель самостоятельно выбирали, по какому учебнику преподавать. Такая ситуация продолжалась до середины 2010-х гг., когда после принятия новых нормативных документов в сфере исторического образования появились единые для всей страны линейки учебников по истории.

В этой связи перед исследователем встает проблема, как из всей массы учебной литературы по отечественной истории, выходившей в 1990–2000-е гг., выбрать ту, которая была бы наиболее распространенной, а значит, больше всего влияющей на образы истории, которые должны формироваться у подрастающего поколения. По данном периоду было решено проанализировать учебники издательства «Просвещение». Это крупнейшее в России издательство, выпускающее учебную литературу, оно приобрело данный статус еще с советских времен. Полагаем, что в 1990-е гг. большинство учителей по привычке продолжало использовать учебники издательства «Просвещение», к тому же у него уже были налажены цепочки поставок и имелся достаточный авторитет.

В 1990-е гг. основным учебником по истории России, выпускаемым данным издательством, было пособие Б.А. Рыбакова и А.А. Преображенского[2] (1925–2002). В нем прослеживаются новые тенденции в освещении проблем ордынского владычества. Авторы старались не использовать термин «монголо-татарское», заменяя его на «ордынское». Параграф, посвященный нашествию Батыя, назван «Нашествие иноплеменников». Видна довольно

[1] Донин А.Н. Учебники истории: прошлое и настоящее // История и историческая память. 2010. № 1. С. 32; Поваляева Н.Е. История Отечества до начала XX века в современных школьных учебниках: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. С. 2; Фукс А.Н. Указ. соч. С. 12.

[2] Преображенский А.А., Рыбаков Б.А. История Отечества: учебник для 6–7 кл. общеобраз. учреждений. 4-е изд. М., 1999.

непоследовательная замена – в тексте понятие «монголо-татарское» действительно не встречается, зато оно присутствует в вопросах к параграфам. Это смена скорее одного слова, но не всей концепции «ига».

Александр Невский, по мнению авторов, пользовался определённым уважением в Сарае, но военной поддержки от хана не имел[1]. Это утверждение направлено, видимо, против ставшей весьма популярной в 1990-е гг. идеи евразийцев о том, что у Александра Ярославича был военный союз с Ордой. Авторы не заостряли внимания на негативных последствиях ордынского нашествия и владычества для развития Руси. В учебнике нет информации ни о внутренней жизни Золотой Орды, ни об истории иных народов Кавказа и Средней Азии, как было в советских пособиях. Как видим, кругозор учебника 1990-х гг. замыкается на событиях истории России.

Весьма распространен в 1990-е гг. был учебник по истории России Л.А. Кацвы (род. 1957) и А.Л. Юрганова. Авторы стремятся уйти от оценочных суждений при описании эпохи ордынского владычества и походов Батыя на Русь. Одним из главных последствий зависимости Руси от Сарая стало усиление самовластия князя, хотя этот процесс начался еще с XII в.[2] Без восхваления или порицания в учебнике рассказано о политике подчинения Орде, проводимой Александром Невским. Действия Ивана Калиты по наказанию Твери после антиордынского восстания 1327 г. не оправдываются: «С таким же правом мы можем предположить, что, если бы Москва и Тверь объединили силы, монгольскому владычеству на Руси пришел бы конец»[3]. Авторы учебника снимают с ордынского владычества ту негативную оценку, которая господствовала в учебной литературе до 1990-х гг. и стараются сделать упор на знаниевую, а не воспитательную составляющую данного события.

Автором основного учебника по русской средневековой истории,

[1] Преображенский А.А., Рыбаков Б.А. Указ. соч. С. 79.

[2] Кацва Л.А., Юрганов А.Л. История России VIII–XV вв.: учебник для VII кл. средних учеб. заведений. М., 1995. С. 137–139.

[3] Там же. С. 148.

выпускавшимся издательством «Просвещение» в 2000-е гг., был А.А. Данилов (род. 1954). Основное новшество этого пособия – почти полное отсутствие понятия «иго» при описании системы зависимости Руси от Орды. Нам удалось обнаружить только одно упоминание этого слова в подобном контексте[1].

Под описание системы ордынского владычества и связанных с ним событий в учебнике А.А. Данилова выделен отдельный параграф. Приведем основные его положения. Русь не входила в состав Золотой Орды, находилась в вассальной зависимости от нее[2]. Ордынское владычество имело тяжелые последствия для Руси, принесло ей большие разорения и разрушения. В этот период началось экономическое отставание России от Западной Европы, прервались связи юго-западных и северо-восточных русских земель. Княжеская власть постепенно усиливается по образцу ханской. Вместе с тем «длительное общение Руси и Золотой Орды привело к обоюдному взаимному влиянию друг на друга в хозяйстве, быту, языке... положено начало культурным контактам и взаимообогащению народов Руси и Орды»[3]. Примечательно, что взгляд на зависимость Руси от Орды находится на своеобразном переломе: помимо негатива, в ней стали видеть и положительные черты.

На выпуске учебной литературы специализировалось и крупное издательство «Русское слово». В начале XXI в. здесь выходили учебники А.Н. Сахарова[4]. Автор, в отличие от учебника А.А. Данилова, систему зависимости Руси от Орды везде именовал «монголо-татарское иго». Уровень развития монгольских племен он признавал весьма низким, от Руси они запаздывали в этом плане на четыре века, подчеркивал широкое заимствование Чингисханом китайского опыта в военной, культурной, административной и других сферах деятельности. Сущность ордынского

[1] Данилов А.А., Косулина Л.Г. История России: с древнейших времен до конца XVI века: учебник для 6 кл. общеобраз. учреждений. 7-е изд. М., 2007. С. 125.

[2] Там же. С. 115.

[3] Там же. С. 119.

[4] Сахаров А.Н. История России с древнейших времен до конца XVI века: учебник для 10 кл. средних общеобраз. учеб. заведений. М., 2003.

владычества у А.Н. Сахарова весьма близка к концепции советских учебников: была подорваны военная и хозяйственная мощь Руси, ханы препятствовали объединению русских земель и поддерживали княжеские усобицы. Новым является описание вреда на психологический облик населения Руси: «иго» «способствовало развитию в людях угодничества и раболепия перед сильными мира сего», что особенно получило распространение в княжеской среде. Унижаясь перед ордынцами и этим приобретая себе более сильную власть, князья переносили подобные отношения и на подвластных им людей[1].

Мы проанализировали одно из первых изданий учебника А.Н. Сахарова. В более позднем выпуске данной книги[2] его концепция не изменилась. Итак, современные авторы, равно как и дореволюционные, и советские, редко вносят в последующие издания какие-либо изменения. Различия в данном плане идут лишь в смене ведущими издательствами одних авторов другими.

В 2010-е гг. государство начинает все активнее влиять на сферу школьного исторического образования, что выразилось в составлении новых нормативно-регулирующих документов, в частности, Историко-культурного стандарта (далее – ИКС). В нем были даны методологические основы, на которых государство сочло необходимым рассматривать прошлое России. Период середины XIII – XV вв. составителями ИКС рассматривается как «время кардинальных перемен в судьбе Руси. Удар, нанесенный по русским землям монгольскими завоевателями в середине XIII века, серьезно изменил их развитие, в первую очередь политическое»[3]. Как видим, какие-либо оценочные суждения о феномене ордынского владычества отсутствуют.

Характерной чертой ИКС стало отсутствие понятия «иго» применительно к описанию системы ордынской зависимости и эпитета «татарский» по отношению к любым связанным с ней утверждениям. Убрал

[1] Сахаров А.Н. История России с древнейших времен до конца XVI века. С. 162.

[2] Сахаров А.Н. История России с древнейших времен до конца XVII века: учебник для 10 кл. общеобраз. учреждений. 10-е изд. М., 2012. Ч. 1.

[3] Концепция нового учебно-методического комплекса по отечественной истории. 2014. С. 15. URL: https://historyrussia.org/images/documents/konsepsiyafinal.pdf (дата обращения: 24.03.2025).

формулировку об «иге» А.А. Горский, участвовавший в составлении ИКС. Он считает это понятие относительно поздним и не совсем точно описывающим рассматриваемое явление, а «для учебника предпочтительнее современное научное определение»[1]. Идея отказа от понятия «иго» не нова, в учебнике А.А. Данилова оно перестает употребляться с 2001 г. Но теперь это закрепляется на официальном уровне.

После утверждения ИКС ведущими российскими издательствами учебной литературы были подготовлены новые учебники. В конкурсе победили три издательствв, но книгу для 6-го класса, в которой рассматривается ордынское владычество, создали два из них – «Просвещение» и «Русское слово»[2].

Учебник издательства «Просвещение» вышел под редакцией А.В. Торкунова[3] (род. 1950). Монгольские завоевания в нем трактуются куда более осторожно и менее критично, чем раньше. Монгольская империя в учебнике описывается как мультикультурное государство, умевшее управлять различными народами и ставшее мостом между Европой и Азией. Характерны упоминания о заимствовании Чингисханом опыта не только Китая (это было во многих учебниках), но и Персии, что делается впервые. Это можно связать, видимо, со всё более тесными контактами Ирана и России с 2010-х гг.

Отдельная глава в учебнике под редакцией А.В. Торкунова отведена теме об истории степных народов Восточной Европы в XIII–XV вв. Оба параграфа главы посвящены Золотой Орде, в них довольно много внимания уделено внутреннему устройству и культуре этого государства, подчеркивается его многонациональность и веротерпимость. Описание системы зависимости Руси от Орды практически без изменений повторяет материал из учебника А.А. Данилова 2000-х гг., одного из авторов учебника

[1] Горский А.А. Средневековая Русь. О чем говорят источники. М., 2016. С. 120.

[2] Витевицкий В.П. История как предмет в школах России. Ч. 3: Эволюция школьных учебников истории в постсоветской России // Обозреватель – Observer. 2016. № 9 (320). С. 106.

[3] История. История России: 6 класс: учебник: в 2 ч. 3-е изд. / под ред. А.В. Торкунова. М., 2023. Ч. 2.

под редакцией А.В. Торкунова. Как видим, понимание сущности ордынской зависимости в школьном историческом образовании не изменилось. Единственным существенным отличием стало расширение текста о взаимовлиянии Орды и Руси друг на друга.

В издательстве «Русское слово» учебник по отечественной истории в соответствии с ИКС написал Е.В. Пчелов[1] (род. 1971). Автор уделяет внимание описанию внутренней жизни Золотой Орды, но данной теме, в отличие от учебника под редакцией А.В. Торкунова, посвящена не целая глава, а один параграф. В другом параграфе рассматривается зависимость Руси от Золотой Орды. Это обусловило весьма краткое освещение вопросов управления, религии и экономики Улуса Джучи. Про его культуру не упомянуто. Теме ордынского владычества уделено меньше внимания, чем в пособии под редакцией А.В. Торкунова. Отражены лишь основные связанные с ним факты, почти не упоминается о мирных контактах Руси и Орды, их взаимовлиянии друг на друга.

В 2021 г. вышла новая редакция ИКС. Радикальных изменений, касающихся ордынского владычества в ней нет. К определению «система зависимости русских земель от ордынских ханов» в скобках добавлено «ордынское иго»[2]. Это, по сути, возвращает нас к более привычному в учебной литературе понятию. Полностью исключить его из общественной памяти, как видно, не удалось.

В 2020-е гг. в издательстве «Просвещение» вышел в свет учебник по отечественной истории Т.В. Черниковой[3] (род. 1961) и К.П. Чиликина. По сравнению с учебником под редакцией А.В. Торкунова значение Монгольской империи описано скорее в негативных тонах. Золотой Орде не посвящено отдельного параграфа, рассказ о ней, причем очень краткий, приведен при

[1] Пчелов Е.В., Лукин П.В. История России с древнейших времен до начала XVI века: учебник для 6 кл. общеобраз. организаций. 2-е изд. М., 2016.

[2] Историко-культурный стандарт. 2021. С. 4. URL: https://felicita.tilda.ws/istoriko-kulturny-standart-2020. (дата обращения: 24.03.2025).

[3] Черникова Т.В., Чиликин К.П. История России с древнейших времен до начала XVI века: 6 класс: учебник. 3-е изд. / под общ. ред. В.Р. Мединского. М., 2023.

описании взаимоотношений Руси и Орды. Так, указывается, что Орда была многонациональным государством, а принятие ханом Узбеком ислама способствовало развитию его культуры. Никаких иных подробностей о внутренней жизни Золотой Орды нет. По мнению автора, итоги нашествия Батыя для русских земель в социально-экономическом и культурном плане были очень тяжелы, ожесточились нравы русского населения. «Пренебрежение к человеческой жизни, деспотизм и раболепие перед сильными проникли в разные слои русского общества»[1].

Таким образом, концепция учебника Т.В. Черниковой и К.П. Чиликина, хотя и заявляет своей основой ИКС, весьма приближена к взгляду советских учебных книг на ордынское владычество. В этом событии не пытаются найти какие-либо положительные черты, увидеть межкультурные контакты Руси и Орды, важное влияние Монгольской империи на мировую историю. Чем дальше развиваются линейки единых учебников по истории в современной России, тем ближе по содержанию они становятся к советским.

Книга Е.Ю. Спицына (род. 1966) «Полный курс истории России» стоит на своеобразном пересечении учебной и публицистической литературы. Сам автор отмечает, что создавался этот труд для конкурса на новый учебник истории, основанный на ИКС, но к участию в нем допущен не был[2]. Книга, написанная весьма известным публицистом и медийной личностью в области исторического просвещения, пусть и не попала в школы в качестве учебника, но оказывает немаловажное влияние на историческое образование и общественное сознание современной России

Е.Ю. Спицын критически относится к роли монгольских племен в мировой истории. Он придерживается мнения об отрицательных последствиях нашествия Батыя для русской истории. Евразийцы и «русофобы всех мастей... сознательно преуменьшают катастрофические последствия монгольского

[1] Черникова Т.В., Чиликин К.П. История России… С. 176.

[2] Спицын Е.Ю. Древняя и Средневековая Русь IX–XVII вв.: Полный курс истории России для учителей, преподавателей и студентов. М., 2015. Кн. 1. С. 4.

нашествия на Русь»[1]. Термин «татаро-монгольское иго» нуждается в переоценке. Можно заметить, что автор придерживается советской концепции в трактовке ордынского владычества. Нужным он считает заменить только эпитет «монголо-татарское» при описании «ига», нисколько не меняя при этом наполнения самого понятия. С особым публицистическим запалом Е.Ю. Спицын критикует тех, кто пытается опровергнуть тезисы, утвердившиеся в советском историческом образовании.

Для полноты анализа образа ордынского владычества в современном историческом образовании следует затронуть высшую школу. Студенты исторических факультетов составляют основной костяк школьных учителей по истории. В отличие от школы, в вузах нет единого для всех рамочного документа, определяющего основные моменты преподавания истории, каким является ИКС. До сих пор нет единого университетского учебника по отечественной истории. В этом плане в вузах по-прежнему царит плюрализм и самостоятельный выбор учебных пособий в духе школьного образования 1990–2000-х гг.

Учебник А.Г. Кузьмина[2] уделяет большое внимание критике евразийского направления отечественной мысли. Ни о каком культурном значении монгольских племен автор не упоминает. Очень негативно он характеризует действия Чингисхана, в основе побед которого лежали жестокость и коварство. Положительных моментов для Руси А.Г. Кузьмин в зависимости от Орды не видит.

В учебнике под редакцией Л.В. Милова[3] (1929–2007) повышенное внимание уделено социально-экономической структуре Руси XV в. Какого-либо влияния ордынской зависимости на складывание новых порядков

[1] Спицын Е.Ю. Древняя и Средневековая Русь… С. 162.

[2] Кузьмин А.Г. История России с древнейших времен до 1618 г.: учебник для студентов высших учебных заведений: в 2 кн. М., 2004. Кн. 1; он же. История России с древнейших времен до 1618 г.: учебник для студентов высших учебных заведений: в 2 кн. М., 2004. Кн. 2.

[3] История России с древнейших времен до конца XVII века / под ред. Л.В. Милова. М., 2006.

единого Русского государства авторы не находят. Особенности русской истории данного периода они связывают с внутренними природно-климатическими причинами, а не с фактором подчинения Руси иноземной власти. Характерной чертой учебника под редакцией академика Л.В. Милова является почти полное отсутствие определений «монголо-татарский» или «татарский» по отношению к связанным с ордынской зависимостью событиям.

В.В. Фортунатов (род. 1950) в своем учебнике для бакалавров предлагает во многом привычный для учебной литературы взгляд на ордынское владычество. По его мнению, оно привело Русь к потере независимости, ее экономика оказалась в стагнации. Но помимо огромных потерь, монгольская экспансия впервые объединила обширные территории. В Золотой Орде не сформировался единый татарский народ, и у современных казанских татар нет никаких черт средневековых монголо-татар[1]. Московское государство переняло от Золотой Орды немало черт в плане жесткой централизации и авторитарности своей власти. Очень высоко В.В. Фортунатов оценивает политику Александра Невского по борьбе с западной угрозой и одновременным мирным сосуществованием с Золотой Ордой, осуждает попытки некоторых авторов «отрицать, принизить или исказить деяния Александра Невского»[2]. Как видим, столичные учебники для вузов не отмечают какой-либо роли Золотой Орды в деле сложения этнической карты современной России и рассматривают ее в плане влияния на особенности Российского государства.

В учебнике для студентов под редакцией А.Н. Сахарова[3], написанном коллективом Института российской истории РАН, часто встречается определение «татаро-монголы». По мнению авторов, велико значение

[1] Фортунатов В.В. История: учеб. пособие. Стандарт третьего поколения. Для бакалавров. СПб., 2012. С. 97–100.

[2] Там же. С. 103.

[3] История России. С древнейших времен до начала XXI в. / под ред. А.Н. Сахарова. М., 2011.

владычества Орды в развитии среди русских людей угодничества и раболепия. Князья терпели унижения от ордынцев и сами начали унижать своих подданных, что сказалось на характере народа и превращении княжеской власти в самодержавную. Одновременно Золотая Орда помогала Руси в борьбе с её западными врагами[1]. Заметим, что из всех проанализированных учебников для студентов книга под редакцией А.Н. Сахарова наиболее приближена к советской трактовке ордынского владычества, оценке нашествия Батыя и влияния зависимости на историческое развитие Руси.

Учебник издательства «Юрайт» под редакцией Н.И. Павленко[2] (1916–2016) адресован студентам исторических специальностей. Главы о периоде ордынского владычества в нём написал И.Л. Андреев (род. 1962). Он почти не применяет в своем тексте понятие «монголо-татары», заменяя его на «ордынцы». Этим данный учебник сближается с современными учебными руководствами для школ. Последствия ордынского владычества для русской истории, по Андрееву, отрицательны: существенно замедлилось хозяйственное развитие, княжества Руси стали обособлены друг от друга, дань разоряла их, усилилась власть князя над своими подданными, прервались контакты с Западом. Самодержавная власть, утвердившаяся в Русском государстве позднее, унаследует «многие тиранические, восточные черты, свойственные ордынскому владычеству»[3].

В учебнике по истории России для студентов-историков под редакцией Б.Н. Флори (род. 1937) зависимость Руси от монголов названа «игом»: «Это терминологически-неопределенное понятие… прижилось в науке потому, что господство монголов на Руси имело неоднозначный характер, сочетая в себе черты сюзеренитета и завоевания»[4]. По мнению авторов, политика подчинения Орде оправдала себя, поскольку благодаря ей Северо-Восточная

[1] История России. С древнейших времен… С. 165.

[2] Павленко Н.И., Андреев И.Л., Федоров В.А. История России с древнейших времен до 1861 года: учебник для бакалавров / под ред. Н.И. Павленко. 5-е изд. М., 2012.

[3] Там же. С. 105.

[4] История России с древнейших времен до конца XVIII в.: учебник / под ред. Б.Н. Флори. М., 2010. С. 113.

Русь начала постепенно восстанавливаться. Нашествие и владычество ордынцев нанесли тяжелый удар по экономике Руси, её городской жизни и культуре, усугубили раздробленность русских земель. Вместе с тем благодаря этим событиям на Руси ощутили важность православной веры, которая стала считаться одним из средств сохранения своей идентичности[1]. Последнее утверждение для университетских учебников является новым и свидетельствует о росте интереса к роли религии во время ордынского владычества.

Учебник авторского коллектива МГУ под руководством А.С. Орлова[2] (1938–2024) предназначен для студентов неисторических специальностей и абитуриентов. В данном учебнике, единственном из рассмотренных нами вузовских, есть тезис о всемирно-исторической роли борьбы народов России в спасении европейской цивилизации от монголов. По мнению авторов, ордынское владычество стало одной из причин отставания русских земель от Западной Европы и нанесло огромный ущерб их развитию в экономическом, политическом и культурном плане. Запустели развитые прежде земли и городские центры, консервировалась политическая раздробленность, нарушены связи между отдельными частями государства и в целом с другими странами[3].

В новейшем учебнике по истории России, изданном Институтом российской истории РАН под редакцией Ю.А. Петрова для студентов неисторических специальностей, ордынское владычество трактуется с точки зрения его современников на Руси, поэтому понятие «иго» по отношению к нему практически не употребляется. По мнению авторов учебника, зависимость от Орды сохранялась так долго, потому что на Руси опасались попыток введения Сараем прямого управления над русскими землями, к тому же на ханов перенесли титул «царь» и они считались законными правителями[4].

---

[1] История России с древнейших времен до конца XVIII в…. С. 118–119.
[2] История России: учебник / А.С. Орлов [и др.]. 2-е изд. М., 2016.
[3] Там же. С. 83–84.
[4] История России: учебник для вузов: в 2 ч. / под ред. Ю.А. Петрова. М., 2024. С. 69.

Противостояние Мамаю, считают авторы, вовсе не было оспариванием власти хана над Русью, ведь он являлся лишь временщиком. Освобождение от зависимости «совершилось тогда, когда начала преодолеваться прочно укоренившаяся “ментальная установка” о законности верховной власти хана Орды над Русью»[1].

Важное место в учебнике занимает защита образа Александра Невского от критики, в том числе и его связь с Ордой. Александр был расчетливым, но не беспринципным политиком и не жаловался на своего брата Андрея хану, а в 1262 г., возможно, тайно содействовал изгнанию сборщиков дани. «Таким образом, “разоблачения” Александра – не более чем дань моде и реакция на канонизированный… образ этого князя»[2]. Как видим, образ Александра Невского всё активнее начинает использоваться в воспитательно-патриотических целях, поэтому в 2010-е – начале 2020-х гг. его критика воспринимается болезненно. Это же свидетельствует о том, что контакты Александра Невского с Ордой по-прежнему воспринимаются как вынужденная необходимость, а не союз или равноправные отношения. Также усиливается значение образов житийного происхождения в преподавании светской истории России.

Итак, университетские учебники по отечественной истории более консервативны в плане применения к системе ордынской зависимости понятия «иго», чем школьные, особенно с 2010-х гг. С введением ИКС этот термин в школьной литературе употребляться перестал, а в университетской по-прежнему широко распространен. Авторы этих учебников едины в описании негативных последствий ордынского владычества для развития Руси. Вместе с тем среди них почти не встречается распространенное в школьной литературе мнение о решающей роли сопротивления Руси в спасении остальной Европы от монголов.

В современном массовом сознании отсутствует единый устоявшийся

[1] История России: учебник для вузов: в 2 ч. / под ред. Ю.А. Петрова… С. 92.
[2] Там же. С. 76.

образ ордынского владычества. В художественной литературе с 1990-х гг. представления о событиях ордынской зависимости постепенно переходят от идеи враждебности и конфронтации к возможности признания тесных контактов двух миров, Руси и Орды, их пересечения и взаимовлияния. Кинематограф в данном плане более консервативен и скорее эксплуатирует уже сложившиеся в массовом сознании стереотипы о русско-ордынских отношениях. Однако и в фильмах постепенно сближаются образы Золотой Орды и русских княжеств. В учебной литературе все больше внимания уделяется внутреннему развитию Золотой Орды как примера мультикультурного государства. Общий образ ордынского владычества в учебниках все же остается отрицательным, несмотря на усилия власти изменить его, особенно с 2010-х гг. Эпоха зависимости от Орды в них рассматривается как одна из героических страниц прошлого русского народа.

С 1991 г. эволюция образов ордынского владычества происходит в условиях кризиса, раздробления общественного сознания и поиска новых форм и концептов, которые могли бы его объединить. В 1990-е – начале 2010-х гг. в дискурсивном поле профессиональной истории сильно возрастает роль региональных центров изучения Золотой Орды. Эти центры стремятся использовать образы ордынского владычества для поиска народами, некогда входившими в состав Золотой Орды, своего места и значимости в общероссийской истории. Распространяется практика круглых столов – столичные и региональные историки пытаются найти консенсус, выработать общий взгляд на феномен ордынского владычества. Либеральная интеллигенция в 1990-е гг. ищет в зависимости Руси от Орды истоки авторитарного характера российской власти. Под влиянием активного становления локальных идентичностей, претендующих на региональное господство, профессиональное поле исторического дискурса активно размывается и превращается в разновидность публицистического.

В XXI в. больше внимания начинает уделяться изучению того, как ордынское владычество воспринимали его современники, параллельно

углубляются конкретные исторические знания об ордынском владычестве и его влиянии на покоренные народы. Делается вывод о легитимном характере власти Орды для населения Руси на протяжении почти всего времени его существования. Куликовскую битву рассматривают как место памяти, способное объединить различные слои российского общества. Золотая Орда предстает как развитое государство, средневековая империя, сочетавшая в себе черты степной и городской культур и умевшая почти бесконфликтно управлять различными народами, входившими в ее состав. Описание зависимости меняется с «ига» на вассальные отношения.

С середины 2010-х гг. на наследие Золотой Орды, а вслед за ней и империи Чингисхана претендуют не только отдельные регионы России, но и федеральный центр. Это проявляется в новых единых учебниках по истории, где Золотая Орда получает право стать частью общероссийского прошлого. Новые образы ордынского владычества государственная власть пытается институционализировать в общественном сознании через поле учебной литературы. Круглые столы по проблематике ордынского владычества в это время теряют свою актуальность – центры формирования и развития его образов обозначили себя и стали заниматься внутренними проблемами формирования нужных местной политической элите форм национальных идентичностей, распространяя эти образы для определенных групп населения России, которые готовы их воспринимать. Поле профессиональной исторической науки по отношению к образам ордынского владычества по-прежнему пока не может преодолеть свою новую раздробленность.

Несмотря на стремление некоторых общественно-политических сил привести образы ордынского владычества к единству, в 2010–2020-е гг. наблюдается всё растущая их двойственность в профессиональной исторической науке и публицистике. С одной стороны, Золотая Орда больше не предстает как «бич божий». Она обозначается старшим партнером Руси, который помогал ей бороться с внешней угрозой со стороны Запада. Данный концепт возник еще во второй половине XIX в., присутствовал и в

материалистическом дискурсе 1920–1980-х гг., но теперь он выходит на первый план. С другой стороны, никуда не исчезает образ, связанный с национально-освободительной борьбой Руси против ордынских завоевателей. Группы населения, которые его придерживаются, крайне болезненно реагируют на ревизию взглядов на русско-ордынские отношения в сторону их мирного характера и считают это антипатриотической линией. В новых геополитических условиях этот второй образ становится все актуальнее и для государственной власти. Раздвоенность видна даже во вроде бы ставшим единым поле учебной литературы – во многих университетских учебниках, в отличие от школьных, ордынское владычество по-прежнему описывается в категориях «монголо-татарского ига».

Такая же двойственность присутствует и в дискурсивных полях художественной литературы и кинематографа. Большое влияние на их развитие оказывают голливудские образцы, к которым стараются подтянуть изображение ордынского владычества. Создатели данных продуктов используют сложившийся в массовом сознании стереотип этого феномена: Золотая Орда была диким азиатским государством, терзавшим несчастную Русь. Одновременно с этим растет интерес к мирным контактам этих двух миров. Больший акцент делается на личностные взаимоотношения русских и ордынцев. Исторические судьбы Золотой Орды и Руси предстают схожими. В либеральном направлении российского общественного сознания борьба Руси против владычества Орды несколько дегероизируется. В кинематограф в 2020-е гг. возвращается патриотическая тематика в трактовке ордынского владычества. В источниках, которые задают образы массовому сознанию, повторяется эволюция образов ордынского владычества, происходящая в профессиональном историческом поле и особенно в публицистике.

Историческая наука с 1991 г. в силу системности своего кризисного состояния теряет ведущую роль в концептуализации образов ордынского владычества в общественном сознании России. Эта роль переходит к публицистике. Но последняя свои конструкты берет у историков.

Художественная литература и кинематограф из всего многообразия образов выбирают те, которые могут принести их создателям больше прибыли. Новые образы Золотой Орды, активно продвигаемые региональными центрами, вступают в противоречие с устоявшимися в общественном сознании представлениями, идущими еще с XIX в. Образы Орды и её власти одновременно используются как пример мультикультурной империи и средство для объединения нации в борьбе с иноземными завоевателями. От того, удастся ли как-либо совместить эти образы, будет зависеть, сможет ли общественное сознание России воспользоваться геополитическим наследием Золотой Орды и империи Чингисхана.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История образов ордынского владычества в российском общественном сознании XVIII – начала XXI в. позволяет выявить основные тенденции их эволюции на различных этапах.

1. XVIII – начало XX в. – имперский период формирования и взаимодействия образов ордынского владычества.

1.1. 1700–1790-е гг. Профессиональные и массовые образы ордынского владычества формируются в едином поле, образованном взаимодействием религиозного и светского дискурсов. Образы ордынского владычества заимствуются из религиозных текстов, понимаются как «кара за грехи и прегрешения». Фрагментарно появляются рациональные объяснения. Их основа – идеи философии Просвещения. Образов немного, они еще не особо поддаются структурированию, поскольку нет устойчивого набора рационально обоснованного объяснения ни нашествию, ни порабощению. Лейтмотив трактовок образов – поиски рационального объяснения божественной воли.

1.2. 1780–1790-е – 1840-е гг. Концептуализация образов ордынского владычества в рамках единого религиозно-светского исторического дискурса выполняется в основном средствами романтической эстетики. Политизация восприятия образа ордынского владычества происходит под доминирующим воздействием идей классицизма. Результатом концептуализации становится рождение идеи, во-первых, совместить образ ордынского владычества с идеей борьбы против тирании и, во-вторых, осмыслить остро переживаемый факт отставания Российской империи от европейских стран необходимостью долговременной борьбы с монгольским нашествием.

1.3. 1840–1910-е гг. В общественном сознании расходятся религиозное и светское понимание истории. Усложняется понимание политической концептуализации истории. В ней рядом с понятием «государство» появляется понятие «народ». В полном соответствии с идеями просветительской

философии профессиональное сознание начинает уделять все больше внимания мнению народа. Образы ордынского владычества становятся разнообразнее и приобретают достаточно четкую структуру. В них вкладываются идеи религиозные и светские при постепенном доминировании рациональных объяснений. Борьба «Леса со Степью» приобретает черты геополитического мифа. Влияние Золотой Орды на историю России по-прежнему считается внешним и чужеродным, но оно перестает оцениваться как преимущественно отрицательное. В поле политической истории распространяется идея о том, что русские князья использовали ордынское владычество для укрепления единства абсолютной монархии. Лейтмотивом публичного дискурса в образах ордынского владычества постепенно становятся идеи национально-освободительной борьбы русского народа, а за татаро-монголами как народом-завоевателем закрепляется стигматизирующее определение народов-«бичей божьих», разрушителей цивилизаций.

2. 1920–1980-е гг. – господство в политическом дискурсе материалистических представлений об образах ордынского владычества.

2.1. 1920–1950-е гг. Религиозный аспект уходит из публичного дискурса. Он вытесняется в повседневную жизнь формирующейся русской диаспоры. Образы ордынского владычества в силу их совмещения с идеями борьбы за сохранение независимости переносятся в дискурсивное поле общественного сознания советской страны практически без изменения, вместе с религиозными по своему происхождению мифами о разрушительной природе ордынского владычества. Классовый характер государственной идеологии присутствует в образах ордынского владычества 1920–1950-х гг. в снятом виде: заслуга борьбы с иноземными завоевателями отдается не князьям, а народу. При этом накануне ожидаемого нашествия с Запада образы ордынского нашествия приобретают больше метафорических черт, чем конкретно-исторического содержания. Метафоричность образов ордынского владычества проявляется не столько в исторических трудах, сколько в продукции, предназначенной для массового сознания, особенно в кино.

2.2. 1960–1970-е гг. Поле общественного сознания советского типа перестает столь радикально, как в предшествующие годы, ориентироваться на проблемы внешнеполитической безопасности. На первый план постепенно выходят проблемы внутреннего единства многонационального советского народа. Образы ордынского владычества внешне сохраняют привычную структуру и ориентацию, но постепенно они перестают отвечать потребностям людей в формировании новых национально-ориентированных локальных форм идентичности. В профессиональной среде, а затем и в публичной становится заметнее растущая обида национальной историографии ТАССР на повсеместно употребляемые термины «татаро-монгольское/монголо-татарское нашествие» и «иго». Потребность конкретизации представлений о материалистической природе исторических знаний будит интерес ученой среды к идеям евразийства. Толчком к их обсуждению становится комплекс идей Л.Н. Гумилёва о естественной детерминированности этнических процессов.

2.3. 1980-е гг. Сложившиеся образы ордынского владычества вступают в противоречие с идеями превращения советского народа в новую общность, в которой все народы представлены в равной мере. Дискуссии, посвященные юбилею Куликовской битвы, сравнительному анализу Повестей куликовского цикла и «Слова о полку Игореве», актуализируют и образы ордынского владычества. Рядом с их негативными характеристиками появляются положительные образы «Великой Степи». Советское общественное сознание проявляет живейший интерес к идеям евразийства, оценивает уже не их узко-политическую неприязнь к советской власти, а более глубокое культурологическое содержание. Главный итог эволюции образов ордынского владычества состоит в том, что общественное мнение признает право народа-«бича божьего» на положительное место в отечественной истории. Потребность отечественного общественного сознания в евразийских идеях исподволь готовит почву для приближающегося слияния двух частей общественного сознания русского мира вне и внутри страны.

3. 1990-е – первая половина 2020-х гг. – трактовка образов ордынского владычества в сложных поисках новых форм российской идентичности.

3.1. 1990-е – начало 2010-х гг. Для этого периода характеры: хаотизация общественного сознания Российской Федерации как региональной страны, определение места образов ордынского владычества в поисках «национальной идеи»; освоение общественным сознанием понятия «гражданская политическая нация» применительно к многонациональному населению постсоветского пространства; возвращение в публичную сферу религиозного дискурса; мифологизация образов ордынского владычества в России и в соседних странах по голливудскому стереотипу.

3.2. 2010-е – 2021 г. Это время осознания функций и структуры образов истории, способствующих сплочению народов в борьбе за их общие геополитические интересы, создания новых образов ордынского владычества в обобщающих курсах истории России и их обсуждения в пространстве общественного сознания с привлечением традиционных и новых технических средств формирования профессиональных и массовых дискурсов.

3.3. С 2022 г. по настоящее время. Образы ордынского владычества используются для сплочения русского мира, создания гражданской политической нации в РФ и в сфере когнитивного противостояния.

Таким образом, изучение образов ордынского владычества позволяет понять более широкие тенденции и конкретно-исторические особенности развития отечественного общественного сознания XVIII – начала XXI в.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

Отечественная историческая мысль

1. А было ли иго? // Родина. – 1997. – № 8. – С. 85–92.

2. Алексеев, Ю. Г. Освобождение Руси от ордынского ига / Ю. Г. Алексеев. – Ленинград: Наука, 1989. – 217 с.

3. Амелькин, А. О. Куликовская битва в свидетельствах современников и памяти потомков / А. О. Амелькин, Ю. В. Селезнев. – Москва: Квадрига, 2011. – 384 с.

4. Арцыбашев, Н. С. Повествование о России / Н. С. Арцыбашев. – Москва: Университетская типография, 1838. – Т. 2, кн. 3–4.

5. Базилевич, К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века / К. В. Базилевич. – Москва: Изд-во Московского ун-та, 1952. – 544 с.

6. Бартольд, В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия / В. В. Бартольд // Собрание сочинений: в 9 т.– Москва: Восточная литература, 1963. – Т. 1. – 760 с.

7. Беляев, И. Д. Города на Руси до монголов / И. Д. Беляев. – Санкт-Петербург: [Б. и.], 1848. – 33 с.

8. Березин, И. Н. Очерк внутреннего устройства улуса Джучиева / И. Н. Березин. – Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук, 1863. – 112 с.

9. Бестужев-Рюмин, К. Н. Русская история. До конца эпохи Ивана Грозного / К. Н. Бестужев-Рюмин. – Москва: Эксмо, 2019. – 640 с.

10. Болтин, И. Н. Примечания на историю древния и нынешния России г. Леклерка / И. Н. Болтин. – [Санкт-Петербург]: Типография Горного училища. 1788. – Т. 2. – 588 с.

11. Борисов, Н. С. Политика Московских князей (конец XIII – первая половина XIV в.) / Н. С. Борисов. – Москва: Изд-во Московского университета, 1999. – 391 с.

12. Будовниц, И. У. Общественно-политическая мысль Древней Руси (XI–XIV вв.) / И. У. Будовниц. – Москва: Академия наук СССР, 1960. – 488 с.

13. Вернадский, Г. В. Два подвига Св. Александра Невского / Г. В. Вернадский // Евразийский временник. Берлин: Евразийское книгоиздательство, 1925. – Кн. 4. – С. 318–337.

14. Вернадский, Г. В. Монголы и Русь / Г. В. Вернадский / пер. с англ. Е. П. Беренштейна и др. – Тверь: ЛЕАН; Москва: АГРАФ, 1997. – 480 с.

15. Вернадский, Г. В. Монгольское иго в русской истории / Г. В. Вернадский // Евразийский временник. Париж: Евразийское книгоиздательство, 1927. – Кн. 5. – С. 153–164.

16. Веселовский, Н. И. Труды по истории Золотой Орды / Н. И. Веселовский; под ред. И. М. Миргалеева. – Казань: Фэн АН РТ, 2010. – 192 с.

17. Владимирцов, Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм / Б. Я. Владимирцов. – Ленинград: Академия наук СССР, 1934. – 223 с.

18. Всемирная история: в 10 т. / отв. ред. Н. А. Сидорова. – Москва: Госполитиздат, 1957. – Т. 3. – 895 с.

19. Галимов, Т. Р. Киевские митрополиты между Русью и Ордой (вторая половина XIII в.) / Т. Р. Галимов. – Казань: Институт истории АН РТ, 2019. – 256 с.

20. Гастев, М. Рассуждение о причинах, замедливших гражданскую образованность в русском государстве до Петра Великого / М. Гастев. – Москва: Университетская типография, 1832. – 142 с.

21. Голубинский, Е. Е. История Русской Церкви. Период второй, Московский. Т. 2: От нашествия монголов до митрополита Макария

включительно. Первая половина тома / Е. Е. Голубинский. – Москва: Университетская типография, 1900. – 919 с.

22. Голубинский, Е. Е. Щит или меч? / Е. Е. Голубинский // Родина. – 1997. – № 3–4. – С. 77–84.

23. Горский, А. А. Москва и Орда / А. А. Горский. – Москва: Ломоносовъ, 2016. – 296 с.

24. Горский, А. А. Русские земли в XIII–XIV веках: Пути политического развития / А. А. Горский. – Москва: Институт российской истории РАН, 1996. – 128 с.

25. Греков, Б. Д. Золотая Орда и ее падение / Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. – Москва; Ленинград: Академия наук СССР, 1950. – 479 с.

26. Греков, И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV–XV вв.) / И. Б. Греков. – Москва: Наука, 1975. – 519 с.

27. Греков, И. Б. Место Куликовской битвы в политической жизни Восточной Европы конца XIV в. / И. Б. Греков // Куликовская битва: сборник статей / отв. ред. Л. Г. Бескровный. – Москва: Наука, 1980. – С. 113–141.

28. Григорьев, В. В. О местоположении столицы Золотой Орды – Сарая / В. В. Григорьев. – Санкт-Петербург: Типография М.В.Д., 1845. – 102 с.

29. Грушевский, М. С. Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия / М. С. Грушевский. – Киев: Типография университета Св. Владимира, 1891. – 520 с.

30. Гумилёв, Л. Н. Поиски вымышленного царства (Легенда о «государстве пресвитера Иоанна») / Л. Н. Гумилев. – Москва: Наука, 1970. – 430 с.

31. Данилевский, И. Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.): курс лекций / И. Н. Данилевский. – Москва: Аспект Пресс, 2001. – 389 с.

32. Доброклонский, А. П. Руководство по истории Русской Церкви / А. П. Доброклонский. – Москва: Крутицкое Патриаршее подворье, 2001. –

935 с.

33. Долгов, В. В. Феномен Александра Невского. Русь XIII века между Западом и Востоком / В. В. Долгов. – Москва: Центрполиграф, 2020. – 222 с.

34. Евразийский мир: ценности, константы, самоорганизация / под ред. Ю. В. Попкова. – Новосибирск: Нонпарель, 2010. – 449 с.

35. Егоров, В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. / В. Л. Егоров. – 3-е изд. – Москва: КРАСАНД, 2010. – 248 с.

36. Ермолаев, И. П. Становление Российского самодержавия. Истоки и условия его формирования: Взгляд на проблему / И. П. Ермолаев. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2004. – 392 с.

37. Забелин, И. Е. История города Москвы / И. Е. Забелин. – Москва: Столица, 1990. – 688 с.

38. Заочный круглый стол «От Орды к России» // Ab Imperio. – 2002. – № 1. – С. 205–238.

39. Знаменский, П. В. Руководство к русской церковной истории. / П. В. Знаменский. – 3-е изд. – Казань: Университетская типография, 1880. – 478 с.

40. Миргалеев, И. М. Слово редактора / И. М. Миргалеев // Золотоордынская цивилизация: сборник статей / ред. И. М. Миргалеев. – Казань: Институт истории АН РТ, 2008. – Вып. 1. – С. 5–6.

41. Иловайский, Д. И. История России. – [Т. 1.] ч. 2: Владимирский период / Д. И. Иловайский. – Москва: Типография П. Лебедева, 1880. – 578 с.

42. Иловайский, Д. И. История России. – Т. 2: Московско-литовский период, или Собиратели Руси. / Д. И. Иловайский. – 2-е изд. – Москва: Типо-лит. Товарищества И. Н. Кушнерев и К°, 1896. – 603 с.

43. Иловайский, Д. И. Куликовская победа Димитрия Ивановича Донского / Д. И. Иловайский. – Москва: Типография М. Н. Лаврова и К°, 1880. – 65 с.

44. История русского искусства / под ред. И. Э. Грабаря, В. С. Кеменова, В. Н. Лазарева. – Москва: Академия наук СССР, 1955. – Т. 3. – 745

с.

45. История СССР с древнейших времен до наших дней: в 12 т. – Т. 2: Борьба народов нашей страны за независимость. Образование единого Русского государства / отв ред. М. Н. Тихомиров. – Москва: Наука, 1966. – 631 с.

46. История татар с древнейших времен: в 7 т. – Т. 3: Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. – Казань: Институт истории АН РТ, 2009. – 1056 с.

47. Кавелин, К. Д. Собрание сочинений. – Т. 1: Монографии по русской истории / К. Д. Кавелин. – Санкт-Петербург: Типография М. М. Стасюлевича, 1897. – 1052 стб.

48. Карамзин, Н. М. История государства Российского: в 12 т. / Н. М. Карамзин. – Москва: Наука, 1991. – Т. 4. – 480 с.

49. Карамзин, Н. М. История государства Российского: в 12 т. / Н. М. Карамзин. – Москва: Наука, 1993. – Т. 5. – 560 с.

50. Каргалов, В. В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. Феодальная Русь и кочевники / В. В. Каргалов. – Москва: Высшая школа, 1967. – 263 с.

51. Каргалов, В. В. Конец ордынского ига / В. В. Каргалов. – 2-е изд. – Москва: Наука, 1984. – 152 с.

52. Каргалов, В. В. Монголо-татарское нашествие на Русь. XIII век. / В. В. Каргалов. – Москва: Просвещение, 1966. – 135 с.

53. Каргалов, В. В. Русь и кочевники / В. В. Каргалов. – Москва: Вече, 2008. – 480 с.

54. Каргалов, В. В. Свержение монголо-татарского ига / В. В. Каргалов. – Москва: Просвещение, 1973. – 144 с.

55. Карпов, А. Ю. Батый / А. Ю. Карпов. – Москва: Молодая гвардия, 2011. – 347 с.

56. Карташев, А. В. Очерки по истории Русской Церкви: в 2 т. / А. В. Карташев. – Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2020. – Т. I. – 571 с.

57. Клейн, Л. С. Горькие мысли «привередливого рецензента» об учении Л.Н. Гумилева / Л. С. Клейн // Нева. – 1992. – № 4. – С. 228–246.

58. Ключевский, В. О. Сочинения: в 9 т. – Т. 2, ч. 2: Курс русской истории. / В. О. Ключевский. – Москва: Мысль, 1987. – 446 с.

59. Князький, И. О. Русь и степь / И. О. Князький. – Москва: [Б. и.], 1996. – 131 с.

60. Кобрин, В. Б. Становление деспотического самодержавия в средневековой Руси (К постановке проблемы) / В. Б. Кобрин, А. Л. Юрганов // История СССР. – 1991. – № 4. – С. 54–64.

61. Костомаров, Н. И. Начало единодержавия в Древней Руси / Н. И. Костомаров // Вестник Европы. – 1870. – № 12. – С. 495–563.

62. Крамаровский, М. Г. Великая Орда Златая / М. Г. Крамаровский // Родина. –2003. – № 12. – С. 66–74.

63. Кривошеев, Ю. В. Русь и монголы: Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII–XIV вв. / Ю. В. Кривошеев. – 3-е изд. – Санкт-Петербург: Академия исследования культуры, 2015. – 452 с.

64. Кузьмин, А. Г. Пропеллер пассионарности, или Теория приватизации истории / А. Г. Кузьмин // Молодая гвардия. – 1991. – № 9. – С. 256–276.

65. Кузьмин, А. Г. «Со всякие деревни по полтине...» / А. Г. Кузьмин // Родина. – 2003. – № 12. – С. 83–88.

66. Куликовская битва в литературе и искусстве: исследования и материалы по древнерусской литературе: сб. ст. / отв. ред. А. Н. Робинсон. – Москва: Наука, 1980. – 287 с.

67. Куликовская битва: сб. ст. / отв. ред. Л. Г. Бескровный. – Москва: Наука, 1980. – 319 с.

68. Кучкин, В. А. Дмитрий Донской и Сергий Радонежский в канун Куликовской битвы / В. А. Кучкин // Церковь, общество и государство в феодальной России: сборник статей / отв. ред. А. И. Клибанов. – Москва: Наука, 1990. С. 103–126.

69. Кучкин, В. А. Русь под игом: как это было? / В. А. Кучкин. – Москва: Панорама, 1991. – 28 с.

70. Лихачёв, Д. С. Поэтика древнерусской литературы / Д. С. Лихачев. – 3-е изд. – Москва: Наука, 1979. – 360 с.

71. Ломоносов, М. В. Идеи для живописных картин из Российской истории / М. В. Ломоносов // Ломоносов М. В. Избранная проза. – Москва: Советская Россия, 1980. – С. 257–262.

72. Ломоносов, М. В. Замечания на диссертацию Г.-Ф. Миллера «Происхождение имени и народа российского» / М. В. Ломоносов // Ломоносов М. В. Избранная проза. – Москва: Советская Россия, 1980. – С. 201–215.

73. Лурье, Я. С. Древняя Русь в сочинениях Л.Н. Гумилёва / Я. С. Лурье // Звезда. – 1994. – № 10. – С. 167–177.

74. Лурье, Я. С. Россия древняя и Россия новая (избранное) / Я. С. Лурье. – Москва: Дмитрий Буланин, 1997. – 403 с.

75. Лызлов, А. И. Скифская история / А. И. Лызлов / отв. ред. Е. В. Чистякова. – Москва: Наука, 1990. – 518 с.

76. Любавский, М. К. Лекции по древней русской истории до конца XVI века / М. К. Любавский. – 4-е изд. – Санкт-Петербург: Лань, 2000. – 480 с.

77. Мавродин, В. В. Древняя и средневековая Русь / В. В. Мавродин. – Санкт-Петербург: Наука, 2009. – 719 с.

78. Макарий, (Булгаков). История Русской Церкви. Т. 4, кн. 1: В период монгольский / Макарий (Булгаков). – Санкт-Петербург: Типография Ю. А. Бокрама, 1866. – 388 с.

79. Макаров, Н. А. Русь. Век тринадцатый / Н. А. Макаров // Родина. – 2003. – № 12. – С. 19–24.

80. Малов, Н. М. Религия в Золотой Орде: учеб. пособие / Н. М. Малов, А. Б. Малышев, А. И. Ракушин. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1998. – 128 с.

81. [Манкиев, А. И.] Ядро Российской истории / А. И. Манкиев. – Москва: Императорский Московский ун-т, 1770. – 392 с.

82. Матузова, В. И. Тевтонская угроза / В. И. Матузова // Родина. – 2003. – № 12. – С. 34–37.

83. Мерперт, Н. Я. Георг Вернадский. Монголы и Россия / Н. Я. Мерперт, В. Т. Пашуто // Вопросы истории. – 1955. – № 8. – С. 180–186.

84. Милюков, П. Н. Очерки истории русской культуры: в 3 т. / П. Н. Милюков. – Москва: Прогресс, 1993. – Т. 1. – 528 с.

85. Мыськов, Е. П. Политическая история Золотой Орды (1236–1313 гг.) / Е. П. Мыськов. – Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. ун-та, 2003. – 178 с.

86. Назаров, В. Д. Свержение ордынского ига на Руси / В. Д. Назаров. – Москва: Знание, 1983. – 64 с.

87. Насонов, А. Н. Монголы и Русь. История татарской политики на Руси / А. Н. Насонов. – Москва; Ленинград: Академия наук СССР, 1940. – 178 с.

88. Насонов, А. Н. Татарское иго на Руси в освещении М. Н. Покровского / А. Н. Насонов // Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского: сб. ст. – Москва; Ленинград: Академия наук СССР, 1940. – Ч. 2. – С. 59–90.

89. Наумов, П. Об отношениях российских князей к монгольским и татарским ханам от 1224 по 1480 год / П. Наумов. – Санкт-Петербург: Департамент народного просвещения, 1823. – 83 с.

90. Неволин, К. А. Полное собрание сочинений. – Т. 4: История российских гражданских законов. – Ч. 2: Книга вторая об имуществах. Раздел первый об имуществах вообще и раздел второй о правах на вещи / К. А. Неволин. – Санкт-Петербург: Типография Эдуарда Праца, 1857. – 446 с.

91. Нефёдов, С. А. Монгольские завоевания и формирование российской цивилизации / С. А. Нефедов // Вопросы истории. – 2006. – № 2.

– С. 113–123.

92. Нечволодов, А. Д. Сказание о Русской земле / А. Д. Нечволодов. – 3-е изд. – Санкт-Петербург: Государственная типография, 1913. – Ч. 2. – 488 с.

93. Нолев, Е. В. «Монголо-татарское иго»: идеологический и методологический аспекты исторического дискурса / Е. В. Нолев // Вестник БГУ. – 2013. – № 8. – С. 92–96.

94. Очерки истории СССР. Период феодализма IX–XV вв.: в 2 ч. / под ред. Б. Д. Грекова, Л. В. Черепнина, В. Т. Пашуто. – Москва: Академия наук СССР, 1953. – Ч. 1. – 984 с.

95. Очерки русской культуры XIII–XV веков. – Ч. 2: Духовная культура. – Москва: Изд-во Московского ун-та, 1969. – 435 с.

96. Павлов-Сильванский, Н. П. Феодализм в России / Н. П. Павлов-Сильванский / отв. ред. С. О. Шмидт. – Москва: Наука, 1988. – 690 с.

97. Пашуто, В. Т. Героическая борьба русского народа за независимость / В. Т. Пашуто. – Москва: Госполитиздат, 1956. – 279 с.

98. Петров, А. Е. Память о Куликовской битве как образ российских трансформаций / А. Е. Петров // В мире науки. – 2011. – № 7. – С. 76–86.

99. Платон (Левшин). Краткая церковная российская история, сочиненная преосвященным Платоном, Митрополитом Московским в Вифании / Платон (Левшин). – Москва: Синодальная типография, 1805. – 388 с.

100. Платонов, С. Ф. Лекции по русской истории: в 2 ч. / С. Ф. Платонов. – Москва: ВЛАДОС, 1994. – Ч. 1. – 480 с.

101. Погодин, М. П. Древняя русская история до монгольского ига: в 2 т. / М. П. Погодин. – Москва: ТЕРРА – Книжный клуб; Литература, 1999. – Т. 1. – 512 с.; – Т. 2. – 528 с.

102. Полевой, Н. А. История русского народа / Н. А. Полевой. – Москва: Типография Августа Семена, 1833. – Т. 4. – 450 с.

103. Покровский, М. Н. Русская история: в 3 т. / М. Н. Покровский. –

Санкт-Петербург: Полигон, 2002. – Т. 1. – 346 с.

104. Почекаев, Р. Ю. Золотая Орда. История в имперском контексте / Р. Ю. Почекаев. – Санкт-Петербург: Наука, 2017. – 206 с.

105. Почекаев, Р. Ю. Право Золотой Орды / Р. Ю. Почекаев. – Казань: Фэн АН РТ, 2009. – 260 с.

106. Почекаев, Р. Ю. Цари ордынские. Биография ханов и правителей Золотой Орды / Р. Ю. Почекаев. – 2-е изд. – Санкт-Петербург: ЕВРАЗИЯ, 2012. – 464 с.

107. Похлёбкин, В. В. Татары и Русь: 360 лет отношений Руси с татарскими государствами в XIII–XVI вв.: справочник / В. В. Похлёбкин. – Москва: Международные отношения, 2000. – 188 с.

108. Пресняков, А. Е. Лекции по русской истории. – Т. 2, вып. 1: Западная Русь и Литовско-русское государство / А. Е. Пресняков. – Москва: Соцэкгиз, 1939. – 245 с.

109. Пресняков, А. Е. Образование Великорусского государства: очерки по истории XIII–XV столетий / А. Е. Пресняков. – Петроград: Типография Я. Башмаков и К°, 1918. – 458 с.

110. Рахимзянов, Б. Р. Москва и татарский мир: сотрудничество и противостояние в эпоху перемен, XV–XVI вв. / Б. Р. Рахимзянов. – Санкт-Петербург: ЕВРАЗИЯ, 2016. – 396 с.

111. Рихтер, А. Исследования о влиянии монголо-татар на Россию / А. Рихтер // Отечественные записки. – Санкт-Петербург: Типография А. Смирдина, 1825. – С. 333–371.

112. Рожков, Н. А. Русская история в сравнительно-историческом освещении (основы социальной динамики). – Т. 3: Падение феодализма / Н. А. Рожков. – 2-е изд. – Москва; Ленинград: Книга, 1928. – 372 с.

113. Рудаков, В. Н. Концепция ордынского «ига» и отношения с Ордой в русском общественном сознании второй половины XIII–XVI веков / В. Н. Рудаков // Вестник МГИМО. – 2012. – № 4. – С. 24–32.

114. Рудаков, В. Н. Монголо-татары глазами древнерусских

книжников середины XIII–XV в. / В. Н. Рудаков. – 2-е изд. – Москва: Квадрига, 2014. – 272 с.

115. Русская история в очерках и статьях / под ред. М. В. Довнар-Запольского. – Москва: [Б. и.], 1904. – Т. 1. – 607 с.

116. Рыбаков, Б. А. О преодолении самообмана (по поводу книги Л.Н. Гумилева «Поиски вымышленного царства») / Б. А. Рыбаков // Вопросы истории. – 1971. – № 3. – С. 153–159.

117. Рыбаков, Б. А. Ремесло Древней Руси / Б. А. Рыбаков. – [Москва]: Академия наук СССР, 1948. – 792 с.

118. Рязановский, В. А. К вопросу о влиянии монгольской культуры и монгольского права на русскую культуру и право / В. А. Рязановский // Вопросы истории. – 1993. – № 7. – С. 152–163.

119. Савельев-Ростиславич, Н. В. Димитрий Иоаннович Донской, первоначальник русской славы / Н. В. Савельев-Ростиславич. – Москва: Типография Н. Степанова, 1837. – 157 с.

120. Сафаргалиев, М. Г. Распад Золотой Орды / М. Г. Сафаргалиев. – Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1960. – 276 с.

121. Сахаров, А. Н. Казань в судьбах России / А. Н. Сахаров // Родина. – 2005. – № 8. – С. 12–17.

122. Селезнёв, Ю. В. Полемические заметки об образе татар в русской средневековой книжности / Ю. В. Селезнёв // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. – Санкт-Петербург, 2011. – № 1. – С. 215–232.

123. Селезнёв, Ю. В. Происхождение понятия «монголо-татарское иго» (терминологическая заметка) / Ю. В. Селезнёв // Российская история. – 2012. – № 4. – С. 107–110.

124. Селезнёв, Ю. В. Русско-ордынские военные конфликты XIII–XV веков: справочник / Ю. В. Селезнёв. – Москва: Квадрига, 2010. – 224 с.

125. Селезнёв, Ю. В. Русь – Залесская Орда? / Ю. В. Селезнёв // Родина. – 2012. – № 9. – С. 124–126.

126. Сергеевич, В. И. Лекции и исследования по древней истории

русского права / В. И. Сергеевич. – 4-е изд. – Санкт-Петербург: Типография М. М. Стасюлевича, 1910. – 666 с.

127. Скрынников, Р. Г. История Российская. IX–XVII вв. / Р. Г. Скрынников. – Москва: Весь мир, 1997. – 496 с.

128. Соловьёв, С. М. Сочинения: в 18 кн. / С. М. Соловьев / отв. ред. И. Д. Ковальченко, С. С. Дмитриев. – Москва: Мысль, 1988. – Кн. 1, т. 1–2. – 797 с.

129. Соловьёв, С. М. Сочинения: в 18 кн. / С. М. Соловьев / отв. ред. И. Д. Ковальченко, С. С. Дмитриев. – Москва: Мысль, 1988. – Кн. 2, т. 3–4. – 765 с.

130. Сусенков, Е. И. Русско-монгольская война (1237–1241 гг.) / Е. И. Сусенков. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2006. – 110 с.

131. Татищев, В. Н. История Российская. Ч. 2 / В. Н. Татищев // Татищев В. Н. Собрание сочинений: в 8 т.– Москва: Ладомир, 1994. – Т. 2, 3. – (Репринтное издание: Москва, 1963–1964). – 688 с.

132. Тизенгаузен, В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. – Т. 1: Извлечения из сочинений арабских / В. Г. Тизенгаузен. – Санкт-Петербург: Издано на иждивение гр. С. Г. Строганова, 1884. – 563 с.

133. Тихвинский, С. Л. Татаро-монгольские завоевания в Азии и Европе. Вступительная статья / С. Л. Тихвинский // Татаро-монголы в Азии и Европе: сб. ст. – 2-е изд. / отв. ред. С. Л. Тихвинский. – Москва: Наука, 1977. – С. 3–22.

134. Тихомиров, М. Н. Куликовская битва 1380 г. / М. Н. Тихомиров // Вопросы истории. – 1955. – № 8. – С. 11–25.

135. Тихомиров, М. Н. Средневековая Москва / М. Н. Тихомиров. – Москва: Книжный сад, 1997. – 480 с.

136. Трепавлов, В. В. Золотая Орда в XIV столетии / В. В. Трепавлов. – Москва: Квадрига, 2010. – 72 с.

137. Труды Отдела древнерусской литературы / Институт русской литературы (Пушкинский Дом); отв. ред. Д. С. Лихачев. – Т. 34: Куликовская

битва и подъем национального самосознания. – Ленинград: Наука, 1979. – 413 с.

138. Тюркологический сборник. 2001: Золотая Орда и ее наследие. – Москва: Восточная литература, 2002. – 302 с.

139. Устрялов, Н. Г. Русская история до 1855 года: в 2 ч. / Н. Г. Устрялов. – Петрозаводск: Корпорация «Фолиум», 1997. – 958 с.

140. Федоров-Давыдов, Г. А. Общественный строй Золотой Орды / Г. А. Федоров-Давыдов. – Москва: Изд-во Московского университета, 1973. – 180 с.

141. Филарет (Гумилевский). История Русской Церкви. Период второй, монгольский. От опустошения России монголами до разделения митрополии. 1236–1410 г. / Филарет (Гумилевский). – 2-е изд. – Москва: Типография В. Готье, 1850. – 176 с.

142. Филарет (Гумилевский). Русские святые, чтимые всей Церковью или местно: Опыт описания жизни их. Май, июнь, июль, август / Филарет (Гумилевский). – 3-е изд., доп. – Санкт-Петербург: Издание книгопродавца И. Л. Тузова, 1882. – 585 с.

143. Филарет (Гумилевский). Русские святые, чтимые всей Церковью или местно: Опыт описания жизни их. Сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь / Филарет (Гумилевский). – 3-е изд., доп. – Санкт-Петербург: Издание книгопродавца И. Л. Тузова, 1882. – 612 с.

144. Филарет (Гумилевский). Русские святые, чтимые всей Церковью или местно: Опыт описания жизни их. Январь, февраль, март, апрель / Филарет (Гумилевский). – 3-е изд., доп. – Санкт-Петербург: Издание книгопродавца И. Л. Тузова, 1882. – 568 с.

145. Фроянов, И. Я. Нашествие на русскую историю / И. Я. Фроянов. – Санкт-Петербург: Русская коллекция, 2020. – 1088 с.

146. Хакимов, Р. С. Два истока российской государственности / Р. С. Хакимов // Родина. – 2005. – № 8. – С. 45–47.

147. Хакимов, Р. С. Золотая Орда как вершина тюрко-татарской

цивилизации / Р. С. Хакимов // Золотоордынская цивилизация: сб. ст. / ред. И. М. Миргалеев. – Казань: Институт истории АН РТ, 2008. – Вып. 1. – С. 14–21.

148. Хрусталев, Д. Г. Русь: от нашествия до «ига» (30–40-е гг. XIII в.) / Д. Г. Хрусталев. –2-е изд. – Санкт-Петербург: Евразия, 2008. – 384 с.

149. Церковь, общество и государство в феодальной России: сборник статей / отв. ред. А. И. Клибанов. – Москва: Наука, 1990. – 351 с.

150. Черепнин, Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. Очерки социально-экономической и политической истории Руси / Л. В. Черепнин. – Москва: Соцэкгиз, 1960. – 899 с.

151. Чичерин, Б. Н. Областные учреждения России в XVII веке / Б. Н. Чичерин. – Москва: Типография Александра Семена, 1856. – 592 с.

152. Шаймиев, М. Ш. В истории народа – его настоящее и будущее! / М. Ш. Шаймиев // Родина. – 1997. – № 3–4. – С. 6.

153. Шахматов, М. В. Отношение древне-русских книжников к татарам / М. В. Шахматов // Труды IV Съезда русских академических организаций за границей. – Белград: Русский науч. ин-т в Белграде, 1929. – Ч. 1. – С. 165–173.

154. Шмурло, Е. Ф. Введение в русскую историю / Е. Ф. Шмурло. – Прага: Пламя, 1924. – 178 с.

155. Шмурло, Е. Ф. История России. 862–1917. / Е. Ф. Шмурло. – 2-е изд. – Нижний Новгород: Черная Сотня, 2016. – 688 с.

156. Шмурло, Е. Ф. Курс русской истории. – Т. 1: Возникновение и образование Русского государства (862–1462). / Е. Ф. Шмурло. – 2-е изд. – Санкт-Петербург: Алетейя, 1999. – 541 с.

157. Щербатов, М. М. История Российская от древнейших времён. Т. 3: От покорения России татарами до великого Князя Димитрия Иоанновича Донского / М. М. Щербатов. – Санкт-Петербург: Императорская Академия наук, 1774. – 514 с.

158. Щербатов, М. М. История Российская от древнейших времен. Т. 4: От начала царствования великого Князя Димитрия Иоанновича, проименованного Донской, до царствования Царя Иоанна Васильевича. Часть 1: От начала царствования великого Князя Димитрия Иоанновича, проименованного Донской, до царствования великого Князя Иоанна Васильевича / М. М. Щербатов. – Санкт-Петербург: Императорская Академия наук, 1781. – 592 с.

159. Экземплярский, А. В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. – Т. 1: Великие князья Владимирские и Владимиро-Московские / А. В. Экземплярский. – Санкт-Петербург: Императорская Академия наук, 1889. – 474 с.

160. Юрганов, А. Л. Категории русской средневековой культуры / А. Л. Юрганов. – Москва: МИРОС, 1998. – 448 с.

161. Юрганов, А. Л. У истоков деспотизма / А. Л. Юрганов // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX – начала XX в. / сост. С. В. Мироненко. – Москва: Политиздат, 1991. С. 34–75.

Справочные издания

162. Большая российская энциклопедия: в 30 т. / отв. ред. С. Л. Кравец. – Т. 10: Железное дерево – Излучение. – Москва: Большая российская энциклопедия, 2008. – 767 с.

163. Большая российская энциклопедия: в 30 т. / отв. ред. С. Л. Кравец. – Т. 20: Меотская археологическая культура – Монголо-татарское нашествие. – Москва: Большая российская энциклопедия, 2012. – 767 с.

164. Большая советская энциклопедия: в 30 т. / гл. ред. А. М. Прохоров. – 3-е изд. – Т. 16: Мезия – Моршанск. – Москва: Советская энциклопедия, 1974. – 615 с.

165. Большая советская энциклопедия: в 66 т. / гл. ред. О. Ю. Шмидт. – 1-е изд. – Т. 27: Зерновые – Империализм. – Москва: Советская

энциклопедия, 1933. – 960 стб.

166. Большая советская энциклопедия: в 66 т. / гл. ред. О. Ю. Шмидт. – 1-е изд. – Т. 40: Монада – Нага. – Москва: Советская энциклопедия, 1938. – 784 стб.

167. Малая советская энциклопедия: в 10 т. / гл. ред. Н. Л. Мещеряков. – 1-е изд. – Т. 8: Скульптура – Тугарин. – Москва: Советская энциклопедия, 1930. – 990 стб.

168. Малая советская энциклопедия: в 11 т. / гл. ред. О. Ю. Шмидт. – 2-е изд. – Т. 10: СССР – Ульяновск. – Москва: Советская энциклопедия, 1940. – 1056 стб.

169. Отечественная история: История России с древнейших времен до 1917 года: энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. В. Л. Янин. – Т. 3: К – М. – Москва: Большая российская энциклопедия, 2000. – 623 с.

170. Советская историческая энциклопедия: в 16 т. / гл. ред. Е. М. Жуков. – Т. 9: Мальта – Нахимов. – Москва: Советская энциклопедия, 1966. – 1000 стб.

171. Энциклопедический словарь Гранат. – 7-е изд. – Т. 41, ч. 7. Тамплиеры – Тецель. – Москва: Русский библиографический и-т Гранат, 1927. – 704 стб.

172. [Эристов, Д. А.] Словарь исторический о святых, прославленных в Российской церкви, и о некоторых подвижниках благочестия, местно чтимых / Д. А. Эристов. – Санкт-Петербург: Типография II отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1836. – 303 с.

Материалы публицистики и общественной мысли

173. Аджи, М. Азиатская Европа / М. Аджи. – Москва: АСТ; АСТ МОСКВА, 2006. – 1128 с.

174. Акунин, Б. Часть Азии. История Российского государства. Ордынский период / Б. Акунин. – Москва: АСТ, 2014. – 393 с.

175. Белинский, В. Г. Литературные мечтания / В. Г. Белинский // Полное собрание сочинений: в 13 т. – Т. 1: Статьи и рецензии. Художественные произведения 1829–1835. – Москва: Академия наук СССР, 1953. – 574 с.

176. Герцен, А. И. О развитии революционных идей в России / А. И. Герцен // Герцен, А. И. Собрание сочинений: в 30 т. – Т. 7: О развитии революционных идей в России. Произведения 1851–1852 годов. – Москва: Академия наук СССР, 1956. – 467 с.

177. Гоголь, Н. В. Взгляд на составление Малороссии / Н. В. Гоголь // Гоголь, Н. В. Полное собрание сочинений: в 14 т. Т. 8: Статьи. – Москва; Ленинград: Академия наук СССР, 1952. – С. 40–49.

178. Гумилёв, Л. Н. Древняя Русь и Великая степь / Л. Н. Гумилёв. – Москва: Мысль, 1989. – 764 с.

179. Гумилёв, Л. Н. «Меня называют евразийцем…» / Л. Н. Гумилёв // Наш современник. – 1991. – № 1. – С. 132–141.

180. Гумилёв, Л. Н. «Скажу вам по секрету, что если Россия будет спасена, то только через евразийство» / Л. Н. Гумилёв // Социум. – 1992. – № 9 (21). – С. 78–88.

181. Гумилёв, Л. Н. «Чёрная легенда» (историко-психологический этюд) / Л. Н. Гумилёв, А. И. Куркчи // Гумилев Л. Н. Черная легенда. – Москва: Алгоритм, 2006. – 352 с.

182. Данилевский, Н. Я. Россия и Европа / Н. Я. Данилевский. – Москва: Книга, 1991. – 574 с.

183. Дугин, А. Г. Чингис-хан и монголосфера / А. Г. Дугин // Основы евразийства. – Москва: Арктогея-Центр, 2002. – С. 766–780.

184. Дугин, А. Г. Эволюция национальной идеи Руси (России) на разных исторических этапах / А. Г. Дугин // Основы евразийства. – Москва: Арктогея-Центр, 2002. – С. 716–743.

185. Еникеев, Г. Р. Корона Ордынской империи, или Татарского ига не было / Г. Р. Еникеев. – Москва: Алгоритм, 2012. – 400 с.

186. «Идегеево побоище» ЦК ВКП(б): Постановление обкома ВКП(б) от 06.10.1944 г. / подгот. и коммент. И. Л. Измайлова // Родина. – 1997. – № 8. – С. 116–118.

187. Имя России: Митрополит Кирилл об Александре Невском [Электронный ресурс]. – URL: https://rutube.ru/video/08e5c3eefa1a45a7fb055687d8e4dee8/ (дата обращения: 30.04.2025).

188. Кожинов, В. В. Правда против кривды / В. В. Кожинов. – Москва: Алгорит; Эксмо, 2006. – 512 с.

189. Лихачёв, Д. С. Предисловие / Д. С. Лихачёв // Гумилёв Л. Н. Древняя Русь и Великая степь / Л. Н. Гумилёв. – Москва: Мысль, 1989. – С. 7–10.

190. Маркс, К. Разоблачения дипломатической истории XVIII века / К. Маркс // Вопросы истории. – 1989. – № 4. – С. 3–19.

191. Официальный сайт «Имя Россия». Архивная копия. – URL: https://web.archive.org/web/20210630111404/http://www.nameofrussia.ru/ (дата обращения: 29.04.2025).

192. Пензев, К. А. Русский царь Батый / К. А. Пензев. – Москва: Алгоритм, 2006. – 320 с.

193. Плеханов, Г. В. История русской общественной мысли / Г. В. Плеханов. – Москва: Земля, 1914. – Т. 1. – 304 с.

194. Пушкин, А. С. О ничтожестве литературы русской / А. С. Пушкин // Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений: в 17 т. – Т. 11: Критика и публицистика 1819–1834. – Москва: Воскресенье, 1996. – (Репринтное издание: Москва; Ленинград, 1949). – С. 268–272.

195. Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений: в 17 т. – Т. 16: Переписка 1835–1837 / А. С. Пушкин. – Москва: Воскресенье, 1997. – (Репринтное издание: Москва; Ленинград, 1949). – 532 с.

196. Пыжиков, А. В. Славянский разлом. Украинско-польское иго в России / А. В. Пыжиков. – Москва: Концептуал, 2018. – 272 с.

197. Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн: антология / ред.-сост. Л. И. Новикова, И. Н. Сиземская. – Москва: Наука, 1993. – 368 с.

198. Савицкий, П. Н. Степь и оседлость / П. Н. Савицкий // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн: антология. – Москва: Наука, 1993. – С. 123–130.

199. Спицын, Е. Ю. Про: варягов, ордынское иго, монгол и татар, ложную русскую историю, Фоменко [Электронный ресурс] / Е. Ю. Спицын. – URL: https://rutube.ru/video/d75bb7ac6ed4fdbb49a728c7038bfea2/ (дата обращения: 21.02.2025).

200. Сталин, И. В. Доклад об очередных задачах партии в национальном вопросе. 10 марта 1921 г. X съезд РКП(б) / И. В. Сталин // Сталин, И. В. Сочинения: в 13 т. – Т. 5: 1921–1923. – Москва: Госполитиздат, 1947. – С. 33–44.

201. Сулейменов, О. Аз и Я. Книга благонамеренного читателя / О. Сулейменов. – Москва: Грифон, 2005. – 272 с.

202. Трубецкой, Н. С. Наследие Чингисхана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока / Н. С. Трубецкой // История. Культура. Язык / сост. В. М. Живова. – Москва: Издательская группа «Прогресс», 1995. – С. 211–266.

203. Трубецкой, Н. С. О туранском элементе в русской культуре / Н. С. Трубецкой // История. Культура. Язык / сост. В. М. Живова. – Москва: Издательская группа «Прогресс», 1995. – С. 141–161.

204. Фурсов, А. И. Русь и Золотая Орда. Миф, факты, домыслы [Электронный ресурс] / А. И. Фурсов. – URL: https://rutube.ru/video/36128fa9e3d2a8e1f6edf2c55a7cd469/ (дата обращения: 18.02.2025).

205. Хара-Даван, Э. Чингис-хан как полководец и его наследие: Культурно-исторический очерк Монгольской империи XII–XIV вв. / Э. Хара-Даван. – 2-е изд. – Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1991. – 196 с.

206. Чаадаев, П. Я. Полное собрание сочинений и избранные письма / П. Я. Чаадаев. – Москва: Наука, 1991. – Т. 1. – 800 с.

207. Чернышевский, Н. Г. Полное собрание сочинений: в 15 т. – Т. 14: Письма 1838–1876 годов / Н. Г. Чернышевский. – Москва: Гослитиздат, 1949. – 897 с.

208. Чивилихин, В. А. Память: роман-эссе: в 2 кн., 3 т. / В. А. Чивилихин. – Москва: Патриот, 1993. – Т. 3. – 505 с.

209. Широкорад, А. Б. Русь и Орда / А. Б. Широкорад. – Москва: Вече, 2006. – 320 с.

210. Широкорад, А. Б. Татары и русские в едином строю / А. Б. Широкорад. – Москва: Вече, 2012. – 368 с.

Учебная литература

211. Беллярминов, И. И. Элементарный курс всеобщей и русской истории / И. И. Беллярминов. – 38-е изд. – Санкт-Петербург: Типография М. А. Александрова, 1910. – 384 с.

212. Данилов, А. А. История России: с древнейших времен до конца XVI века: учебник для 6 кл. общеобраз. учреждений / А. А. Данилов, Л. Г. Косулина. – 7-е изд. – Москва: Просвещение, 2007. – 256 с.

213. Иловайский, Д. И. Краткие очерки русской истории. Курс старшего возраста / Д. И. Иловайский. – 9-е изд. – Москва: Типография Грачева, 1868. – 396 с.

214. Иловайский, Д. И. Руководство к русской истории. Средний курс / Д. И. Иловайский. – 40-е изд. – Москва: Типо-литография А. В. Васильева и К°, 1901. – 180 с.

215. Историко-культурный стандарт. 2021. [Электронный ресурс] – URL: https://felicita.tilda.ws/istoriko-kulturny-standart-2020 (дата обращения: 24.03.2025).

216. История. История России: 6 класс: учебник: в 2 ч. / под ред.

А. В. Торкунова. – 3-е изд. – Москва: Просвещение, 2023. – Ч. 2. – 128 с.

217. История России: учебник для вузов: в 2 ч. / под ред. Ю. А. Петрова. – Москва: Наука, 2024. – 594 с.

218. История России с древнейших времен до конца XVII века / под ред. Л. В. Милова. – Москва: Эксмо, 2006. – 768 с.

219. История России с древнейших времен до конца XVIII в.: учебник / под ред. Б. Н. Флори. – Москва: Изд-во Московского ун-та, 2010. – 544 с.

220. История России. С древнейших времен до начала XXI в. / под ред. А. Н. Сахарова. – Москва: АСТ; Астрель, 2011. – 1263 с.

221. История России: учебник / А. С. Орлов [и др.]. – 2-е изд. – Москва: Проспект, 2016. – 680 с.

222. История СССР / под ред. В. И. Пичеты, М. Н. Тихомирова, А. В. Шестакова. – Москва: Госполитиздат, 1941. – Т. 1. – 440 с.

223. История СССР. – Т. 1: С древнейших времен до конца XVIII века / под. ред. Б. Д. Грекова, С. В. Бахрушина, В. И. Лебедева. – 2-е изд. – Москва: Госполитиздат, 1947. – 744 с.

224. История СССР: учебник для 8 класса средней школы / под ред. А. М. Панкратовой. – 12-е изд. – Москва: Учпедгиз, 1953. – Ч. 1. – 240 с.

225. Ишимова, А. О. История России в рассказах для детей // А. О. Ишимова. – Санкт-Петербург: Императорская Российская академия, 1837. – Ч. 1. – 269 с.

226. Ишимова, А. О. История России в рассказах для детей // А. О. Ишимова. – Санкт-Петербург: Императорская Российская академия, 1837. – Ч. 2. – 314 с.

227. Кацва, Л. А. История России VIII–XV вв.: учебник для VII класса средних учебных заведений / Л. А. Кацва, А. Л. Юрганов. – Москва: МИРОС, 1995. – 240 с.

228. Ключевский, В. О. Краткое пособие по русской истории / В. О. Ключевский. – Москва: Прогресс-Пангея, 1992. – (Репринтное издание: Москва, 1906). – 208 с.

229. Концепция нового учебно-методического комплекса по отечественной истории. 2014. [Электронный ресурс] – URL: https://historyrussia.org/images/documents/konsepsiyafinal.pdf (дата обращения: 24.03.2025).

230. Краткий курс истории СССР: учебник для 3-го и 4-го классов / под ред. А. В. Шестакова. – Москва: Учпедгиз, 1937. – 223 с.

231. Кузьмин, А. Г. История России с древнейших времен до 1618 г.: учебник для студентов высших учебных заведений: в 2 кн. / А. Г. Кузьмин. – Москва: ВЛАДОС, 2004. – Кн. 1. – 447 с.

232. Кузьмин, А. Г. История России с древнейших времен до 1618 г.: учебник для студентов высших учебных заведений: в 2 кн. / А. Г. Кузьмин. – Москва: ВЛАДОС, 2004. – Кн. 2. – 464 с.

233. Ломоносов, М. В. Краткий российской летописец с родословием / М. В. Ломоносов. – Санкт-Петербург: Императорская Академия наук, 1760. – 75 с.

234. Мечта о русском единстве. Киевский синопсис (1674) / предисл. и подгот. текста О. Я. Сапожников, И. Ю. Сапожникова. – Москва: Европа, 2006. – 239 с.

235. Нечкина, М. В. История СССР: учебное пособие для 7-го класса / М. В. Нечкина, А. В. Фадеев. – 5-е изд. – Москва: Просвещение, 1965. – 264 с.

236. Острогорский, М. Я. Учебник русской истории: элементарный курс для средних учебных заведений и городских училищ / М. Я. Острогорский. – Таллинн: Октообер, 1992. – (Репринтное издание: Санкт-Петербург, 1913). – 167 с.

237. Павленко, Н. И. История России с древнейших времен до 1861 года: учебник для бакалавров / Н. И. Павленко, И. Л. Андреев, В. А. Федоров / под ред. Н. И. Павленко. – 5-е изд. – Москва: Юрайт, 2012. – 712 с.

238. Платонов, С. Ф. Учебник русской истории для средней школы:

курс систематический: в 2 ч. / С. Ф. Платонов. – 9-е изд. – Петроград: Типография Я. Башмаков и К°, 1917. – 500 с.

239. Покровский, М. Н. Русская история в самом сжатом очерке / М. Н. Покровский. – 5-е изд. – [Б. м.]: Учпедгиз, 1934. – 259 с.

240. Преображенский, А. А. История Отечества: учебник для 6–7 классов общеобразовательных учреждений / А. А. Преображенский, Б. А. Рыбаков. – 4-е изд. – Москва: Просвещение, 1999. – 303 с.

241. Пчелов, Е. В. История России с древнейших времен до начала XVI века: учебник для 6 класса общеобразовательных организаций / Е. В. Пчелов, П. В. Лукин. – 2-е изд. – Москва: Русское слово–Учебник, 2016. – 240 с.

242. Сахаров, А. Н. История России с древнейших времен до конца XVI века: учебник для 10 класса средних общеобразовательных учебных заведений / А. Н. Сахаров. – Москва: ТИД «Русское слово–РС», 2003. – 320 с.

243. Сахаров, А. Н. История России с древнейших времен до конца XVII века: учебник для 10 класса общеобразовательных учреждений / А. Н. Сахаров. – 10-е изд. – Москва: Русское слово–Учебник, 2012. – Ч. 1. – 336 с.

244. Соловьёв, С. М. Учебная книга русской истории / С. М. Соловьёв. – Москва: Типография Э. Барфкнехта и К°, 1859. – 566 с.

245. Спицын, Е. Ю. Древняя и Средневековая Русь IX–XVII вв.: Полный курс истории России для учителей, преподавателей и студентов / Е. Ю. Спицын. – Москва: Концептуал, 2015. – Кн. 1. – 400 с.

246. Устрялов, Н. Г. Начертание русской истории для средних учебных заведений / Н. Г. Устрялов. – 4-е изд. – Санкт-Петербург: Типография Штаба военно-учебных заведений, 1842. – 218 с.

247. Фортунатов, В. В. История: учеб. пособие. Стандарт третьего поколения. Для бакалавров / В. В. Фортунатов. – Санкт-Петербург: Питер, 2012. – 464 с.

248. Черникова, Т. В. История России с древнейших времен до начала XVI века: 6 класс: учебник / Т. В. Черникова, К. П. Чиликин / под общ. ред. В. Р. Мединского. – 3-е изд. – Москва: Просвещение, 2023. – 272 с.

Художественная литература

249. Аверкиев, Д. В. Мамаево побоище: Летописное сказание (картины русской жизни XIV века) в стихах / Д. В. Аверкиев // Эпоха: журнал литературный и политический, издаваемый семейством М. Достоевского. – 1864. – № 10. – С. 1–136.

250. Акунин, Б. Бох и Шельма: повесть / Б. Акунин. – Москва: АСТ, 2018. – 288 с.

251. Акунин, Б. Звездуха: повесть / Б. Акунин. – Москва: АСТ, 2019. – 256 с.

252. Балашов, Д. М. Государи Московские. Воля и власть. Юрий: романы / Д. М. Балашов. – Санкт-Петербург: Азбука-Аттикус, 2024. – 672 с.

253. Балашов, Д. М. Дмитрий Донской. Битва за Святую Русь: трилогия / Д. М. Балашов. – Москва: Астрель, 2012. – 1021 с.

254. Балашов, Д. М. Собрание сочинений: в 6 т. – Т. 1: Младший сын: роман / Д. М. Балашов. – Москва: Художественная литература, 1991. – 622 с.

255. Балашов, Д. М. Собрание сочинений: в 6 т. – Т. 2: Великий стол: роман / Д. М. Балашов. – Москва: Художественная литература, 1991. – 446 с.

256. Балашов, Д. М. Собрание сочинений: в 6 т. – Т. 3: Бремя власти: роман / Д. М. Балашов. – Москва: Художественная литература, 1991. – 382 с.

257. Балашов, Д. М. Собрание сочинений: в 6 т. – Т. 4: Симеон Гордый: роман / Д. М. Балашов. – Москва: Художественная литература, 1992. – 538 с.

258. Балашов, Д. М. Собрание сочинений: в 6 т. – Т. 5: Ветер времени: роман / Д. М. Балашов. – Москва: Художественная литература, 1993. – 575 с.

259. Балашов, Д. М. Собрание сочинений: в 6 т. – Т. 6: Отречение: роман / Д. М. Балашов. – Москва: Художественная литература, 1993. – 681 с.

260. Бородин, С. П. Дмитрий Донской: роман / С. П. Бородин. – Москва: РИПОЛ, 1993. – 382 с.

261. Возовиков, В. С. Поле Куликово: роман / В. С. Возовиков. – Москва: Современник, 1982. – 576 с.

262. Возовиков, В. С. Эхо Непрядвы: исторический роман / В. С. Возовиков. – Москва: Современник, 1988. – 559 с.

263. Гладышева, О. Н. Крест: роман: в 2 т. / О. Н. Гладышева, Б. В. Дедюхин. – Москва: АРМАДА, 1998. – Т. 1. – 491 с.

264. Гладышева, О. Н. Крест: роман: в 2 т. / О. Н. Гладышева, Б. В. Дедюхин. – Москва: АРМАДА, 1998. – Т. 2. – 426 с.

265. Глинка, С. Н. Михаил, князь Черниговский: трагедия в пяти действиях / С. Н. Глинка. – Москва: Типография Платона Бекетова, 1808. – 107 с.

266. Дедюхин, Б. В. Василий, сын Дмитрия: роман-дилогия. – Кн. 1: Свеча негасимая / Б. В. Дедюхин. – Москва: АРМАДА, 1995. – 528 с.

267. Дедюхин, Б. В. Василий, сын Дмитрия: роман-дилогия. – Кн. 2: В братстве без обиды / Б. В. Дедюхин. – Москва: АРМАДА, 1995. – 560 с.

268. Изюмский, Б. В. Ханский ярлык / Б. В. Изюмский // Избранное: исторические повести. – Москва: Детская литература, 1991. – С. 281–367.

269. Калашников, И. К. Жестокий век: роман / И. К. Калашников. – Москва: Современник, 1991. – 734 с.

270. Каратеев, М. Д. Железный хромец. Возвращение: исторические романы / М. Д. Каратеев. – Москва: Апрель, 1992. – 400 с.

271. Каратеев, М. Д. Карач-мурза. Богатыри проснулись: исторические романы / М. Д. Каратеев. – Москва: Профиздат, 1992. – 544 с.

272. Каратеев, М. Д. Ярлык великого хана: исторический роман / М. Д. Каратеев. – Москва: Профиздат, 1991. – 416 с.

273. Каргалов, В. В. У истоков России (Даниил Московский): историческая повесть / В. В. Каргалов. – Москва: Современник, 1979. – 288 с.

274. Кудинов, В. С. Неволя: исторический роман / В. С. Кудинов. –

Москва: АРМАДА, 1996. – 410 с.

275. Лебедев, В. А. Искупление: исторический роман / В. А. Лебедев. – Ленинград: Советский писатель, 1982. – 448 с.

276. Лощилов, И. Н. Свержение ига: исторический роман / И. Н. Лощилов. – Москва: АРМАДА, 1998. – 554 с.

277. Мосияш, С. П. Александр Невский: роман-трилогия / С. П. Мосияш. – Москва: АРМАДА, 1994. – 620 с.

278. Озеров, В. А. Димитрий Донской: трагедия / В. А. Озеров // Поле Родины: Сборник, 1380–1980 / сост. Б. Примеров, Н. Кондакова. – Москва: Молодая гвардия, 1980. – С. 50–98.

279. Орлов, А. А. Димитрий Донской, или Начало российского величия: героическая поэма / А. А. Орлов. – Москва: Университетская типография, 1827. – 99 с.

280. Павлищева, Н. П. Дмитрий Донской / Н. П. Павлищева. – Москва: Яуза, Эксмо, 2009. – 480 с.

281. Поле Родины: Сборник, 1380–1980 / сост. Б. Примеров, Н. Кондакова. – Москва: Молодая гвардия, 1980. – 207 с.

282. Пушкин, А. С. Борис Годунов / А. С. Пушкин // Полное собрание сочинений: в 17 т. – Т. 7: Драматические произведения. – Москва: Воскресенье, 1994. – (Репринт. изд: М.; Л., 1948). С. 5–98.

283. Рапов, М. А. Зори над Русью: Исторический роман / М. А. Рапов. – Москва: Астрель; АСТ, 2002. – 608 с.

284. Рылеев, К. Ф. Полное собрание стихотворений / К. Ф. Рылеев; вступ. ст. В. Г. Базанова и А. В. Архиповой; подгот. текста А. В. Архиповой. – Ленинград: Советский писатель, 1971. – 480 с.

285. Субботин, А. А. За землю Русскую: роман / А. А. Субботин. – Москва: Воениздат, 1957. – 696 с.

286. Тумасов, Б. Е. Русь Залесская / Б. Е. Тумасов // Исторические повести. – Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 1985. – С. 4–214.

287. Франко, И. Я. Захар Беркут / И. Я. Франко; пер. с укр. П. Карабан. – Москва; Ленинград: Детгиз, 1946. – 176 с.

288. Шмелев, И. С. Куликово поле / И. С. Шмелев // Повести и рассказы. – Москва: Светлый берег, 2008. – С. 40–93.

289. Югов, А. К. Ратоборцы: эпопея в 2 кн. / А. К. Югов. – Ленинград: Лениздат, 1983. – 478 с.

290. Языков, Н. М. Полное собрание стихотворений / Н. М. Языков / вступ. ст., подгот. текста и примеч. К. К. Бухмейер. – Москва; Ленинград: Советский писатель, 1964. – 707 с.

291. Ян, В. Г. Батый / В. Г. Ян // Собрание сочинений: в 4 т. – Москва: Правда, 1989. – Т. 2. – С. 332–529; – Т. 3. – С. 7–188.

292. Ян, В. Г. К «Последнему морю» / В. Г. Ян // Собрание сочинений: в 4 т. – Москва: Правда, 1989. – Т. 3. – С. 191–472.

293. Ян, В. Г. Чингис-хан / В. Г. Ян // Собрание сочинений: в 4 т. – Москва: Правда, 1989. – Т. 2. – С. 7–328.

Кинематограф и мультипликация

294. Александр Невский : [кинофильм] / реж. С. М. Эйзенштейн. 1938. – URL: https://www.culture.ru/live/movies/391/aleksandr-nevskii (дата обращения: 16.02.2024).

295. Андрей Рублев : [кинофильм] / реж. А. А. Тарковский. 1966. – URL: https://www.culture.ru/live/movies/550/andrei-rublev (дата обращения: 15.02.2024).

296. Василиса Микулишна : [мультфильм] / реж. Р. В. Давыдов. Союзмультфильм. 1975. – URL: https://www.kinopoisk.ru/film/448949/ (дата обращения: 20.11.2024).

297. Гора самоцветов – По колено ноги в золоте, по локоть руки в серебре : [мультфильм] / реж. С. В. Гордеев. 2013. – URL: https://azbyka.ru/video/multfilmy-iz-cikla-gora-samocvetov/#video62 (дата

обращения: 20.11.2024).

298. Даниил – князь Галицкий : [кинофильм] / реж. Я. В. Лупий. 1987. – URL: https://okko.tv/movie/daniil-knjaz-galickijj (дата обращения: 18.02.2024).

299. Житие Александра Невского : [кинофильм] / реж. Г. М. Кузнецов. 1991. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=eq3x1Aqieuk (дата обращения: 17.02.2024).

300. Захар Беркут : [кинофильм] / реж. Л. М. Осыка. 1971. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=m6thz5IoGDY (дата обращения: 16.02.2024).

301. Злой город: [кинофильм] / реж. К. В. Буслов. 2025. – URL: https://www.kinopoisk.ru/film/1237984/ (дата обращения: 13.04.2025).

302. Золотая Орда : [киносериал] / реж. Т. А. Алпатов. 2018. – URL: https://www.kinopoisk.ru/series/780307/ (дата обращения: 26.02.2023).

303. Легенда о Коловрате : [кинофильм] / реж. Д. Х. Файзиев. 2017. – URL: https://www.kinopoisk.ru/film/844118/ (дата обращения: 21.02.2023).

304. Лебеди Непрядвы : [мультфильм] / реж. Р. В. Давыдов. 1980. – URL: https://www.kinopoisk.ru/film/433758/ (дата обращения: 20.11.2024).

305. Монгол : [кинофильм] / реж. С. В. Бодров. 2007. – URL: https://www.kinopoisk.ru/film/84675/ (дата обращения: 25.02.2023).

306. Орда : [кинофильм] / реж. А. А. Прошкин. 2012. – URL: https://www.kinopoisk.ru/film/533055/ (дата обращения: 16.02.2024).

307. Пересвет и Ослябя : [мультфильм] / реж. С. А. Подивилов. 2010. – URL: https://azbyka.ru/video/oslyabya-i-peresvet/ (дата обращения: 20.11.2024).

308. Сеча при Керженце : [мультфильм] / реж. И. П. Иванов-Вано, Ю. Б. Норштейн. Союзмультфильм. 1971. – URL: https://www.kinopoisk.ru/film/46043/ (дата обращения: 20.11.2024).

309. Сказ о Евпатии Коловрате : [мультфильм] / реж. Р. В. Давыдов. 1985. – URL: https://www.kinopoisk.ru/film/460520/ (дата обращения:

20.11.2024).

310. Тайна Чингис Хаана : [кинофильм] / реж. А. В. Борисов. 2009. – URL: https://www.kinopoisk.ru/film/397544/ (дата обращения: 24.02.2023).

311. Твой крест : [мультфильм] / реж. С. А. Подивилов. 2007. – URL: https://azbyka.ru/video/tvoj-krest/ (дата обращения: 20.11.2024).

Литература

312. Абрамкин, О. С. Концепции русской истории по материалам школьных учебников дореволюционной России / О. С. Абрамкин // История и педагогика естествознания. – 2015. – № 4. – С. 22–26.

313. Абрамкин, О. С. Проблемы отечественной истории в школьной литературе XVIII – начала XX в. / О. С. Абрамкин // Российский гуманитарный журнал. – 2015. – № 6. – С. 496–509.

314. Андерсон, Б. Воображаемые сообщества / Б. Андерсон; пер. с англ. В. Г. Николаев. – Москва: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2001. – 286 с.

315. Ассман, Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман; пер. с нем. М. М. Сокольской. – Москва: Языки славянской культуры, 2004. – 363 с.

316. Барг, М. А. Эпохи и идеи. Становление историзма / М. А. Барг. – Москва: Мысль, 1987. – 348 с.

317. Бобрицких, Л. Я. Евпатий Коловрат в истории русской поэзии (Н. Языков «Евпатий», Л. Мей «Песня про боярина Евпатия Коловрата», С. Есенин «Песнь о Евпатии Коловрате») / Л. Я. Бобрицких // Вестник Воронежского государственного университета. – Серия: Филология. Журналистика. – 2015. – № 2. – С. 14–18.

318. Будет создана теле- и кинокомпания «Православная энциклопедия» / МОСКВА, 28 нояб. – РИА Новости. – URL: https://ria.ru/20051129/42259308.html (дата обращения: 20.02.2023).

319. Бущик, Л. П. Очерк развития школьного исторического образования в СССР / Л. П. Бущик. – Москва: Академия педагогических наук РСФСР, 1961. – 540 с.

320. Вандалковская, М. Г. Историческая наука российской эмиграции: «евразийский соблазн» / М. Г. Вандалковская. – Москва: Памятники исторической мысли, 1997. – 349 с.

321. Витевицкий, В. П. История как предмет в школах России. – Ч. 3: Эволюция школьных учебников истории в постсоветской России / В. П. Витевицкий // Обозреватель – Observer. – 2016. – № 9 (320). – С. 91–110.

322. Вититнев, С. Ф. Евпатий Коловрат: художественное воплощение исторического образа / С. Ф. Вититнев, А. В. Шмелева // Учёные записки Новгородского государственного университета. – 2020. – № 3 (28). – С. 1–6.

323. Волков, Е. В. Игровое кино как источник для изучения культурной памяти / Е. В. Волков, Е. В. Пономарева // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2012. – № 10 (269). – С. 22–26.

324. Горбачёв, О. В. Советский художественный кинематограф как исторический документ: особенности анализа и интерпретации / О. В. Горбачёв // Документ. Архив. История. Современность. – Екатеринбург, 2015. – Вып. 15. – С. 126–136.

325. Горский, А. А. Средневековая Русь. О чем говорят источники / А. А. Горский. – Москва: Ломоносовъ, 2016. – 216 с.

326. Донин, А. Н. Учебники истории: прошлое и настоящее / А. Н. Донин // История и историческая память. – 2010. – № 1. – С. 31–39.

327. Дубин, Б. В. Семантика, риторика и социальные функции «прошлого»: к социологии советского и постсоветского исторического романа / Б. В. Дубин. – Москва: ГУ ВШЭ, 2003. – 42 с.

328. Евразийство: философия, история, политика / под ред. О. Т. Кирсанова. – Ростов-на-Дону: РГЭУ «РИНХ», 2006. – 86 с.

329. Ерохина, Е. А. Историческая память этнической общности в динамике социокультурных трансформаций / Е. А. Ерохина // Вестник Новосибирского государственного университета. – Серия: Философия. – 2008. – Т. 6, № 1. – С. 92–97.

330. Капорина, Ю. В. Мультфильм как источник первичных исторических знаний / Ю. В. Капорина // Евразийский союз ученых. – 2017. – № 3 (36). – С. 5–8.

331. Каргалов, В. В. Древняя Русь в советской художественной литературе: достоверность исторического романа / В. В. Каргалов. – Москва: Высшая школа, 1968. – 182 с.

332. Каргалов, В. В. Московская Русь в советской художественной литературе / В. В. Каргалов. – Москва: Высшая школа, 1971. – 184 с.

333. Клим Жуков о фильме «Легенда о Коловрате» [Электронный ресурс]. – URL: https://oper.ru/video/view.php?t=2468 (дата обращения: 25.02.23).

334. Ковальченко, И. Д. Методы исторического исследования / И. Д. Ковальченко. – Москва: Наука, 1987. – 438 с.

335. Кочевые империи Евразии: особенности исторической динамики / отв. ред. Б. В. Базаров, Н. Н. Крадин. – Москва: Наука – Восточная литература, 2019. – 503 с.

336. Крадин, Н. Н. Империя Чингис-хана / Н. Н. Крадин, Т. Д. Скрынникова. – Москва: Восточная литература РАН, 2006. – 557 с.

337. Ле Гофф, Ж. Рождение Европы / Ж. Ле Гофф; пер. с фр. А. Поповой. – Санкт-Петербург: Alexandria, 2007. – 391 с.

338. Леонтьева, О. Б. Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX – начала XX вв. / О. Б. Леонтьева. – Самара: Книга, 2011. – 448 с.

339. Леонтьева, О. Б. Образы прошлого, мемориальная парадигма и «историография памяти» в современной России / О. Б. Леонтьева, Л. П. Репина // Электронный научно-образовательный журнал «История». –

2015. – Т. 6, вып. 9 (42). – URL: https://history.jes.su/s207987840001259-3-1 (дата обращения: 02.04.2024).

340. Лойко, О. Т. Социальная память в контексте историзма / О. Т. Лойко, Н. А. Вакурина // Вестник Томского государственного университета. Серия: История. – 2011. – № 1 (13). – С. 158–161.

341. Лотман, Ю. М. Семиосфера / Ю. М. Лотман. – Санкт-Петербург: Искусство-СПб, 2010. – 704 с.

342. Лотман, Ю. М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики / Ю. М. Лотман // Об искусстве. – Санкт-Петербург: Искусство-СПб, 1998. – С. 288–372.

343. Лоуэнталь, Д. Прошлое – чужая страна / Д. Лоуэнталь; пер. с англ. А. В. Говорунова. – Санкт-Петербург: Владимир Даль; Русский Остров, 2004. – 622 с.

344. Лыскова, М. И. Влияние художественной литературы на формирование массового исторического сознания / М. И. Лыскова // Современные научные исследования. – 2013. – Вып. 1: Концепт. – URL: http://e–koncept.ru/article/990/ (дата обращения: 13.02.2025).

345. Мазур, Л. Н. Образ прошлого: формирование исторической памяти / Л. Н. Мазур // Известия Уральского федерального университета. – Серия 2: Гуманитарные науки. – 2013. – № 3 (117). – С. 243–256.

346. Мароши, В. В. «Монгольский миф» в русской литературе XX века / В. В. Мароши // Вестник ТГПУ. – 2003. – Вып. 1 (33). – С. 48–54.

347. Минц, С. С. Культура и самосознание: лекции по культурологии / С. С. Минц. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2008. – 326 с.

348. Минц, С. С. Мемуары и российское дворянство: Источниковедческий аспект историко-психологического исследования / С. С. Минц. – Санкт-Петербург: Нестор, 1998. – 260 с.

349. Минц, С. С. Теория и методология истории: тексты лекций и программа курса / С. С. Минц. – Краснодар, 2007. – 67 с.

350. Минц, С. С. Человек и пространство культуры / С. С. Минц,

И. К. Черемушникова. – Волгоград: Волгоградский государственный медицинский университет, 2018. – 400 с.

351. Новоселова, Е. А. «Димитрий Донской» В. А. Озерова как образец «патриотической» драматургии эпохи Наполеоновских войн / Е. А. Новоселова // Дергачевские чтения – 2011. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности: материалы X Всероссийской научной конференции. – Екатеринбург, 2012. – Т. 2. – С. 269–273.

352. Огоновская, И. С. Школьный учебник отечественной истории. Учебные издания как исторический источник / И. С. Огоновская // Документ. Архив. История. Современность. – 2011. – Вып. 12. – С. 264–286.

353. Оскоцкий, В. Д. Уроки мастера / В. Д. Оскоцкий // Ян. В. Г. Собрание сочинений: в 4 т.– Москва: Правда, 1989. – Т. 1. – С. 5–40.

354. Примеров, Б. Т. Поле Родины. Вступительная статья / Б. Т. Примеров // Поле Родины: Сборник, 1380–1980 / сост. Б. Примеров, Н. Кондакова. – Москва: Молодая гвардия, 1980. – С. 5–12.

355. Пушкарев, Л. Н. Повести о Куликовской битве в русской лубочной картинке и книжке XIX – начала XX века / Л. Н. Пушкарев, Л. П. Сидорова // Куликовская битва в литературе и искусстве. – Москва: Наука, 1980. – С. 129–153.

356. Репина, Л. П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки) / Л. П. Репина. – Москва: ГУ ВШЭ, 2003. – 44 с.

357. Репина, Л. П. «Мост из прошлого в грядущее», или Вновь о метафоре памяти / Л. П. Репина // Диалог со временем. – 2012. – Вып. 41. – С. 181–190.

358. Репина, Л. П. Память о прошлом в пространстве культуры / Л. П. Репина // Диалог со временем. – 2013. – Вып. 43. – С. 190–198.

359. Рикер, П. Память, история, забвение / П. Рикер; пер. с фр. И. И. Блауберг. – Москва: Изд-во гуманитарной литературы, 2004. – 725 с.

360. Рудаков, В. Н. Ордынские нашествия в русской исторической памяти середины XIII – XVIII в. / В. Н. Рудаков. – Москва: Квадрига, 2025. – 304 с.

361. Румянцева, М. Ф. Проблема коммеморации: метанарратив – места памяти – ренарративизация / М. Ф. Румянцева // Диалог со временем. – 2016. – № 54. – С. 16–31.

362. Рюзен, Й. Утрачивая последовательность истории: (некоторые аспекты исторической науки на перекрестке модернизма, постмодернизма и дискуссии о памяти) / Й. Рюзен // Диалог со временем. – 2001. – Вып. 7. – С. 8–26.

363. Савельева, И. М. Знание о прошлом: теория и история: в 2 т. / И. М. Савельева, А. В. Полетаев. – Т. 1: Конструирование прошлого. – Санкт-Петербург: Наука, 2003. – 632 с.; – Т. 2: Образы прошлого. – Санкт-Петербург: Наука, 2006. – 751 с.

364. Саид, Э. В. Ориентализм. Западные концепции Востока / Э. В. Саид; пер. с англ. А. В. Говорунова. – Санкт-Петербург: Русский мир, 2006. – 637 с.

365. Сериал Золотая Орда // Вокруг ТВ. – URL: https://www.vokrug.tv/product/show/zolotaya_orda/ (дата обращения: 26.02.2023).

366. Сыров, В. Н. В каком историческом сознании мы нуждаемся: к методологии подхода и практике использования / В. Н. Сыров // Вестник Томского государственного университета: История. – 2013. – № 1 (21). – С. 183–190.

367. Ткаченко, В. В. Синопсис и преподавание истории России в XVIII в.: об одном историографическом мифе / В. В. Ткаченко // История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды: сб. ст. участников V Всероссийской научно-практической школы-конференции молодых ученых (9 ноября 2017 г.). – Москва: Институт российской истории РАН, 2018. – С. 41–47.

368. Тубылевич, Р. Е. Древнерусское историческое повествование как источник исторических романов 40–60-х гг. XX в. (С. П. Бородин «Дмитрий Донской», В. Г. Ян «Батый», М. А. Рапов «Зори над Русью», М. Д. Каратеев «Богатыри проснулись») / Р. Е. Тубылевич // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. – 2019. – № 3 (11). – С. 25–42.

369. Уайт, Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века / Х. Уайт; пер. с англ. под ред. Е. Г. Трубиной, В. В. Харитонова. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2002. – 528 с.

370. Ферро, М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира / М. Ферро; пер. с фр. Е. И. Лебедевой. – Москва: Книжный клуб 36.6, 2010. – 461 с.

371. Ферро, М. Кино и история / М. Ферро // Вопросы истории. – 1993. – № 2. – С. 47–57.

372. Фукс, А. Н. Школьные учебники по отечественной истории как историографический феномен (конец XVII в. – вторая половина 1930-х гг.) / А. Н. Фукс. – 2-е изд. – Москва: ИИУ МГОУ, 2017. – 420 с.

373. Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс; пер. с фр. С. Н. Зенкина. – Москва: Новое изд-во, 2007. – 346 с.

374. Хаттон, П. История как искусство памяти / П. Хаттон; пер. с англ. В. Ю. Быстрова. – Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2003. – 422 с.

375. Хут, Л. Р. Теоретико-методологические проблемы изучения истории Нового времени в отечественной историографии рубежа XX–XXI вв. / Л. Р. Хут. – Москва: Издательство МПГУ, 2010. – 704 с.

376. Черепнин, Л. В. Исторические взгляды классиков русской литературы / Л. В. Черепнин. – Москва: Мысль, 1968. – 383 с.

377. Шапиро, А. Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 г. / А. Л. Шапиро. – 2-е изд. – Санкт-Петербург: Ассоциация «Россия»; Культура, 1993. – 761 с.

378. Шенк, Ф. Б. Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263–2000) / Ф. Б. Шенк; пер. с нем.

Е. Земсковой, М. Лавринович. – Москва: Новое литературное обозрение, 2007. – 589 с.

379. Шмид, В. Нарратология / В. Шмид. – Москва: Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.

380. Шмидт, С. О. Памятники художественной литературы как источник исторических знаний / С. О. Шмидт // Отечественная история. – 2002. – № 1. – С. 40–49.

Диссертации и авторефераты диссертаций

381. Лыскова, М. И. Мировоззренческие истоки современного массового исторического сознания: Социально-философский анализ : специальность 09.00.11 «Социальная философия»: автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата философских наук / Лыскова Марина Ивановна ; Сибирский юридический институт МВД России. – Красноярск, 2006. – 24 с.

382. Лушников, О. В. Предпосылки, формирование и развитие евразийской идеи: история и современность : специальность 07.00.02 «Отечественная история»; 07.00.09 «Историография, источниковедение и методы исторического исследования» : автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук / Лушников Олег Вадимович ; Пермский государственный университет. – Ижевск, 2008. – 26 с.

383. Мухаметов, Ф. Ф. Отечественная историография монгольского завоевания Руси : специальность 07.00.09 «Историография, источниковедение и методы исторического исследования» : автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора исторических наук / Мухаметов Фарит Федорович ; Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. – Москва, 2007. – 50 с.

384. Новолодский, А. С. Войны времени царствования Ивана Грозного в русской исторической памяти второй половины XVI – начала XX в. :

специальность 07.00.02 «Отечественная история»: автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук / Новолодский Алексей Сергеевич ; Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону, 2020. – 30 с.

385. Нолев, Е. В. Современная историография взаимоотношений Руси и Золотой Орды (Улуса Джучи) : специальность 07.00.09 «Историография, источниковедение и методы исторического исследования» : диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук / Нолев Евгений Владимирович ; Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН. – Улан-Удэ, 2013. – 252 с.

386. Поваляева, Н. Е. История Отечества до начала XX века в современных школьных учебниках: : специальность 07.00.09 «Историография, источниковедение и методы исторического исследования» : автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук / Поваляева Наталия Евгеньевна ; Московский государственный областной университет. – Москва, 2004. – 19 с.

387. Политов, В. В. Отечественная историография влияния монголо-татарского ига на социально-политические институты княжеств Северо-Восточной Руси : : специальность 07.00.09 «Историография, источниковедение и методы исторического исследования» : автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук / Политов Виталий Викторович ; Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. – Москва, 2017. – 22 с.

388. Селезнёв, Ю. В. Русские князья в политической системе Джучиева Улуса (Орды) : специальность 07.00.02 «Отечественная история»: диссертация на соискание учёной степени доктора исторических наук / Селезнёв Юрий Васильевич ; Воронежский государственный университет. – Воронеж, 2014. – 595 с.

389. Селезнёв, Ю. В. Русско-ордынские отношения в конце XIV – первой трети XV вв. : специальность 07.00.02 «Отечественная история»:

диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук / Селезнёв Юрий Васильевич ; Воронежский государственный университет. – Воронеж, 2002. – 216 с.

390. Сосницкий, Д. А. Историческая память о допетровской Руси в России второй половины XIX – начала XXI вв. : специальность 07.00.02 «Отечественная история»: автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук / Сосницкий Дмитрий Александрович ; Санкт-Петербургский государственный университет. – Санкт-Петербург, 2015. – 26 с.

391. Стребкова, Л. И. Куликовская битва в коммеморативных практиках Российской империи второй половины XIX – начала XX веков: специальность 5.6.1. «Отечественная история»: автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук / Стребкова Лариса Ивановна ; Тульский государственный университет. – Курск, 2024. – 30 с.

392. Ткаченко, В. В. Допетровская Русь в исторической памяти XVIII века : специальность 07.00.02 «Отечественная история»: автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук / Ткаченко Виктория Владимировна ; Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. – Москва, 2020. – 26 с.

393. Трубкин, В. В. Отечественная историческая литература о русско-ордынских и русско-литовских отношениях в середине XIII – XV вв. : специальность 07.00.09 «Историография, источниковедение и методы исторического исследования» : автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук / Трубкин Владимир Васильевич ; Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского. – Омск, 2007. – 22 с.